

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Л. В. Шулунова

ОНОМАСТИКА ПРИБАЙКАЛЬЯ

Ответственный редактор
доктор филологических наук,
профессор Г. С. Доржиева

Монография

Улан-Удэ
Бурятский государственный университет
2021

УДК 81'373.2(571/53/.54)
ББК 81.053.16(253.57)
Ш 955

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 8 от 09.12.2020

Рецензенты

Е. В. Сундуева, доктор филологических наук
А. В. Ринчинова, кандидат филологических наук
И. А. Дамбуев, кандидат филологических наук

Шулунова Л. В.

Ш 955 **Ономастика Прибайкалья**: монография / ответственный редактор Г. С. Доржиева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2021. — 216 с. ISBN 978-5-9793-1631-4

Монография представляет собой опыт лингвистического описания бурятской онимической системы в целом. На основе типологического анализа разрядов бурятских имен собственных определена специфика бурятской ономастики, выявлены закономерности ономастической системы бурят.

Книга рассчитана на специалистов в области ономастики и монголоведения.

Shulunova L.V.

Onomastics of Pribaikalye: a monograph / responsible editor G. S. Dorzhiéva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2021. — 216 p. ISBN 978-5-9793-1631-4

The monograph presents an experience of the linguistic description of the Buryat onymic system as a whole. Based on a typological analysis of the categories of Buryat proper names we have determined the specificity of the Buryat onomastics, revealed the patterns of the onomic system of the Buryats.

The book is intended for specialists in the field of onomastics and Mongolian studies.

УДК 81'373.2(571/53/.54)
ББК 81.053.16(253.57)

ISBN 978-5-9793-1631-4

© Шулунова Л. В., 1995
© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена типологическому анализу бурятской онимии. Актуальность определяется необходимостью системного описания лексики монгольских языков, где собственные имена все еще требуют расширенного изучения. В плане лингвистическом ономастическая лексика представляет большой интерес как часть словарного состава языка, свидетельствующая не только о многоаспектности языковой единицы, но и о языковых контактах, языковом взаимодействии разных народов.

В контексте интереса к имени собственному вообще обращение к изучению системы бурятских собственных имен представляется достаточно обоснованным, поскольку способность онимов фиксировать структуру и типологию материальной и духовной культуры народа может оказаться весьма полезной при описании этнографического материала. В условиях возрождения национальной культуры, интереса к прошлому, восстановления истины исторических событий данные ономастики могут быть полезны для ряда наук.

Кроме того, представляется оправданным описание ономастической системы конкретного языка для выявления типологии имен собственных, уточнения общетеоретических вопросов ономастики, возможности определения материала для сравнительных исследований.

Предмет исследования — совокупность имен собственных, бытующих в языке бурят, населяющих территорию этнической Бурятии: Республика Бурятия, Иркутская и Читинская области. Основная цель работы — дать лингвистическое описание бурятской онимии, определить типологические и специфические черты бурятской ономастики, выявить закономерности ономастической системы бурят.

Работа представляет собой первый опыт лингвистического описания бурятской онимической системы в целом. На основе типологического анализа разрядов бурятских имен собствен-

ных определена специфика бурятской ономастики, выявлены закономерности ономастической системы бурят. Руководствуясь основными принципами ономастики и теоретическими положениями языковедческой науки в области лексикологии и грамматики, автор выделяет четыре основных семантических разряда бурятских имен собственных: антропонимы, топонимы, зоонимы, космонимы.

Материалом исследования послужили: ономастическая картотека кабинета бурятской филологии Иркутского государственного университета, результаты письменных (анкетных) опросов, полевые материалы диалектологических и ономастических экспедиций по районам Бурятии и Иркутской области, сведения, опубликованные в научной литературе по ономастике и языкознанию.

Практическое значение проведенного исследования не ограничивается возможностью использования его результатов в описании лексического состава бурятского языка. Результаты исследования могут найти применение при написании отдельных разделов учебников, учебных пособий по бурятскому языку для вузов и школ, совершенствовании правил орфографии, организации работы по краеведению. Материалы исследования могут быть использованы представителями других наук (этнографами, историками, географами и др.) при освещении отдельных вопросов истории, этнологии, социологии и культуры.

Переиздание монографии «Ономастика Прибайкалья» приурочено к 70-летию юбилею проф. Л. В. Шулуновой. Инициаторами переиздания книги, представляющей научную и практическую ценность для широкого круга специалистов в области филологии, этнографии, истории и культуры аборигенных народов Циркумбайкальского региона, выступили Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (ректор д-р техн. наук, проф. Н. И. Мошкин), Комитет по международным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы и Правительства Республики Бурятия, в лице М. А. Харитонова, Председателя Комитета.

Глава I ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БУРЯТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Многообразие мира вещей представлено объектами как реальными, так и вымышленными. В плане рассматриваемого нами вопроса об ономастическом пространстве бурятских имен собственных мы вправе также выделить наименования реально представленных объектов и объектов мнимых, гипотетических.

Замечено, что любая лексика активно реагирует на все явления, происходящие в окружающей человека среде, и в этом смысле имена собственные играют своеобразную роль регистраторов определенных событий. Ономастическое пространство бурятских имен собственных представляет собой совокупность наименований объектов окружающей среды, а также объектов, рожденных фантазией человека.

1.1 Из истории изучения бурятских имен собственных

Приступая к анализу бурятской онимии, следует остановиться на вопросах истории изучения имен собственных в бурятском языке. Необходимость специального изучения онимической лексики возникает на определенном этапе развития лингвистических знаний как закономерная потребность при описании отдельных языков. Заметим, что ономастические изыскания нередко продиктованы исследованиями в области диалектологии, лексикологии и лексикографии. Данное обстоятельство вполне понятно, поскольку создание фондов хронологически и территориально обследованных слов включает и ономастическую лексику.

В исследованиях по истории языка также нельзя обойти вниманием имена собственные как факт языка и как достаточно консервативный слой лексики, содержащий уникальные сведения не только о языке, но и о культуре и истории народа. Совершенно правильно замечено исследователями ономастической лексики, что «проходят столетия, а названия местностей передаются от прадеда к деду, от отца к сыну, отражая различные явления природы, представления народа об окружающей его действительности, а также особенности его языка и т. д.». В стремлении к сохранению, продолжению и умножению рода человеческое общество немало надежд возлагало

на «магическую силу» личных имен. Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их предметных атрибутов.

Первые наблюдения над именами собственными в бурятском языке датируются пятидесятыми годами XX в. (работы Б. Р. Буянтуева, В. Ф. Балабанова и В. О. Куликова). Шестидесятые годы XX в. отмечены выходом ряда статей, посвященных вопросам ономастики, преимущественно на материале топонимии. Среди первых работ по топонимике значительное место принадлежит региональным исследованиям, которые сопровождаются более или менее обстоятельным историко-этимологическим анализом топонимов [Балабанов, 1966, с. 34–36; Его же, 1969, с. 109–119; Балдаев, 1961, с. 154–177]. Авторы первых статей по бурятской топонимии обращают внимание на то, что в географических названиях нередко засвидетельствованы исторические события [Буянтуев, 1951, с. 51–52; Куликов и Балабанов, 1957, с. 68–74; Гурулев, 1974, с. 102–107], в том числе и древние миграции населения [Мартынов, 1960, с. 167–170; Мельхеев, 1962].

В топонимических словарях привлечены диалектные языковые данные, устанавливается этимология топонимов [Егоров, 1934; Мельхеев, 1964; Раднаев, 1965; Кузьмина, 1969].

Работы по антропонимике большей частью носят описательный характер. Мы наблюдаем отсутствие в них грамматического анализа, выявление географии основных антропонимических формантов. Тем не менее в них уделяется внимание вопросам наречения [Бураев, 1966, с. 78–80; Алдарова, 1973, с. 63–78, 79–86], функционирования [Дарбеева, 1970, с. 205–211], социальной сущности личных имен [Дарбеева, 1969, с. 46–53], установлены антропонимические модели [Митрошкина, 1972, с. 26].

Свидетельством все расширяющегося интереса к массовому изучению системы собственных имен в Бурятии можно считать выход в свет в 1976 г. сборника «Ономастика Бурятии», изданного Институтом общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР.

В отличие от предшествовавших работ, посвященных ономастическим проблемам, сборник представляет собой коллективный труд, объединивший исследования бурятских лингвистов в области ономастики. Появление сборника — свидетельство развития этой молодой отрасли науки в Бурятии, показатель его уровня. Вполне закономерно, что работа основана на опыте публикаций прошлых

лет. Однако, являясь продолжением уже начатых исследований, сборник характерен более широким кругом охваченных вопросов, более глубоким анализом материала, часть которого привлекается впервые. Книга объединяет два направления ономастической работы — исследования, посвященные теоретическим вопросам ономастики, и вопросы изучения источников.

Материал сборника сгруппирован по разделам. Первый раздел посвящен общетеоретическим вопросам, последующие два — антропонимике и топонимике, в заключительном разделе дана библиография по бурятской ономастике. Топонимические исследования, представленные в сборнике, освещают вопросы ареальной топонимии в синхронном и диахроническом аспектах. По характеру объекта исследований статьи можно распределить на две группы: 1) собирательные наименования объектов; 2) конкретные наименования объектов исследования.

В этих работах охарактеризована морфологическая структура топонимов (Ц. Б. Будаев, М. Д. Симонов), определены источники номинации и этимология топонимов (Т. М. Михайлов, Д. Г. Дамдинов), установлены основные лексические элементы, используемые в качестве топооснов (Д. Г. Дамдинов, Ц. Б. Будаев), показано, что может дать топонимия для истории языка (М. Н. Мельхеев, Г. Э. Базарова, С. А. Гурулев). В них использован свежий материал, собранный в экспедициях, современные и исторические письменные источники, топонимия смежных территорий и других языков.

Выход в свет сборника «Ономастика Бурятии» вызвал активизацию научных поисков в области бурятской ономастики. Начат плановый и систематизированный сбор ономастического материала экспедициями, организуемыми отделом языкознания Института общественных наук БФ СО АН СССР, кафедрой русского языка и общего языкознания Иркутского университета. Названное издание оказало большую помощь и вузовским ономастическим кружкам (при Бурятском государственном педагогическом институте им. Д. Банзарова, Иркутском государственном университете) в овладении теорией и практикой ономастических исследований.

В 1979 г. кафедрой русского языка и общего языкознания Иркутского госуниверситета при содействии отдела языкознания Бурятского института общественных наук была организована конференция по ономастике с участием ученых Улан-Удэ, Читы и Иркутска. На филологических факультетах пединститутов Читы и Улан-Удэ,

Иркутского университета в настоящее время читаются спецкурсы по ономастике.

Следует отметить значительную работу ономастического кружка Иркутского государственного университета (научный руководитель д-р филол. наук А. Г. Митрошкина), который начал функционировать с 1969 г. Вначале кружковцы были заняты сбором ономастического материала на территории Иркутской области во время учебных практик, но впоследствии стали организовываться ономастические экспедиции за пределы области. Собранный материал подвергался обработке и представлялся в форме курсовых и дипломных работ, докладов и сообщений на конференциях. С 1972 г. члены ономастического кружка стали выступать на всесоюзных и международных конференциях, появились публикации студентов в центральных изданиях (Д. Д. Нимаев, Л. В. Баирова, Н. П. Шулунова, Ц. Б. Жамсаранова и др.).

Возвращаясь к изданию первого ономастического сборника, заметим, что сборник нацеливал исследователей на решение новых задач, включающих теоретические проблемы ономастики (методология, терминология, структура науки, место ономастики в системе лингвистических наук, специфика онимов любого раздела ономастики в области словообразования, акцентуации, семантики имени собственного), комплексное изучение всех членов онимической системы, функционирующей в живой разговорной речи одного компактного ареала, выявление связей и соотношений между разделами ономастики.

Интерес к истории имен собственных, который мы наблюдаем в содержании статей авторов 1960–1970 гг., стал основой более или менее системного изучения бурятской онимии.

1980-е годы ознаменовались выходом уже трех сборников по бурятской ономастике. Примечательно то, что если авторский коллектив первого ономастического сборника был представлен учеными, имеющими немалый опыт исследовательской работы, то сборники 1980-х гг. включали статьи совсем еще молодых исследователей, делающих свои первые шаги в науке.

К примеру, в числе авторов сборника статей «Бурятские антропонимы и топонимы» (1981) немало исследователей, представивших опыт первых наблюдений. Своими первыми публикациями вошли в сборник Э. М. Апханова, А. Т. Олохтонова, А. А. Хамаева, В. Б. Ширибазарова — студенты бурятского филологического отде-

ления Иркутского университета. К чести студентов и их научного руководителя профессора д-ра филол. наук А. Г. Митрошкиной следует сказать, что уровень анализа материала отвечает всем требованиям лингвистической науки. Выводы и обобщения, к которым пришли молодые авторы сборника, безусловно, представляют научный интерес и имеют практическую ценность. В целом издание сборника «Бурятские антропонимы и топонимы» (1981) — это определенный этап в развитии не только ономастических исследований в Бурятии, но и бурятского языкознания.

Описанию значительно более широкого диапазона единиц ономастикона посвящен третий ономастический сборник «Исследования по ономастике Бурятии» (отв. ред. И. Д. Бураев), вышедший в свет в 1987 г. Сборник представил исследования по топонимии, антропонимии и этнонимии бурят Предбайкалья и Забайкалья, а также сопредельных регионов. Отличительной чертой работ, включенных в названный сборник, является то, что от наблюдений и описания ономастических фактов авторам удалось перейти к обобщениям, имеющим ценность для теории собственных имен. Большой интерес представляют статьи сборника, освещающие вопросы методологии ономастических исследований (А. Г. Митрошкина), этимологии ономастических названий (Л. Б. Бадмаева, В. И. Рассадин), топо- и этнонимических связей (Д. Д. Нимаев), взаимодействия языков в области ономастики (Б. Сюлбэ).

В целом материалы сборника свидетельствуют обо все возрастающем интересе к ономастике как науке. Сборник привлекателен тем, что авторский коллектив включает представителей разных наук — лингвистов, этнографов, востоковедов, краеведов. Следует отметить, что основой анализа послужили онимические единицы, используемые в различных стилях речи, языке летописей, фольклорных произведениях, художественной литературы, газетном (публицистическом) жанре.

Большую ценность, безусловно, имеет полевой материал, представленный в статьях. В настоящем сборнике можно ознакомиться с исследованиями онимии и сопредельных регионов, что также примечательно и полезно в плане изучения вопросов взаимодействия и взаимовлияния языков. Выход в свет уже третьего и вскоре последовавшего за ним четвертого [Исследования по ономастике Прибайкалья, 1990] ономастического сборника свидетельствует о до-

статочно систематической работе бурятских ученых над проблемами ономастики.

Восьмидесятые годы были ознаменованы и выходом первых монографий по антропонимике. Исследованию прозвищ в разговорном бурятском языке посвятила свою работу автор данной рукописи [Шулунова, Прозвища в антропонимии бурят, 1985], анализу бурятской антропонимии была посвящена монография А. Г. Митрошкиной [Митрошкина, Бурятская антропонимия, 1987].

Таким образом, в арсенале бурятской ономастики помимо монографических описаний по топонимике [Мельхеев, 1964, 1969] появились работы и по антропонимике.

В монографии Л. В. Шулуновой «Прозвища в антропонимии бурят» дано описание бурятских прозвищ, возникших в условиях массового двуязычия. Автор классифицирует их по функции, мотивации, сфере бытования, структуре и способу образования; рассматривает лексические и морфологические варианты прозвищ.

Монография А. Г. Митрошкиной «Бурятская антропонимия» включает анализ бурятских личных имен в лингвоисторическом и этнографическом аспектах. Впервые в монгольской антропонимике на обширном полевом и архивном материале показаны мотивы выбора и сферы функционирования бурятских антропонимов, выявлены пути пополнения именника за счет собственных ресурсов и заимствований. Особый интерес представляет разработка методики накопления фактического материала.

Большую роль в развитии ономастических исследований по бурятскому языку играют своеобразные центры — Улан-Удэ и Иркутск. Усилиями отдела языкознания Института общественных наук Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН были изданы упомянутые выше сборники научных статей по проблемам бурятской ономастики, организованы экспедиции по районам Бурятии.

По инициативе отделения общественных и гуманитарных наук Иркутского государственного университета и иркутского регионального отделения Всероссийской ассоциации монголоведов проведены четыре региональные конференции по ономастике Прибайкалья и сопредельных территорий (1979, 1983, 1986, 1989 гг.), на которых обсуждались вопросы взаимодействия тюрко-монгольских языковых общностей и этнических процессов на территории юга Сибири и Монголии, отраженных в именах собственных.

В целом история изучения бурятской онимии представлена сегодня исследованиями на всех языковых уровнях. Обзор имеющихся публикаций свидетельствует о том, что в поле зрения исследователей входили различные разделы языкознания:

– историческая фонетика (историческая дифференциация звуков, звуковая трансформация и адаптация звуков одного языка в другом и т. д.);

– историческая лексика, онимы и диалекты бурятского языка, взаимодействие бурятского языка с другими языками в различные исторические периоды;

– словообразование и структура онимов;

– грамматика и синтаксис имен собственных;

– функционирование бурятских имен собственных в языке и речи;

– методология ономастических исследований.

Вместе с тем пока еще отсутствуют исследования, посвященные изучению комплекса системы бурятских собственных имен, ее основных разрядов. Задача данной работы — в какой-то степени восполнить этот пробел.

1.2 Объем и содержание ономастического пространства

В исследованиях сибирского ученого В. Н. Топорова [1969, с. 33–34] мы встречаем определение ономастического пространства, в котором под ономастическим (топонимастическим) пространством понимается вся совокупность ономастических названий. Подобное определение позволяет говорить об объеме ономастического пространства, его структуре, в частности о классах составляющих его названий, их большей или меньшей представленности, о строении разных разрядов ономастической лексики, естественности или искусственности обозначаемых объектов, соотношении онимов и соответствующих им апеллятивов и т. д.

Рассматривая древнеиндийскую (палийскую) ономастику, В. Н. Топоров показал, что ономастическая лексика не есть что-то абстрактное и внеисторичное. Ономастическое пространство всегда конкретно. Оно полностью не совпадает, не «накладывается» друг на друга не только в историческом плане, то есть в разные периоды жизни одного и того же народа, но и в национально-культурном: у

каждого этноса обычно свое представление о собственных названиях и круге онимизируемых объектов.

Кроме того, исследователем замечено, что существует зависимость «ономастического восприятия» действительности от мировоззрения. Для буддийского мировоззрения характерно, указывает В. Н. Топоров, превращение в индекс собственных имен всего, что «связано с высшими авторитетами и ценностями в мире буддийских представлений — с Буддой и Каноном в первую очередь» [1969, с. 46].

Между тем хотя каждый конкретный объект в принципе может быть выделен как индивидуальный и получить персональное имя, в действительности собственными именами «отмечаются» лишь «избранные» предметы и явления. Очевидно, что перечень «избранных» объектов в каждом языке имеет как типологические черты, так и специфические. К примеру, в работе В. Н. Топорова указано, что в палийской традиции собственными именами считаются не только названия текстов или доктрин, но и афоризмы, вопросы, ответы, загадки, проповеди (из канонических текстов); титулы и прозвища, болезни, жертвоприношения, подаяния милостыни, чудеса, чары; украшения, камни, кристаллы; оружие; трон; музыкальные инструменты; утварь; месяцы, дни, праздники, церемонии; деревья и растения, животные (слоны, лошади, олени, шакалы и др.); боги, нимфы, духи и даже атрибуты мифологических персонажей и их эпитеты.

Приведенный перечень позволяет считать, что в каждом языке существует разновидность имен собственных, свойственная данному конкретному языку, а внутри такового возможно выделение названий, свойственных конкретному историческому периоду.

Анализ ономастического материала, как бурятского, так и других языков, свидетельствует о том, что термин «ономастическое пространство» применим в двух смыслах: 1) как общелингвистическая категория, то есть как система ономастических единиц, служащая для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности (реальных и вымышленных); 2) как категория определенного языка в тот или иной период его истории.

В настоящее время у большинства народов мира ономастическое пространство включает широкий и разнообразный круг предметов. Общеономастическая теория рассматривает, как правило, типичный набор ономастических категорий, свойственный большинству языков в современный период, а также в доступные изучению предше-

ствующие периоды их развития. Основываясь на положениях общей теории имени собственного, рассмотрим представленный материал как комплекс собственных имен, употребляемый бурятами в данный период.

В перечень объектов, реально существующих и имеющих название, входят: люди, животные, географические объекты, зоны космического пространства, небесные тела и их части, точки и отрезки времени, праздники, учреждения, предприятия, общества, средства передвижения, произведения искусства, периодические издания, документы и законы.

К числу наименований, данных вымышленным объектам, следует отнести названия объектов, созданных фантазией людей; объектов, существование которых предполагается, и объектов, созданных творчеством художника.

Каждой разновидности объекта соответствует определенная ономастическая категория, внутри которой различаются свои разряды, группы и подгруппы. Таким образом, содержание ономастического пространства бурятских имен собственных определяется следующим соотношением: люди — антропонимы; животные — зоонимы; географические объекты — топонимы; зоны космического пространства, небесные тела и их части — космонимы, астронимы, точки и отрезки времени — хрононимы; праздники — названия конкретных праздников; учреждения, предприятия, общества — названия учреждений, обществ; средства передвижения — названия поездов, пароходов; произведения искусства — названия литературных, музыкальных, сценических, живописных и других произведений; периодические издания — наименования газет и журналов; документы и законы — документонимы.

В группе вымышленных объектов это соотношение определяется следующим образом: объекты, созданные фантазией людей, — мифонимы (демононимы, теонимы); объекты, существование которых предполагается, — гипотезионимы; объекты, созданные творчеством художника, — фиктонимы. Изложенное возможно отразить в таблице (табл. 1). Подобная таблица с несколько иным содержанием дана в работе А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного».

Приведенный материал, как нам думается, представляет интерес для сравнительно-типологического исследования ономастической лексики. В частности, изучение ономастического материала воз-

можно в плане выделения предметно-номинативной общности родственных и неродственных языков, нашедшей отражение в единых ономастических категориях. Кроме того, интересен и диахронический срез для исследования закономерностей исторической эволюции этих категорий.

Таблица 1

Соотношение объектов и наименований, их обозначающих

Объект	Имя нарицательное	Имя собственное	Пример
Люди	Обозначение людей	Антропоним	Бадма
Животные	Обозначения животных	Зооним	Улаадай
Географические объекты	Обозначения рельефа, водных объектов	Топонимы (оронимы, гидронимы и т. д.)	Саяан, Ангара
Зоны космического пространства, небесные тела и их части	Общепринятые обозначения частей небосвода и небесных тел	Космонимы, астронимы	Мигмар, Сугар
Точки и отрезки времени	Общепринятые обозначения времени	Хрононимы	Жэл, Һара
Праздники	Общепринятые обозначения праздников	Собственное имя отдельного праздника	Сурхарбан
Учреждения, предприятия, общества	Общепринятые обозначения разновидностей предприятий, обществ	Названия учреждений, предприятий, обществ	кафе «Ургы»
Средства передвижения	Общепринятые обозначения транспортных средств	Собственные имена поездов, экспрессов, пароходов и т. п.	«Селенга»
Произведения искусства	Общие обозначения видов искусства	Собственные имена — названия произведения искусства	опера «Энхэ Булат Батор»

Периодические названия	Общие обозначения периодических изданий	Собственные имена — наименования органов периодической печати	«Буряад үнэн», «Хараасгай»
------------------------	---	---	----------------------------

Первичный же анализ ономастического пространства бурятских имен собственных в аспекте его содержания, наличия тех или иных разновидностей онимов позволяет считать, что в ономастическое пространство включаются наименования различных объектов, как реальных, так и вымышленных. Перечень этих объектов типичен для ономастического пространства не только родственных языков (монгольский, калмыцкий), но и неродственных (русский).

1.3 Системные связи в ономастическом пространстве

Существует мнение, что основой языка является система нарицательных слов. Классификация апеллятивной лексики свидетельствует о том, что система нарицательных слов охватывает весь мир, окружающий человека. В этом смысле значение системы нарицательной лексики выходит за пределы чисто языкового явления.

Вопрос же о месте ономастического материала в общей системе языка не получил однозначного решения. Ряд лингвистов склонен считать, что имена собственные не составляют цельной системы и занимают периферическое место в пределах языков. Существует мнение и о том, что имена собственные не образуют самостоятельной ономастической системы, отличной от системы данного языка, а «включаются в нее».

Наблюдения над бурятской ономастической лексикой показывают, что онимические единицы находятся в определенной взаимосвязи не случайно, поскольку замечено, что имена собственные, как и всякое явление действительности, развиваются во времени и пространстве. Вместе с тем у онимов есть своя специфика, характеризующаяся, скажем, культурной непрерывностью, то есть особой связью имен, созданных людьми разных стран и культур. Компоненты, составляющие ономастическое пространство, тесно связаны

между собой, то есть возможно говорить о связи имен собственных разных типов друг с другом.

В бурятском ономастиконе типично образование фамилий по имени отца, деда и даже матери, к примеру, в материалах А. Г. Митрошкиной находим: Дашиев Болод Жамбалович (1959 г., фамилия по имени отца), сестра его Жамбалова Цыжигма Дашиевна (1963 г., фамилия по имени деда); Батоев Базар Батоевич (1928), его дети Базаров Батор Батоевич (1958), Батоев Баир Базарович (1964); Батоев Ким Батоевич (1924), его дети Ким Билиг Батоевич (1957), Батоева Валя Кимовна (1961); Жигжитов Балдан Жигжитович, его дети Балданов Валерий Жигжитович (1958), Жигжитов Болот Балданович (1962); Базарсадаев Базар-Гуро, его дети Базаргуруев Бато Базарсадаевич (1959), Базарсадаев Балбор Базаргуруевич (1961) и др. [Митрошкина, 1987, с. 181–182].

Там же приводятся случаи образования фамилий, к примеру, Дулмаев — от женского имени Дулма, Хандуев (Ханда), Бальжитов (Бальжид), Матуев (Маатуу), Мухнуев (Мухнуу), Налханов (Налхан), Пунтыков (Пунтыгмаа), Рыгзенов (Рыгземаа), Саранов (Саран), Шарнаев (Шарнай), Шарханов (Шархан).

Распространена номинация географических объектов по имени или фамилии человека, имеющего какое-то отношение к данному объекту, например: Бажей (населенный пункт в Черемховском районе Иркутской области) — по имени крещеного бурята Аларского ведомства Бажея Косомова, представителя нарождающейся бурятской буржуазии (30–50-е гг. XIX в.). Он отличался большим богатством, предприимчивостью, честолюбием, боролся с местным тайшой за власть. Был меценатом, открыл в своем улусе православную церковь, школу и лечебницу, чем снискал некоторую известность. Прежний бур. улус Нуга (от апеллятива *нуга* «луг») стал называться Бажытан, по-русски Бажей, и заселяться новокрещенными бурятами и русскими. Теперь это чисто русское село, из которого коренные бурятские семьи перекочевали в другие места [Мельхеев, 1969, с. 113–114].

Большое количество ойконимов обязано своим происхождением антропонимам — наименованиям родов и племен, например: Алзобей (населенный пункт в Аларском районе Иркутской области) — по имени одного из выдающихся предводителей хонгодоровского рода Олзобэ, отца Молонтоя, перекочевавшего со своими сородичами в XVII в. из Монголии в Прибайкалье. В легендах он известен

как один из мудрейших старейшин, понимавший необходимость перекочевки на спокойные места от междоусобной войны монгольских феодалов. Потомки Олзобэ расселились на местах, названных его именем [Мельхеев, 1969, с. 110–111].

В основе наименований периодических изданий можно обнаружить оттопонимические названия, например: литературно-художественный и общественно-публицистический журнал писателей Бурятии, выходящий на бурятском и русском языках «Байгал» («Байкал») от гидронима *Байкал*; газета, выходящая в Тункинском районе Бурятии, «Саяны» — от оронима *Саяны*. В ряде эргонимов (названий предприятий) мы находим отгидронимические образования: туристический клуб «Хамар-Дабан» от оронима Хамар-Дабан, туристическая фирма «Байкал» от известного гидронима.

В плане системных связей в ономастическом пространстве следует рассматривать зависимое употребление двух или нескольких имен собственных в различных разрядах онимов. В топонимии это выражается наличием антонимичных пар в составе онимических названий: ехэ 'большой' — бага 'малый'; урда 'южный' и хойто 'северный', зуун 'восточный', 'левый' и баруун 'западный', 'правый', сагаан 'белый' и хара 'черный', доодо 'нижний' и дээдэ 'верхний'.

Проявлением системности следует считать, на наш взгляд, и некоторую самостоятельность грамматики онимических единиц. Самостоятельность эта выражается наличием определенных формантов: топонимических, антропонимических, зоонимических и т. д. В образовании топонимов участвуют, к примеру, суффиксы -та, (-то, -тэ); -тай (-той, -тэй): Арангата, Дабастай.

Антропонимические образования используют суффиксы: -аа/-оо/-еэ/-уу/-үү/-ээ (Мантаа, Морхоо, Асруу, Гэнжүү, Гүлгээ). В зоонимических названиях возможно выделить суффиксы: -дай/-дой/-дэй (Малаадай).

По своей структурно-системной организованности различные разряды онимов могут не уступать обычной лексике языка, а иногда и превосходить ее. Ономастическая лексика, употребляемая для обозначения людей, содержит и формы субъективной оценки, например, уменьшительно-ласкательные формы личных имен с суффиксами: -даан/-доон/-дуун (Дугардаан от личного имени Дугар).

Следует заметить, что суффикс -даан в числе антропообразующих суффиксов (элементов) впервые назван И. Д. Бураевым и Л. Д. Шагдаровым [1969, с. 106–116].

В прозвищных именах мы наблюдаем использование суффиксов -хан/-хон/-хэн (Ноёхон досл. 'начальничек' от *ноёон* 'начальник'); -иг (Модолиг досл. 'неповоротливый' от *модон* 'дерево').

Приведенные примеры свидетельствуют о существовании внутри ономастического пространства своеобразных полей (антропонимия, топонимия, зоонимия и т. д.), которые представляют собой систему. Каждый член этой системы соотносится с другими по ряду параметров: территория, тема, время и т. д. Собственные имена, составляющие каждое поле, системны. Системы смежных территорий и эпох плавно переходят друг в друга.

Системность ономастики определенной территории предполагает наличие у всех или многих употребляющихся на ней имен признаков, позволяющих им функционировать в качестве имен, что, в свою очередь, предъявляет к именам ряд требований.

Понимание ономастического сектора языка как системы, подчиненной в основных своих закономерностях неонамастической «метрополии» языка, не умаляет самобытности ономастического материала и не отрицает возможности отыскать в нем такие виды и формы связей, которые либо отсутствуют вовсе, либо представлены в аппелятивной лексике.

Очевидно, задача исследователя состоит в том, чтобы не упустить из виду системные связи как в пределах ономастического пространства (между единицами одного разряда, между разными ономастическими единицами и разрядами), так и в масштабе языка в целом.

Все собственные имена, существующие в данное время у данного народа, составляют ономастическое пространство. Все единицы, составляющие ономастическое пространство, равномерно распределяются по определенным речевым ситуациям, нередко давая однозначное указание на именуемый с их помощью объект.

Антропонимический материал позволяет определить антропонимическое поле ономастического пространства. При этом в бурятском антропонимиконе возможна характеристика его компонентов с учетом диалектов и говоров. Соотнося антропонимический материал со сведениями исторического и этнографического характера, А. Г. Митрошкина выделяет два больших массива — западный и

восточный. Такое членение бурятского антропонимикона связано, как справедливо отмечает А. Г. Митрошкина, с бурятской диалектологией, с историей и этнографией бурятского народа, в частности с зонами влияния христианской религии и ламаизма, а также с бывшей родо-племенной организацией общества [1987, с. 15].

Бурятский именной делится, указывает она далее, на восточно-бурятский (в прошлом зона господства буддизма) и западнобурятский (западные буряты оставались в основной массе шаманистами: кроме того, это зона влияния христианства).

Изменения в социальной структуре общества влекут за собой и изменения в антропонимиконе. Влиянием экстралингвистических факторов следует объяснить наличие в именнике бурят, помимо исконных, тибетско-санскритских и русских имен.

Топонимическая система ономастического пространства бурятского языка представляет собой совокупность географических названий определенных типов, включающих образования различного языкового происхождения.

История исследуемого ареала содержит в себе сложные общественные процессы. Формирование топонимии края происходило в условиях активной миграции. Передвижение и смешение различных народов и племен, обладавших различной языковой культурой, оставили след в топонимии. Топонимическая система объединяет разноязычный топонимический материал в топонимический массив, характеризующийся определенными признаками.

В ономастической литературе под топонимической системой понимается известное единство построения топонимов той или иной территории, обусловленное общностью психологии населяющего его языкового коллектива, своеобразным направлением его мышления, общностью восприятия окружающей действительности [Теория и методика ономастических исследований, 1986, с. 51].

Соглашаясь с характеристикой локальности топонимической системы, исследователь И. А. Воробьева пишет: «Топонимия любой территории многоязычна и разновременна. Но тем не менее это не конгломерат разнородных наименований, а система организованная и упорядоченная, элементы которой находятся во взаимной связи. Под территориальной топонимической системой мы понимаем упорядоченное множество единиц (топонимов) с социальной функцией дифференциации и идентификации географических объектов какой-либо исторически и географически ограниченной территории. Каж-

дая система, формируясь, вбирает в себя разноязычные предшествующие топонимы» [1977, с. 34–35].

Вслед за авторами коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» (1986) мы склонны отдать предпочтение функциональному пониманию топонимической системы, когда система понимается не как сумма топонимических единиц, а как своеобразный механизм, преобразующий топонимический материал (независимо от происхождения отдельных топонимов) в соответствии с определенными принципами и отбрасывающий как неприемлемое все то, что не удовлетворяет заданным параметрам. При этом сами эти параметры складываются для каждой территории исторически, на основе наиболее частотных топонимических моделей, созданных в результате взаимодействия языков, представленных в данном регионе.

Анализ топонимической системы бурятского ономастикона свидетельствует о том, что данная система складывалась постепенно, и на ее формирование оказали влияние не только географические условия, но и этнический состав территории, и особенности мировосприятия населения, и исторические события. Безусловно, перечисленные факторы вступали и определенное взаимодействие, причем в рамках значительного периода времени.

Таким образом, сравнение антропонимической и топонимической систем ономастического пространства свидетельствует о том, что для каждой категории топонимической лексики проблема системности решается своеобразно.

Если в системной организации топонимов преобладают «горизонтальные» (распределение по территории) характеристики, то при организации антропонимических систем, как замечено, преобладают «вертикальные» отношения: имена древние — новые, стилистически возвышенные или сниженные.

Глава II ТИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ БУРЯТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Обращаясь к анализу лексического материала, лингвистическая наука стремится выработать принципы его классификации. Распределение огромного числа слов по отдельным группам не только позволяет добиться обозримости исследуемых фактов, но и объективно способствует познанию существенных свойств лексической системы.

Естественно, что, работая над принципами выделения отдельных разрядов слов, трудно охватить сразу в одинаковой мере все лексические пласты языка. Очевидно, именно поэтому в лингвистике первоначально наиболее разработанными оказались классификации нарицательных слов. Однако по мере развития языковедческой науки все более ощущалась потребность в изучении собственных имен, что было связано как со стремлением исследовать пласт слов, ранее ускользавший из поля зрения лингвистов, так и с необходимостью создания общей лексикологической теории, описывающей все словарное богатство языка.

Для построения общей лексикологической теории необходимо опираться на принципы, которые в одинаковой мере приложимы как к нарицательной лексике, так и к собственным именам.

Совершенно закономерно в этой связи представляется стремление опереться на классификационные схемы, разработанные для нарицательных слов. Вероятно, не случайно в последнее время появился ряд работ, авторы которых пытаются выработать принципы распределения собственных имен по разрядам, определенным для единиц нарицательной лексики. Возможность наложения классификации одного разряда слов на другой при этом не подвергается сомнению.

В языкознании обычны статические классификации. Следует заметить, что разнородные признаки лексем, относящиеся как к сфере языка, так и к сфере речи, служат основанием необозримого числа классификаций. Например, в отношении существительных, как известно, имеются различные определения, основанные на их разных свойствах. У В. В. Виноградова класс имен существительных определяется следующим образом: «Это разряд слов, выражающих предметность и представляющих ее в форме рода, числа и падежа» [1938, с. 3].

Несколько иное определение существительных предлагается А. А. Шахматовым: «...существительное — это часть речи соответствующая, во-первых, представлению о субстанции, во-вторых, представлению о качестве-свойстве или действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их» [1941, с. 435]. Далее ученый уточняет: «Нижеследующие грамматические категории обнаруживаются морфологически, синтаксически, далее посредством словообразовательных суффиксов и интонации: число, конкретность и абстрактность, единственность и множественность, единичность, считаемость, парность, совокупность, одушевленность и неодушевленность, род, бытие или наличность, увеличительность, уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность» [Шахматов, 1941, с. 436].

Различное смысловое значение существительных и особенности проявления характерных для существительных грамматических категорий позволяют исследователям выделять в именах существительных ряд более частных лексико-семантических групп. Е. М. Галкина-Федорук, К. В. Горшкова, Н. М. Шанский [1958, с. 201–202] предлагают наиболее распространенное подразделение существительных:

1. Существительные нарицательные и собственные.
2. Существительные одушевленные и неодушевленные.
3. Существительные собирательные.
4. Существительные вещественные.
5. Существительные единичные.
6. Существительные отвлеченные и конкретные.

С синтаксической точки зрения существительные характеризуются употреблением в предложении в качестве подлежащего и дополнения. Другие функции — определения, обстоятельства — хотя и возможны, но менее характерны. Кроме того, существительные могут неограниченно определяться именами прилагательными [Гвоздев, 1973, с. 146–147].

Как можно заметить, приведенная классификация основана на различных принципах: семантическом (1) и денотативном (2, 3, 4, 5, 6). В ней отсутствует указание на иерархические отношения между ними. Отсутствие или наличие значения — признак, присущий языку. Во всех остальных случаях предлагаются различия в статусе денотатов, с которыми данные звуковые комплексы соотносимы в речи.

Денотативный принцип лежит в основе классификации, предложенной В. А. Богородицким. Все существительные он делил на конкретные существительные (стол, лошадь) и умственные — отвлеченные и абстрактные. Конкретные существительные В. А. Богородицкий подразделял на нарицательные и собственные. Они, в свою очередь, включают одиночные и собирательные существительные, одушевленные и неодушевленные [Богородицкий, 1935, с. 109–112].

В академической «Грамматике современного русского литературного языка» использован также денотативный принцип: «В зависимости от того, что обозначается, все существительные делятся на собственные, являющиеся индивидуальными наименованиями предметов (имена, фамилии, клички, прозвища, географические названия и т. п.), и нарицательные, называющие предмет как принадлежащий к классу или разряду однородных предметов» [Грамматика, 1970, с. 305].

Следует заметить, что в данном определении нарушен принцип единства условий при рассмотрении явления, поскольку соотносённость имени с предметом происходит только в реальной речевой ситуации, а принадлежность к классу однородных предметов определяется на основе его понятийной соотносённости. Известно, что имена собственные далеко не всегда обозначают индивидуальные предметы.

Сравнение предлагаемых выше классификаций позволяет сделать вывод о том, что в них используются разнородные признаки, относящиеся как к сфере языка, так и к сфере речи, хотя авторы, вероятно, полагают, что их классификации являются чисто языковыми.

С учетом тех и других признаков предлагает свою классификацию исследователь В. И. Болотов, который использует семантико-денотативно-грамматический подход. Полагаем, что подобная классификация имен существительных наиболее адекватно отражает существующее положение вещей.

Исходя из того, что наиболее крупная оппозиция подклассов имен существительных в языке — имена нарицательные — имена собственные, автор соотносит первый подкласс с понятиями, отмечая, что во второй подклассе соотношение с понятиями отсутствует. Выделение в лексике имен нарицательных и имен собственных

строится в данном случае на семантическом принципе: наличие/отсутствие соотносительности с понятием.

Далее В. И. Болотов строит классификацию имен существительных на денотативном принципе, характеристике денотатов.

Имена собственные подразделяются, считает ученый, в связи с обозначаемыми объектами на:

- 1) имена живых существ или существ, которых считают живыми (антропонимы, зоонимы, мифонимы);
- 2) именованья неодушевленных предметов (топонимы, космо-нимы, астрономы, фитонимы, фирменные названия);
- 3) наименования учреждений, обществ;
- 4) наименования действий (танцев, игр);
- 5) наименования мыслей, идей, литературных произведений и т. п.;
- 6) наименования музыкальных методов и произведений.

Имена нарицательные классифицируются В. И. Болотовым в зависимости от признаков денотатов, с которыми имя соотносится в речи. Автор различает денотат-понятие, денотат-предмет (уникальный, один из многих, отдельный, собирательный, одушевленный, неодушевленный и т. д.).

Имя нарицательное: в языке (звуковой комплекс — понятие) — в речи (денотат), а имена собственные: в языке (звуковой комплекс) — в речи (предмет — понятие). «Для имен собственных недостаточна, — пишет В. И. Болотов, — внешняя характеристика (блондин, стройный, с голубыми глазами), необходима информация энциклопедического толка, а именно социальный статус человека, индивидуальные черты характера [1979, с. 53].

Изложенное выше свидетельствует о разнообразии ономастических явлений и различных параметрах классификации имен собственных. Опыт ономастических исследований в аспекте классификации имен собственных позволяет определить как более или менее разработанной классификацию топонимических названий, которая имеет более вековую историю (первые топонимические классификации относятся ко второй четверти XIX в.).

Знакомство с историей классификаций топонимического материала позволяет сделать вывод о том, что в принципе развития топонимики наиболее четко определились три основных принципа классификации:

- 1) лексико-семантический;

- 2) морфолого-словообразовательный;
- 3) бинарный — двухплановый (лексико-семантический и морфолого-словообразовательный).

Исследователями дается ряд рекомендаций для более основательней классификации онимов. В частности, Е. М. Черняховская в числе неотложных задач топонимистов называет выработку единых принципов классификации топонимии. «Следует выработать такие схемы и способы анализа, — пишет она, — которые в конечном счете позволяли бы делать общие выводы при исследовании топонимии различных стран и народов» [1970, с. 65].

Применение той или иной схемы анализа полностью зависит от цели исследования. При ареальном исследовании целесообразен словообразовательный принцип анализа топонимии, при региональном необходимы и словообразовательный и лексико-семантический принципы, считает Е. М. Черняховская, поскольку первый даст возможность изучить способы словообразования и словообразовательные ресурсы топонимии, второй поможет вскрыть богатство лексики народа, отдельные элементы которой могли уже исчезнуть, а также лучше изучить и понять историю народа [1970, с. 65].

Безусловно, следует согласиться с мнением исследователя по поводу того, что классификация топонимического материала может быть только тогда удовлетворительной, когда она вытекает из самого материала, а не придумывается автором еще до изучения этого материала.

Подробно история топонимических классификации рассмотрена А. В. Суперанской в монографии «Общая теория имени собственного» [1973, с. 149–160], которая завершает обзор ономастических классификаций утверждением, что детальнее всего анализировались названия населенных пунктов, а основное внимание уделялось топонимам и главным образом в плане истории возникновения названий в связи с историей заселения края

Морфологический анализ и этимологический анализ, сопровождающие исторический и отчасти этнографический, также служили главным образом социально-историческому аспекту.

Однако, замечает А. В. Суперанская, все рассмотренные ею классификации были не вполне точными и недостаточно полными, так как не всегда возможно узнать историю возникновения топонима, его этимологию и даже язык, к которому он относится. Много-

численные переходы собственных имен из одного языка в другой и соответствующая адаптация названий в языках разных групп значительно видоизменили их первоначальный облик и приспособили к топонимической системе той территории, где топоним функционирует.

Следует согласиться с мнением А. В. Суперанской по поводу того, что при классификации ономастического материала можно исходить из принадлежности названий к определенным языкам, территориям, хронологическим отрезкам, социальным формациям и т. д. Совершенно очевидно, что в зависимости от этого и подход к материалу, и методы его изучения, и глубина охвата будут различными.

Принимая во внимание лингвистические и экстралингвистические характеристики имен, А. В. Суперанская (не претендуя на исчерпывающую полноту) выделяет следующие типы классификации имен собственных:

- 1) классификация имен в связи с именуемыми объектами;
- 2) естественно возникшие и искусственно созданные имена. Эта классификация тесно связана с классификацией имен по их назначению и с дихотомией «имена в официальном и неофициальном употреблении»;
- 3) классификация по линии «микро» — «макро»;
- 4) структурная классификация имен;
- 5) фонологическая классификация;
- 6) классификация имен в связи с их мотивировкой и примыкающая к ней этимологическая классификация, а также разделение имен на апеллятивные и экономические, на первичные и «перенесенные»;
- 7) классификация имен в связи с объемом закрепленных в них понятий;
- 8) классификация в связи с дихотомией «язык — речь»;
- 9) стилистическая и эстетическая классификация.

При этом автор замечает, что все приведенные типы классификаций очень далеки друг от друга и не могут служить уточнением или разветвлением друг друга. Перечисленные аспекты присущи каждому имени и могут выступать в качестве его характеристик. Степень актуальности той или иной характеристики для каждого из типов имен собственных различна, кроме того, разнообразны и свойства указанных характеристик. Следует выделить среди них

лингвистические, логические, исторические, социальные, психологические.

Основываясь на изложенных положениях и руководствуясь принципами предметно-номинативной характеристики онимов, рассмотрим исследуемый материал с точки зрения типов классификаций.

2.1 Лингвистическая классификация

Лингвистический аспект изучения имен собственных предполагает прежде всего выявление языковых средств, с помощью которых онимы способны выполнять свои функции как лексических единиц вообще (коммуникативная, аппеллятивная, экспрессивная и дейктическая), так и онимических в частности (идентифицирующая с ее подфункциями: различение, адрес, выделение, противопоставление, описание; легализация личности и др.).

Анализ публикаций по бурятской ономастике позволяет констатировать, что практически каждый исследователь не обошел вниманием лингвистическую характеристику онимов. Большой частью имеющиеся труды содержат описание лексико-семантического плана и словообразовательной структуры имен собственных, реже стилистической характеристики онимов. При этом наблюдения ученых включают анализ преимущественно двух основных разделов ономастики: антропонимики и топонимики.

Обращение исследователей преимущественно к анализу лингвистических типов имен собственных вполне понятно, поскольку лингвистический компонент в ономастике, как известно, доминирующий. И связано это не только с тем, что каждое имя — это слово, развивающееся по законам языка, но и с тем, что информация каждого имени обеспечивается с помощью лингвистических средств.

2.1.1 Структурная характеристика онимической лексики

Структурная характеристика онимической лексики предполагает определение, прежде всего способов образования онимов. Образование онимической лексики, как известно, аналогично образованию аппеллятивов и основывается на соотносительности онимов к именуемому объекту и к лексике вообще. И, как считает Е. С. Кубрякова, разница сводится к следующему: обозначаемым аппеллятива является любой класс однородных предметов, а смысловое наполнение

новообразования основано на реально существующем признаке, например: лесник 'тот, кто охраняет лес' [Кубрякова, 1978, с. 58].

Анализируя антропонимический материал, исследователь А. Г. Митрошкина приходит к выводу о том, что высказывание Е. С. Кубряковой по поводу словообразовательных процессов подтверждается и на материале бурятского языка. В частности, дефиниционный способ образования антропонимов, когда в основу кладутся апеллятивы, характеризующие какие-либо свойства именуемого, обстоятельства его рождения и т. п., без прибавления антропоформантов, имеет широкое распространение в бурятской антропонимии.

Корреляционный способ образования имен (при помощи суффиксов) также имеет место в антропонимии бурят. Говоря об аналогическом способе образования антропонимов, А. Г. Митрошкина поясняет, что «аналогический способ образования антропонимов в современном бурятском языке мы усматриваем в появлении новых моделей, формантами которых становятся элементы, выделившиеся из серии имен, образовавшихся по аналогии» [Митрошкина, 1987, с. 75]. В качестве примеров автор даст описание основных подобных моделей.

А. В условиях активного бурятско-русского двуязычия бурятские женские имена с конечным закрытым слогом начинают оформляться по образцу русских женских личных имен, например: Бутид — Бутита. Таким образом, появляется новая модель образования от мужских и женских же имен, которые имеют финали на согласные звуки. Например. Баяр (м.) — Баира, Чимит — Чимита. Далее суффикс расширяет сферу использования, образуя женские имена и от апеллятивных основ.

Б. В именах типа Чимита, Арюуна элементы -ита, -юуна начинают осознаваться как антропонимический формант. Так, например, от женского имени Булган 'соболь' образовано Булгита.

В. Более продуктивной стала модель с тибетским элементом -ма, например: Дугар (м.) — Дугарма, Даши — Дашима.

Г. Женское имя Алтына образовано от апеллятива алтан 'золото'.

Д. По модели заимствованных женских имен типа Августина в 1960-е гг., когда строилась Иркутская ГЭС, образовано имя Энергина.

В материалах, анализируемых нами, имеется аналогичный любопытный пример — женское имя Манифеста от апеллятива *мани-*

фест (имя дано в 1920-е гг. нашего столетия под влиянием революционных идей). Наблюдения ряда исследователей доказывают правомерность выводов А. Г. Митрошкиной.

Важность словообразовательного анализа онимической лексики обусловлена тем, что каждое новое слово заставляет нас вдуматься в то, что кроется за ним, в то, как выражается в языке человеческая мысль [Щерба, 1947, с. 43]. «Производное слово предстает как концентрированное выражение человеческой мысли, сообщающее гораздо больше, чем обнаруживается при его поверхностном восприятии», — считают лингвисты [Ахманова, Краснова, 1976, с. 36].

Словообразовательный аспект лингвистической классификации имеет относительно большой опыт и на материале онимической лексики, причем исследованию в этом плане подверглись языки разных групп и семей — индоевропейские, самодийские, тюркские, финно-угорские, тунгусо-маньчжурские, монгольские и др.

Следует отметить, что наиболее детальному анализу подвергались при этом топонимические названия. Классификация онимов в словообразовательном плане наиболее наглядна именно на материале топонимов. Существуют разные подходы при классификации топонимического материала с точки зрения образования. Опуская разновидности топонимов, выделяемых на основе семантического принципа, поскольку семантическая классификация онимов рассматривается нами как один из типов лингвистической классификации, остановимся на способах образования топонимических названий, позволяющих вычленить топонимические модели.

Модели топонимических названий в бурятской онимии представлены лексико-синтаксическими образованиями, которые следует разделить на две группы: аффиксальные и неаффиксальные. Заметим, что наиболее продуктивен неаффиксальный способ образования — от апеллятивных основ, например: Аршан (ряд ойконимов, образованных от апеллятива *аршаан*: 1) 'целебный (или минеральный) источник; целебная (или минеральная) вода'; 2) уст. 'святая (или живая) вода'), Хага (гидроним в бассейне реки Куды от бур. хага//хахаа(н) 'разлив реки во время ледохода (вызванный скоплением льда); половодье').

К аффиксальным образованиям относятся топонимы, имеющие в своем составе форманты, например: Жаргаланта//Жаргалантуй (ойконим от апеллятива *жаргалан(г)* 'наслаждение, блаженство' +

суфф. -та// -туй), Могойта//Могойтуй (ойконим от апеллиатива *могой* 'змея' + суфф. -та// -туй).

Таким образом, мы наблюдаем те же способы образования онимов в топонимии, как и в антропонимии, — дефиниционный и корреляционный. Аналогический способ, описанный выше на материале антропонимии, также имеет место в топонимии, и причина использования данного способа в топонимии та же, что и в антропонимии, — выделение формантов из серии имен, образовавшихся по аналогии. Проиллюстрировать данное заключение возможно на следующих примерах: Саганово, Уланово (ойконимы, в которых топооснова на бурятском языке: сагаа(н) 'белый', улаа(н) 'красный', а топоформант заимствован из русского языка: суффиксы -ева// -ово). Безусловно, происхождение данных названий связано с влиянием русского языка, ср. село Горшково.

Заметим, что при определении способа образования онимических названий следует учитывать, произошло ли словообразование на уровне апеллиативов или онимов. Известны случаи, когда ономастика воспринимает уже готовые отапеллиативные образования, включающие различного рода форманты. В данном случае мы не можем говорить об аффиксальном (корреляционном) способе образования, поскольку производные апеллиативные единицы самостоятельны и выступают в роли основ имен собственных. К примеру, следует отнести к непроизводным именам собственным образования типа: Шарагшан — женское имя от бур. *шарагша(н)* 'желтая'; Наймаашан) — мужское имя от бур. *наймаша(н)* продавец; торговец, купец; барышник, спекулянт; торгаш', ср. *шара* — 'желтый', *наймаа(н)* 'торговля; коммерция, продажа' [Митрошкина, 1987, с. 84].

Наряду с названными способами образования имен собственных назовем и такой способ, как трансонимизация, относящийся к неморфологическому (дефиниционному) способу. Данный способ образования онимов в бурятском языке основан на использовании тех или иных имен собственных одного разряда ономастикона в качестве основ для образования иных разрядов онимов. В частности, использование личных имен, фамилий, отчеств для образования прозвищ, например: Тумур от фамилии Тумуров, Тэхэ от отчества Тыхеевич.

Отантропонимическое образование топонимов широко известно, но наблюдается и обратный процесс — использование топонимиче-

ских названий в качестве антропонимов, например: Баргузин (прозвище, возникшее на основе гидронима *Баргузин* и указывающее на местожительство денотата); Колыма (прозвище, также связанное с известным гидронимом, которое возникло на основании того, что прозываемый отбывал ссылку на р. Колыме).

В целом словообразовательная характеристика ономастической лексики идентична таковой нарицательных имен, имеет те же параметры, но вследствие разнообразия ономастических явлений несколько отлична от нее, в частности назовем образование онимов на основе трансонимизации.

Рассмотренный нами материал свидетельствует о том, что словообразующие аффиксы малоупотребительны: количество имен собственных со словообразовательными аффиксами в основных разрядах ономастикона наблюдается реже. Подобная картина отмечена и в тюркских языках [Джанузаков, 1976, с. 63; Молчанова, 1982, с. 106].

Заметим, что не только не все способы образования слов, имеющиеся в языке, используются в ономастике, но и степень продуктивности того или иного способа также различна.

В бурятском языке в силу его агглютинативности отсутствует префиксация. Но хотя выявлены образования типа: Нимбуу урда (микротопоним от личного имени *Нимбуу* и послелого *урда* 'перед, впереди'), нельзя сказать, что данный способ образования распространен достаточно широко. Однако наличие подобных именовании позволяет говорить о том, что в бурятской онимии используются как лексико-семантический, так и лексико-синтаксический способы образования (как для аффиксальных, так и для неаффиксальных словоформ). При этом мы наблюдаем процесс онимизации (трансонимизации) простой и сложной единицы.

Другими словами, происходит выделение словоформы из ранга апеллятивов (или другого ономастической разряда) и введение в состав имен собственных с наделением этих словоформ характеристиками, свойственными уже онимам. Во всех случаях образования онимов происходит субстантивация исходных основ.

Следующий этап структурного анализа онимов на основе уже сформированных образований предполагает изучение компонентного состава имен собственных. В ходе исследования установлено, что в бурятской ономастике возможно выделение одно- и двухком-

понентных образований. В редких случаях количество компонентов превышает две лексические единицы.

К однокомпонентным образованиям мы относим онимы, состоящие из одного слова (антропоним Алдар от апеллятива *алдар* 'известность, популярность, слава'; ойконим Дулан от апеллятива *дулаа(н)* 'теплый'), к двухкомпонентным — онимы-словосочетания (прозвищные имена: Соохор Дамдин досл. 'веснушчатый Дамдин' — от апеллятива *соохор* 'пестрый' и личного имени Дамдин; ороним *Душа-Хада* досл. 'гора-наковальня' от апеллятивов *душэ* 'наковальня; бабка для отбивания кос' и географического термина *хада* 'гора').

Случаи, когда число компонентов выходит за пределы двух лексических единиц, связаны с прозвищными именами. Многокомпонентность прозвищных имен встречается в ситуации, когда денотат приобретает данное именование в связи с речевыми ошибками или при наличии в его речи характерных выражений (Полпаново мешок Гарма — от 'целлофановый мешок': прозванный по имени *Гарма* не мог правильно выговорить слово «целлофановый»).

Как исключение могут быть учтены онимы-словосочетания на уровне фраз, происхождение которых связано с различного рода фразеологизмами бурятского языка, например: *Арбан хоёр жэлэй туруу сагаан хулгана* (прозвищное имя, основанное на известном определении одного из годов двенадцатилетнего цикла, досл. значение: 'Беломордая мышь — глава двенадцатипятигодичного цикла').

2.1.2 Стилистическая характеристика имен собственных

Стилистическая характеристика имен собственных основана на выявлении функции онимов в языке и речи. В описании стилистической характеристики онимов исследователь сталкивается с рядом проблем. На необходимость более внимательного отношения к стилистике имен собственных указывал академик В. В. Виноградов, считая, что «вопрос о подборе имен, фамилий, прозвищ в художественной литературе, о структурных их своеобразиях в разных жанрах и стилях, об их образных характеристических функциях и т. п. не может быть проиллюстрирован немногими примерами. Это очень большая и сложная тема стилистики художественной литературы» [Виноградов, 1963, с. 38].

Собственное имя, как и всякий лексический элемент, выполняет определенные функции и прежде всего в грамматической структуре высказывания. Правда, как мы уже отмечали, особых специфиче-

ских функций у имен собственных при этом нет. Однако нельзя не согласиться и с тем, что наличие у имен собственных делимитативной (различительно-выделительной), дейктической (указательной), дескриптивной (описательной) и ряда других функций вносит определенное своеобразие в их употребление. В частности, исследователями отмечалась особая роль имен собственных в художественном произведении (Посадский, 1976, 348/350; Некрасова, 1976, 200–208; Михайловская, 1978, с. 180–188; Зинин, 1979, с. 317–329; и др.).

На материале бурятской оноимики специальных исследований по вопросам стилистики пока еще не предпринималось, если не иметь в виду две публикации, появившиеся в разные годы, посвященные анализу личных имен персонажей художественного произведения: работа В. М. Цыбиковой «Имена персонажей сатирических рассказов бурятских писателей» (1981) и статья Д. Д. Санжиной «Характеристика личных имен персонажей бурятских исторических романов» (1990).

В. М. Цыбикова, описывая личные имена персонажей сатирических рассказов Х. Намсараева, Ц. Дона, Ч. Цыдендамбаева, Ш. С. Балдуева, приходит к выводу о том, что выбор имени героя художественного произведения, как правило, мотивирован. По мнению В. М. Цыбиковой, в сатирическом произведении имя призвано обострять сатирическое изображение, вызывать иронический смех, обличать человеческие пороки, мешающие общественной морали, вызывать чувство презрения и негодования к отрицательным явлениям жизни.

В сатирических рассказах писателей использование приема усиления характеристических качеств личных имен и имен прозвищных получило всестороннее и оригинальнее развитие, пишет В. М. Цыбикова. Эти имена служат средством иронии, отражения сущности персонажей, характеристикой общественного положения, вкусов, привычек и морали людей.

Автор доказывает, что имена собственные занимают почетное место в словарном богатстве бурятских писателей-сатириков, являясь одним из существенных элементов сатиры. По мнению В. М. Цыбиковой, наблюдения за именами персонажей сатирических рассказов бурятских писателей позволяют заключить, что имя здесь выступает как знак образа, причем знак часто условный, ибо само воспроизведение является лишь художественным приемом. В то же время собственное имя, обобщающее какой-то признак,

вполне определенный, и ситуацию, позволяет читателю проецировать содержание и смысл произведения на ту самую ситуацию, с которой личное имя связано [1981, с. 51–53].

Анализируя личные имена персонажей бурятских исторических романов: «Заяанай зам» («Путь праведный») Б. Санжина, дилогию «Банзарай хүбүүн Доржо» и «Түрэл нютагһаа холо» («Доржи, сын Банзара» и «Вдали от родных степей») Ч. Цыдендамбаева, трилогию «Төөригдэһэн хуби заяан» («Похищенное счастье») Д. Батожабая, исследователь Д. Д. Санжина приходит к выводу о том, что «мотивированное, точное употребление личных имен персонажей в художественных произведениях на историческую тему способствует в определенной степени созданию колорита прошлой эпохи» [1990, с. 81].

В соответствии с наблюдениями В. М. Цыбиковой, Д. Д. Санжиной заметим, что проблема изучения синтаксических характеристик имени собственного возникает при анализе состава неоднословного имени и при изучении употребления любых имен в контексте [Суперанская А. В. и др., 1986, с. 174]. Безусловно, задача нашего исследования диктует предпочтительное обращение к речевому произведению, поскольку синтаксическую роль имен собственных, их стилистическую характеристику возможно выявить в определенном контексте.

Рассмотрим синтаксические функции бурятских собственных имен для определения их стилистической характеристики. Для полноты представления, коль скоро наблюдения за именами собственными в художественных произведениях сатирического и исторического плана уже имеются, остановимся на анализе онимов улигера «Абай Гэсэр» как произведения устного народного творчества.

Материалом для анализа послужил текст, записанный известным собирателем фольклора И. Н. Мадасоном у сказителя Пеохона Петрова — одного из лучших знатоков бурятского героического эпоса. По свидетельству А. И. Уланова, подготовившего издание настоящего варианта «Абай Гэсэра», «записан улигер И. Н. Мадасоном с большим вниманием. Он сам хорошо знает языковые особенности того говора, на котором говорит П. Петров. Улигер записан без использования транскрипции, но с фиксированием наиболее значительных отклонений от правил орфографии; записан так, как говорил улигершин, со всеми архаическими, диалектными, заимствованными словами. Если в отношении фонетики нельзя считать за-

пись идеальной, то в отношении изучения архаизмов, диалектизмов, заимствованных слов, синтаксиса она может быть признана вполне надежной» [Уланов, 1960, с. 10]. Примечательно то, что опубликованный текст подготовлен А. И. Улановым с сохранением всех особенностей оригинала собирателя.

Работа по выявлению имен собственных в анализируемом тексте облегчена тем, что онимы в улигере написаны с прописной буквы. Правда, терминированная часть имени пишется со строчной. Сказанное позволяет считать избранный для лингвистического анализа текст вполне корректным.

Следует заметить, что для бурятского героического эпоса, так же как и для эпоса многих тюрко-монгольских народов, характерно наличие множества имен собственных [Филиппова, 1974, с. 151–155; Субракова, 1980, с. 365–370 и др.]. В рассматриваемом варианте сказания о Гэсэре встречается около 150 антропонимов, теонимов, мифонимов и топонимов. Причем большая часть из них отличается сложной композиционной структурой. Учитывая функциональную специфику антропонимов, мифонимов, теонимов и топонимов, очевидно, следует сгруппировать все имена по следующим признакам: 1. Имена, обозначающие одушевленные существа и 2. Имена, обозначающие географические объекты. В первую группу включим имена, относящиеся к главным действующим лицам улигера (батыры, тенгрии, чудовища и т. п.), а во вторую — топонимы, т. е. географические названия.

Анализ имен одушевленных существ показывает, что в основном эти именованья представляют собой двух- и трехкомпонентные образования, например; Иргай Баатор, Наран Гоохон, Шарагшахан одигон; Гал Дулмэ хаан, Ранга Бурэд хаан, Гурбан халхин тэнгри, Улаанай Богдо хаан и др. В процентном соотношении двухкомпонентные имена баторов, тэнгриев и чудовищ составляют около 40%, а образования на трехкомпонентной основе примерно 50%. Встречаются именованья, включающие в свой состав четыре компонента, например: *Гурбан гэгэнэр бурхан абхай* 'три божественные сестры-спасительницы', *Ширэм минаата альбан шулма* 'дьявол с чугунным кнутом', *Ёргоон һөөм һахалтай үбгэн* 'старик с бородой в шесть четвертей'.

Подобные именованья составляют чуть более 1%, столько же приходится на имена, включающие в свой состав более четырех основ, например: *Гунан ухэра шэнээн хара хулгана* 'черная мышь ве-

личиной с трехлетнего быка', *Мориной толгойн шэнээн шара хэдэгэнэ* 'желтая оса величиной с лошадиную голову'.

Географические названия, встречающиеся в анализируемом источнике, составляют 34 единицы. В основном это двухкомпонентные образования, большей частью содержащие в своем составе номенклатурный географический термин. В качестве компонентов названия встречаются следующие термины: *газар* 'земля, местность', *гол* в значении 'долина', *далай* 'море', *дэлхэй* 'земля', *нуур* 'озеро', *уула* 'гора', *хада* в том же значении, что и *уула*.

Определяющая же часть названия, как правило, включает в себя субстантивированный адектив, например: *мунхэ* 'вечный', *хара* 'черный', *шара* 'желтый'. В отличие от названий одушевленных существ, в которых не встречается компонент в форме генитива, среди географических названий присутствует данная форма, например *Булжамууртын урам (орон)* 'страна жаворонков', *Дохолони газар* 'земля хромых', *Шонын гол* 'волчья долина', *Шаажгайн гол* 'сорочья долина', *Хэрэйн гол* 'долина воронов', *Эмээлтын гол* 'долина седла', *Номотын гол* 'долина стрелы'.

Кроме того, субстантив используется также и в форме совместного падежа с лексическим значением «имеющий что-либо», например: *Эльхэтэ уула* 'песчаная гора', *Мүльхэтэ далай* 'ледовитое море', *Мэнгэтэ уула* 'серебряная гора'. Очевидно, что мотивация топонимов основана на признаках, бросающихся в глаза. Можно предположить, что процесс оптимизации используемых в названиях субстантивов завершен, так как мы имеем форму с кратким финальным гласным, а не дифтонгом.

В структурном отношении интересны образования из трехкомпонентных основ: *Альбан тамайн оёор* 'дно подземелья, ада', *Хулхата сагаан нуур* 'камышовое белое озеро'. Образование трехкомпонентной структуры именованний в данном случае вызвано необходимостью указания на несколько признаков объекта с целью идентификации последнего. Весьма любопытно в этом смысле образование топонима *Тулээ үгэй газар* 'местность без дров'. Вероятно, процесс оптимизации аллелятивов в данном случае представляет начальную стадию.

Следует остановиться и на названиях, в которых использованы наречия. Обращает на себя внимание образование парных именованний, например: *Дээдэ замби* 'верхний мир (вселенная)' и *Доодо замби* 'нижний мир (вселенная)'. Образование парных именованний ти-

пично для топонимической системы, ср. пары слов, используемых в современных названиях: *хойто* 'северный' — *урда* 'южный', *баруун* 'западный' — *зүүн* 'восточный', *дээдэ* 'верхний' — *доодо* 'нижний', *ехэ* 'большой' — *бага* 'малый', *хүйтэн* 'холодный' — *дулаан* 'теплый', *үндэр* 'высокий' — *набтар* 'низкий' и т. д.

Встречается в описываемом тексте географическое название, состоящее из четырех компонентов — *Үхэлэнги газари саада биш* 'сторона за землей смерти'. Данную фразу следует также отнести к топонимам, она включает в себя элемент описания, который впоследствии отступает на задний план, а главной функцией образованного топонима становятся дейктическая.

В целом же основная задача и цель топонимов в рассматриваемом источнике — служить ориентиром, т. е. главными ономастическими функциями топонимов выступают дейктическая, делимитативная и уж потом только дескриптивная, хотя функционирование топонима начинается обычно с описания объекта.

В онимических образованиях данного повествования наблюдается четкий порядок компонентов названия. В двухкомпонентных именах определяющая часть предшествует определяемой, например: Бухэ Билигтэ, Шара Хасар, Харабсар шубуун; Сахидаг уула, Мээрэн гол, Шара далай и т. д. Подобный порядок характерен и для апеллативных словосочетаний в бурятском. Возможен вывод о том, что онимические образования улигера свидетельствуют об определенной последовательности порядка слов в бурятском. Как правило, определение употребляется перед определяемым словом (ср.: онимические и апеллативные образования в русском языке: гора Высокая, река Быстрая и высокая гора, быстрая река, где определяющая часть находится в постпозиции и в препозиции. Данное обстоятельство свидетельствует о достаточно свободном порядке слов в русском).

Примечательно и то, что терминированная часть названия в географических именах никогда не опускается, то есть мы не наблюдаем процесс эллипсиса, который имеет широкое распространение в топонимии. Несмотря на то, что географические имена упоминаются в повествовании неоднократно и в случае самостоятельного употребления субстантивированной части названия контекст помогает правильному восприятию названия, сказителем используется весь компонентный состав топонима, например:

Хатан гэгшээ голоо Дэргэдэнь хурэбэ. 'Прибыли они в свою долину Хатан'. *Хатан гэгшээ голоо Узууртан хурэжэ Алма Мэргэн хатанайдаа Урмай Гоохон хатантаяа, Гушан гурбан баатартаяан бууба.* 'В низовьях своей долины Хатан у Алма Мэргэн-жены он остановился с Урмай Гохон-женой с тридцатью тремя баторами'.

Арбадаху үдэртэ Арай гэжэ сэлмэжэ, Урмай гоохон хатаа Хатан гэгшээ голоо Талданда абааша нуулгажа. 'На десятый день Гэсэр, едва отрезвившись, Урмай Гохон-жену увез на середину долины Хатан'.

Хатан гэгшээ голой толгойдо, Түмэн Яргалан хатанаа үзэлэнги найхан үргөөгтэ Ерэжэ оробод 'Прибыли в верховья долины Хатан к невиданной красоты дворцу Туман Яргалан хатан и вошли'.

Элемент *гэгшээ*, *гэхэ* в значении 'тот самый' обычно употребляется при собственных именах, наименованиях должности и специальности людей [Буряад-ород словарь. Бурятско-русский словарь, сост. К. М. Черемисов, 1973, с. 174]. Как видно из приведенных примеров, в топониме *Хатан гол* определяющая часть не меняет своей формы, а терминированная часть названия представлена парадигмой существительного *гол*. Рассматриваемый топоним выполняет в предложении функцию обстоятельства места.

Анализ трехкомпонентных структур показывает, что в составе этих образований два компонента служат определением третьего, например: *Гурбан мана тэнгри* 'три туманных тэнгрия', *Гурбан бүрэн тэнгри* 'три сумеречных тэнгрия', *Гурбан дүлэн тэнгри* 'три пламенных тэнгрия'; *Гурба Дибэе гол* 'три долины Дибэ', *Хулхата сагаан нуур* 'камышовое белое озеро'. Здесь мы видим, что слова-определения также предшествуют определяемому слову.

Среди трехкомпонентных структур обращают на себя внимание образования при помощи генитива, например: *Альбан тамайн оёор* 'дно подземелья, ада', *Ухэлэнги газари саада бии* 'сторона за землей смерти'.

Форма родительного падежа в подобных названиях служит средством образования онимов. Заметим, что независимо от части речи, которой выражена определяющая часть (имя числительное, прилагательное), субстантивация, происходящая в процессе онимизации аппеллятивных основ, позволяет воспринимать все компоненты наименования как существительные.

В целом онимическое образование, обозначающее конкретное лицо или определенный объект, независимо от его компонентного

состава функционирует в предложении как имя существительное и связывается с другими членами предложения через парадигму субстантива. Причем морфологическая парадигма именованная представлена, как правило, его терминированной частью, а предшествующие этой части компоненты находятся в форме номинатива.

Осуществление связи онима с другими словами посредством парадигмы терминированного компонента не означает сохранения атрибутивных свойств компонентов, выступающих в роли определения. Объясняется это субстантивацией адъектива.

Бытование в улигере таких многокомпонентных наименований, как *Ширэм минаата альбан шүлмэ* 'дьявол с чугунным кнутом', *Гунан үхэрэ шэнээн хара хулгана* 'черная мышь величиной с трехлетнего быка', *Мориной толгойн шэнээн шара хэдэгэнэ* 'желтая оса величиной с лошадь', свидетельствует о том, что в ономастиконе исследуемого улигера используются именованная, служащие одним из средств создания образности. В данном случае мы наблюдаем проявление обратной функции имен собственных. Образование подобных онимов основано на ассоциативном сопоставлении.

В ономастической литературе отмечается, что круг собственных имен, используемых при ассоциативном сопоставлении, изменяется в зависимости от не только социальных преобразований, но и развития культурно-литературной традиции [Михайловская, 1978, с. 181]. В этом отношении заметим, что в настоящее время имена, образованные на ассоциативном сопоставлении, бытуют в сфере вторичных антропонимов, чаще всего в качестве прозвищных имен.

Приведенные выше примеры представляют интерес о точки зрения эволюции системы онимии бурят. Здесь мы разделяем мнение А. Г. Митрошкиной, считающей, что «для того, чтобы проследить эволюцию системы личных имен бурят, ранее не имевших письменности, необходим массовый материал разных синхронных срезов, записанный по возможности без пробелов между ними» [1987, с. 2]. Совершенно верно указывает автор далее: «Такого рода материалы можно извлечь только из устных преданий и антропонимических таблиц». На важность обращения к родословным таблицам при изучении бурятской антропонимии указывал Ц. Б. Цыдендамбаев [1981, с. 8].

Онимы-словосочетания представлены производными от однословных онимов, например: Манзан Шуумар, Сагаан Бүргээ, Урмай Гоохон, Эржэн Шуумар и др. На отонимическое образование

названных именовании указывает, во-первых, субстантивный характер прилагательных, входящих в состав этих именовании, и, во-вторых, написание компонентов имени с прописной буквы. В названиях же оталеллятивных преимущественно использованы имена прилагательные (Алтан Шагай, Баян Хангай, Бүхэ Билигтэ и т. п.).

Среди таковых представлены прилагательные, обозначающие стороны горизонта: *баруун* 'западный' (Баруулма дээдэ тэнгри), *зүүн* 'восточный' (Зүүлэмэ дээдэ тэнгри), цвет: *сагаан* 'белый' (Сагаан Хасар), *шара* 'желтый' (Шара Хасар), *хара* 'черный' (Хара Хасар), *улаан* 'красный' (Шуһа улаан тэнгри), другие качественные характеристики объектов: *мүнгэн* 'серебряный' (Мүнгэн Шагай), *бүхэ* 'крепкий' (Бүхэ түгэлдэр), *баян* 'богатый' (Баян Хангай).

Многочисленны названия, включающие в свой состав числительные (*Гурбан гээгнэр бурхан ахбай*, *Газари дүрбэн хэнзээ*, *Табан номто бурхан*, *Долоон хара шолмосууд*, *Юһэн боолуур тэнгри*). Особенно частотны именовании с компонентом «гурбан» (*Гурбан манан тэнгри*, *Гурбан буран тэнгри*, *Гурбан хирүү тэнгри*, *Гурбан һалхин тэнгри*, *Гурбан эмээришэн тэнгри*, *Гурбан дүлэн тэнгри*). Вероятно, это связано с определенной символикой, отражающей мифологические воззрения бурят. Следует заметить и то, что чаще всего используются в анализируемых именах числительные нечетные.

Из имен существительных, входящих в состав именовании, обращают на себя внимание существительные, относящиеся к терминам родства: *хатан* в значении 'супруга, жена', *ахбай* 'сестры', *үтөөдэй* 'бабушка', *эсэгэ* 'отец', *хүбүүн* 'сын' (*Алма Мэргэн хатан*, *Гурбан гээгнэр бурхан ахбай*, *Манзан Гурмэ үтөөдэй*, *Хара Манзан үтөөдэй*, *Эсэгэ Малаан тэнгри*, *Олзобой хүбүүн*).

Заметим, что на эти термины, как и на другие термины тоже, падает нагрузка быть связующим звеном имени собственного с другими словами. К примеру, встречаем в тексте улигера употребление многокомпонентных именовании, оформленных в своей терминованной части посредством падежных флексий, которые и связывают данные онимические образования с другими членами предложения:

<i>Урмай Гоохон хатандаа</i>	жене Урмай Гохон
<i>Хатан гэгшэ голи тандалда</i>	на середине долины Хатан
<i>Узэлэнги гое</i>	выстроил дом

Аали баряал угоо
Хатан гэгшэ голи тандалда
Узэлэнги гое аалитай
Урман Гоохон хатандаа
һуудалтай байба

невиданной красоты
на середине долины Хатан
в доме невиданной красоты
Урмай Гохон жена
жила

[Абай Гэсэр, 1960, с. 75]

Относительно парадигмы терминированной части названий можно утверждать, что употребляются все падежные формы. В частности, в составе собственных имен таких, как *Сэбдэг тэнгэри* и *Алтай Улаан*, использованы следующие падежные формы: *тэнгэриин*, *тэнгэрииндээ*, *тэнгэриез*, *тэнгэритээ*, *тэнгэрһээн* [Абай Гэсэр, 1960, с. 20–22].

Наряду с употреблением именованний, содержащих терминированную часть, допускается возможность опущения этой части в онимах, обозначающих одушевленные существа. Причем подобное явление для данного текста нетипично. Случаи употребления имен собственных, образованных на многокомпонентной основе, без терминированной части единичны. Например, наряду со словосочетаниями Абай Гэсэр хаан, Абай Гэсэр хаанай, Абай Гэсэр хаанда, Абай Гэсэр хаае и т. д. используются Абай Гэсэр, Абай Гэсэрээ, Абай Гэсэртээн [Абай Гэсэр, 1960, с. 78–82].

Факт употребления онимов с опущением терминированной части в этом случае возможно объяснить, на наш взгляд, значением именованния в плане семантическом. Ведь речь идет о главном герое произведения. Предельная известность именуемого объекта позволяет допустить употребление без терминированного компонента. Заметим, что в отношении названий географических объектов подобный момент — опущение терминированной части именованния — отсутствует.

Вероятно, данный факт следует объяснить тем, что без терминированной части совершенно неясно, к какому именно объекту относится топоним. Кстати, ономасты отмечают, что данное положение справедливо для всех языков и топонимических систем, то есть является одной из топонимических универсалий [Литвин, 1988, с. 68].

Следует выделить географические названия, в которых определяемая часть и часть определяющая связываются способом примыкания, то есть не имеют никаких специальных грамматических показателей, соединяющих их, например: *Хатан гол* (ср. аппеллятивы

хатан 'ханша, царица, княгиня; принцесса, царевна, княжна; госпожа, барыня' и *гол* 'долина'). *Холбоо уула* 'гора Холбо' (ср. апеллятивы *холбоо* 'связь, союз' и *уула* 'гора'). *Шулуун тўби* 'каменная страна' (ср. апеллятивы *шулуун* 'камень' и *тўби* 'земля, мир; вселенная; страна').

Анализ имен собственных улигера «Абай Гэсэр» позволяет сделать следующие выводы.

1. Онимы улигера представлены в основном образованиями многокомпонентного характера, функционирование которых зависит от разряда онимов (антропонимы, теонимы, мифонимы и топонимы).

2. В многокомпонентных онимических образованиях наибольшее распространение имеют именованья, состоящие из: а) сочетания имен существительных и прилагательных; б) менее распространены сочетания: существительное + существительное; в) реже встречаются сочетания: числительное + существительное; г) встречаются сочетания: наречие + существительное; д) используются и предложные конструкции.

Процесс онимизации апеллятивов субстантивирует все части речи.

3. Компоненты имени собственного располагаются в строго определенном порядке: терминированная часть имени собственного занимает постпозицию.

4. Грамматическая связь между определяющим и определяемым компонентами именованья выражается конструкциями генитива, номинатива и локатива определяющей части. Кроме того, используется и примыкание.

Грамматическая же связь онима с другими словами в предложении осуществляется через использование форм косвенных падежей терминированной части названия.

5. Имена собственные в улигере выступают в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства.

6. Своеобразие синтаксических функций имен собственных объясняется влиянием экстралингвистических факторов.

Таким образом, лингвистический анализ онимической лексики улигера «Абай Гэсэр» в плане синтаксических функций имен собственных свидетельствует как об общих с именами нарицательными свойствах, так и об отличиях рассмотренных онимов от соответствующих им апеллятивов.

Следующим этапом изучения синтаксических и стилистических характеристик онимической лексики улигера может стать выявление частности тех или иных надежных форм и конструкций. Сведения эти могут быть полезны для истории бурятского языка при описании традиций, установлении более древних форм некоторых имен, а также подобные исследования необходимы для комплексного изучения бурятской системы онимии.

В целом же изучение стилистических функций ономастической лексики в различных функциональных стилях литературного языка — официально-деловом, научном, публицистическом, разговорном, на наш взгляд, достаточно актуально. Подобный анализ может быть как синхронным, так и диахроническим.

Стилистические возможности ономастики национального языка следует выявить на основе исследования ее функционирования во всех формах его существования — в литературном языке, обиходно-разговорной речи, просторечии, территориальных и социальных диалектах. Особую же область, как мы видели, составляет ономастика языка художественной литературы, поскольку стилистическое разнообразие имен художественной литературы основано на стилистическом богатстве ономастики в жизни.

Стилистическая характеристика бурятских имен собственных предполагает изучение широкого круга проблем, в числе которых назовем функции собственных имен в художественном произведении (номинативная, идеологическая, дескриптивная, эстетическая, символическая), специфику литературной ономастики, зависимость состава имен и их функций от литературного направления, особенности отбора и употребления имен в прозе, поэзии, драматургии, виды литературных антропонимов, топонимов и т. п., их роль в построении художественного образа, способы и приемы видоизменения реальных имен собственных для достижения экспрессивно-стилистической и художественной выразительности, роль имени собственного в типизированном отражении действительности, имя собственное как средство создания сатиры и юмора, а также множество других видов мотивированного употребления всех без исключения разрядов собственных имен.

2.1.3 Семантическая характеристика онимической лексики

Семантическая характеристика онимической лексики основана на исследовании аналогичных семантических процессов, имеющих место в апеллятивной лексике. Как известно, единицей семантиче-

ского аспекта языка, элементарной ячейкой его семантической эволюции является отношение номинации. Это отношение связывает языковой элемент (имя) и обозначаемую им действительность.

Обозначающий элемент именуется номинантом, а обозначаемый номинантом, референтом. В качестве лексических единиц выступают слова (словосочетания). Языковая система существует как знание лиц, владеющих данным языком, поэтому обозначаемым слова (словосочетания) может быть только результат мыслительной деятельности человека — понятие, представление.

В речи слова используются для наименования экстралингвистических объектов действительности — денотатов. Однако между именем и предметом в речи связь устанавливается не непосредственно, а через сигнификат. Сигнификат принадлежит языку: он является результатом членения обобщения элементов действительности, принимающего специфическую форму в каждом языке.

На основании выделяемых у объекта свойств говорящий подводит его под определенное понятие, для которого в языке есть соответствующее обозначение. Поскольку же у всякого объекта имеется бесчисленное множество (количество) признаков, то он может получить в речи различные обозначения, в отмеченной возможности различных классификаций и членений человеческим сознанием одной и той же объективной действительности заключается один из важных факторов изменения значения слова.

Логичным представляется деление обозначаемых элементов внеязыковой сферы в соответствии с их природой, предложенное М. А. Бородиной и В. Г. Гаком [1979, с. 7], в котором выделяются следующие группы:

1) не связанные с деятельностью человека — объективно данная физическая действительность, не зависящая от деятельности людей (названия частей ландшафта — реки, горы, земля; состояний — огонь, влага; свойств — цвета, размеры; названия фауны и флоры и т. д.;

2) связанные с деятельностью человека — сюда относятся элементы материального мира, созданные человеком, — жилища, орудия, пища, предметы быта, а также все институты, созданные людьми, общественные организации, фермы государственного устройства и общественной иерархии, обычаи, мода и т. д.;

3) область духовной жизни человека — понятия, чувства, ощущения, психологические явления, этические и эстетические понятия, создания человеческой фантазии.

Деление на эти группы (нетворимый материальный мир, творимый материальный мир и нематериальный духовный мир) существенно для исторической лексикологии, указывают М. А. Бородина и В. Р. Гак, так как слова, обозначающие элементы каждой из этих трех групп, проявляют определенную специфику в развитии.

Как справедливо замечено, одной из причин развития лексического строя языка является изменение денотата. Явления объективно данной не зависимой от человека физической действительности изменяются сравнительно медленно. Более быстрому изменению подвержена осязаемая действительность, созданная человеком. Не случайно семантическая эволюция чаще всего исследуется на примере слов, обозначающих материальные объекты, творимые человеком, быстро изменяющиеся с развитием цивилизации (предметы быта, орудия и т. п.).

Однако объективная действительность в отношении изменчивости денотатов, предметов внешнего мира является далеко не единственным и даже не основным фактором семантической эволюции. Естественно, что с расширением человеческой практики и познавательной деятельности человека, с новыми открытиями и изобретениями возникают и новые отношения номинации.

Обзор ономастической литературы свидетельствует о том, что в последние годы в ономастике наблюдается большой интерес к семасиологическим проблемам [Ермаченко М. Н., 1970; Данилина Е. Ф., 1972; Ляхова И. В., 1980; Ермолович Д. И., 1981; Никулина З. П., 1984 и др.], хотя до 1970-х гг. наблюдалось обратное [Суперанская, 1975, с. 255]. Исследователи имен собственных единодушны во мнении о том, что специфика онама определяется не формальными, а его содержательными характеристиками.

В работе А. В. Суперанской [1973, с. 255–257] отмечается, что «многие считают имена собственные категорией, лежащей вне понятий, а семантика всегда понятийна, нередко вообще сомневаются в правомерности выделения семантики в качестве особого аспекта имени собственного».

Для выяснения вопросов, связанных с семантической характеристикой ономической лексики, необходимо описание ряда общелингвистических категорий, раскрывающих специфику имен соб-

ственных. Вслед за А. В. Суперанской рассмотрим понятийный план терминов, используемых для выражения лексического значения имен собственных.

По мнению А. В. Суперанской к подобным терминам следует отнести термины, обозначающие в понятийном плане знаменательность, значимость, ценность, информацию, значение, функцию [1973, с. 257]. Воспользуемся в данном случае описанием типов слов, данным А. А. Реформатским [1967, с. 69]. Рассматривая разновидности слов по отношению к названию, понятию и к грамматике, А. А. Реформатский отмечает следующие свойства слов в зависимости от их типов: способность называть, способность выражать понятие, способность быть членом предложения. Данные функции слов как элементов словарного состава языка проявляются по-разному в зависимости от того или иного типа слов. Приведем для примера таблицу, предложенную А. А. Реформатским:

Таблица 2

Функции Типы слов	Способность		
	называть	выражать понятие	быть членом предложения
Знаменательные слова (существительные, прилагательные, наречия, глаголы)	+	+	+
Местоименные слова	(+)	–	(+)
Числительные	–	(+)	(+)
Служебные слова	–	(+)	–
Междометные слова	–	–	–

Знак + выражает утвердительный ответ, т. е. означает, что данный тип слова может выполнять эту функцию, а отрицательный ответ соответственно выражается знаком –, т. е. данный тип слова не может выполнять данную функцию. Знаки + или –, заключенные в скобки, свидетельствуют о возможности или невозможности выполнить данную функцию в связи с какой-то специфичностью.

Значимость имени собственного выделяется в языковом плане. Она уравнивает собственные имена с другими частями речи, выделяя из несобственных и объединяя их друг с другом. При этом, как считает А. В. Суперанская [1975, с. 257], основным на уровне языка оказывается отнесение слова к именам собственным — этого обыч-

но бывает достаточно для того, чтобы непосредственные участники речевого акта правильно поняли речевое произведение.

Заметим, что крайне важно учитывать многообразие оттенков слова, о чем образно выразился М. Блок: «Между выражением реальностей мира физического и выражением реальностей человеческого духа контраст в целом такой же, как между работой фрезеровщика и работой мастера, изготавливающего лютни: оба работают с точностью до миллиметра, но фрезеровщик пользуется механическими измерительными инструментами, а музыкальный мастер руководствуется главным образом чувствительностью своего уха и пальцев. Ничего путного не получилось бы, если бы фрезеровщик прибежал к эмпирическому методу музыкального мастера, а тот пытался бы подражать фрезеровщику. Но кто станет отрицать, что подобно чуткости пальцев есть чуткость слова?» [Блок, 1973, с. 19].

В ономастике подобное наблюдается в антропонимии на примере вариантов личных имен, прозвищ (использование официальных и неофициальных форм именовании). В прозвищах не только отражаются отличительные качества, свойства лица, но и содержательный момент их оценки. Значение прозвища обязательно осложнено эмоционально-оценочным моментом.

Наблюдения показывают, что в отапеллятивных прозвищах основные компоненты семантики складываются как на базе существенных признаков как исходного значения апеллятива, так и на базе ассоциативных признаков, связанных с апеллятивом в его основном значении, например: а) в значении прозвища актуализируются существенные семантические признаки исходного значения апеллятива (*булуудха* досл. 'блоха', денотат при маленьком росте отличается еще и прыткостью); б) значение прозвища формируется на основе одного или нескольких существенных признаков апеллятива и ассоциативного признака (*Улэн бееһэн* досл. 'голодная вошь' — прозываемый при невысоком росте отличался худобой, что позволило именующим сравнить его с голодной вошью); в) семантика прозвища складывается только на основе ассоциативных признаков, связанных с апеллятивом в его основном значении, но не входящих в его семантическую структуру (*Ухэр нюдэн* досл. 'коровьи глаза' — по названию ягод черной смородины в бурятском языке, поскольку у именуемого цвет глаз напоминает цвет этой ягоды).

Принято считать, что связь онима с понятием соответствующего апеллятива стремится к нулю. Однако из этого не следует, что имя

не несет никакой информации. Но информация имени собственного существенным образом отличается от информации апеллятива. А. В. Суперанская предлагает различать три типа информации имени: речевую, языковую и энциклопедическую [1973, с. 257]. Эти типы отличаются разноплановостью и существуют независимо друг от друга.

Речевая информация имени определяется как наиболее массовая, но поверхностная и свойственная практически всем разрядам имен собственных. Она обеспечивает связь имени с объектом и способна выявить отношение говорящего к объекту. В силу своей массовости речевая информация весьма неконкретна, объем ее может меняться от одного говорящего к другому в зависимости от черт их характера и от экстралингвистических условий речевой ситуации. Непременным условием введения имени в речь является наличие знакомства с объектом, то есть предполагается, что первоначальное знакомство с объектом уже произошло.

К энциклопедической информации имени относится не только комплекс сведений, который появляется у говорящего, но и сумма предварительной информации об объекте, которую он может получить, никогда не видев его. Минимум этой информации, необходимый для введения имени в речь, сводится к нахождению того родового определяемого (понятийного слова), с которым это имя соотносится.

Введение же лингвистического звена (имя название) перед экстралингвистическим (остров, человек) создает минимум языковой информации, необходимой для понимания слова, считает А. В. Суперанская [1973, с. 260].

Языковая информация имени предполагает обращение к анализу языковой материи слова: изучение характера и состава компонентов имени. Последовательный лингвистический анализ онимов позволяет выделить ряд аспектов информации. Исследователями выделяются следующие разновидности информации: 1) языковая принадлежность имени или слова, от которого оно образовано; 2) словообразовательная модель имени; 3) этимологический смысл; 4) выбор именно данной (а не другой) производящей основы; 5) локальная обстановка, ситуация в момент создания имени [Карпенко, 1972, с. 1]. Заметим, что последняя выявляется особенно трудно, поскольку ситуация именованного быстро забывается. Это приводит к перестройке реально существующих дифференциальных примет

географических и прочих объектов и общественно значимой иерархии этих примет. А возникающие при этом противоречия между именем и реальностью убыстряют процесс информативного опустошения [Суперанская, 1973, с. 260].

Однако, как заметила А. В. Суперанская, с процессом редукции и утери происходит и процесс информативной трансформации имени, появляется новая информация, перекрывающая старую, что проявляется, например, в переходе имени из одной словообразовательной модели в другую. Словообразовательная информация исчезает, когда неясной становится языковая принадлежность, а вместе с ней и производящая основа. Исчезает то, что относится к прошлому имени и не нужно для его функционирования.

По мнению Ю. А. Карпенко, подобное следует отнести к диахронической, или этимологической, информации, поскольку для функционирования нужна лишь синхронная, или функциональная, информация, касающаяся связи имени с объектом и сведения об объекте (то есть речевая и энциклопедическая информация). Она исчезнуть не может, потому что без нее имя не функционирует [Карпенко, 1972, с. 13]. Но она меняется в зависимости от изменения статуса объекта, его роли в жизни человека и отношения человека к нему.

Результаты языкового анализа обычно дают, как показала практика, комплекс неязыковых сведений, которые могут быть использованы историком, этнографом, социологом. Материал, полученный таким образом, как правило, хронологически предшествует времени создания имени. Благодаря этому, считает А. В. Суперанская [1973, с. 261], ряд имен может служить своеобразными хронологизаторами памятников.

Учет лингвистических и экстралингвистических характеристик имени активно используется в практике обучения языкам. В частности, приведем пример, где учет коннотативного аспекта топонимической лексики содействует обучению русскому языку иностранных граждан.

Использование топонимов в практике преподавания русского языка как иностранного подразумевает определенное лингвострановедческое комментирование географических названий. При этом необходимо четко представлять структуру топонима. В частности, важно выделить, прежде всего, план содержания названия, указав на план выражения (звуковую оболочку слова). Рассматривая план

содержания географического названия, обращаем внимание на адресно-указательную функцию топонима, поскольку каждое географическое название локализовано.

Лексическое же значение топонима подразумевает совокупность всевозможных семантических понятий, куда входят мотивирующий признак названия (в случаях, когда это можно установить) и ряд ассоциативных представлений. К примеру, рассмотрим название города Улан-Удэ. Звуковой комплекс состоит из определенной совокупности гласных и согласных звуков: у, а, э; л, н, д. В плане содержания выделяем адресно-указательную функцию — город Российской Федерации, столица Республики Бурятия, расположен в Забайкалье, на слиянии рек Уды и Селенги.

Мотивирующий признак основан на названии одноименной реки (Уда), на которой стоит город, с добавлением компонента Улан от бурятского *улаан* 'красный'. Здесь же можно объяснить возникновение названий с компонентом 'красный' после Великой Октябрьской социалистической революции, привести ряд примеров.

В качестве ассоциативных элементов приводятся следующие данные: ранее назывался Верхнеудинск, настоящее название получил в 1936 г.; основан в 1666 г.; крупный промышленный и культурный центр Восточной Сибири; население более 350 тысяч человек и т. д.

Таким образом, расчленив топоним на составляющие его компоненты (план выражения и план содержания: адресно-указательная функция, мотивирующий признак и ассоциативные элементы), мы имеем возможность последовательно и упорядоченно дать максимум информации о конкретном географическом объекте. Эта лингвострановедческая информация особенно легко усваивается, если дать пример для сравнения на материале родного языка обучаемых.

Кроме того, выделение структурных элементов топонима, название всех составляющих его компонентов помогают при выборе системы упражнений. Например, упражнения на запоминание, контроль усвоения страноведческой информации опираются на движение от плана выражения топонима к плану содержания, а при общении, систематизации фоновых знаний наоборот — от плана содержания к плану выражения.

Обращение к топонимическому материалу в практике преподавания русского языка как иностранного позволяет успешно решать задачи лингвострановедческого аспекта обучения иностранных студентов.

Под значением вообще и значением имени собственного в частности понимаются разные вещи. В словаре-справочнике лингвистических терминов дается следующее определение значения слова: "Заключенный в слове смысл, содержание, связанное с понятием как отражением в сознании предметов и явлений объективного мира. Значение входит в структуру слова в качестве его содержания (внутренней стороны), по отношению к которому звучание выступает как материальная оболочка (внешняя сторона). Это единство внутреннего и внешнего в слове создается в результате установления постоянной и неразрывной связи между значением и звучанием. Значение слова и заключенное в нем понятие взаимосвязаны, но это не одно и то же. Понятие в слове всегда одно, а значений у слова может быть несколько (ср.: многозначность слова в условиях контекста). Понятие является объективным отражением окружающем нас действительности, а к значению может быть добавлена субъективная оценка (ср.: лошадь — лошаденка) или экспрессивно-эмоциональная окраска (ср.: сын, сынок, сыночек, сынишка).

Значение слова складывается из его лексического значения, т. е. материального содержания, выражаемого основой слова, и грамматического значения, т. е. показателя различных отношений, обычно находящего свое выражение в формальной принадлежности слова. В самостоятельных словах лексическое значение преобладает над грамматическим, в служебных словах лексическое значение одновременно является грамматическим [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 113–114].

Далее, говоря о лексическом значении слова, Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова выделяют такие его разновидности номинативное (прямое) значение слова, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное [1976, с. 163]. Лексическое значение складывается, считают они, из вещественного значения, носителем которого является корень слова (непроизводная основа), и деривационного значения, выражаемого словообразовательными аффиксами. В словах с непроизводной основой лексическое и вещественное значения совпадают [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 163–164].

Смысловая сторона (значение отдельных языковых единиц: морфем, слов, словосочетаний, а также грамматических форм) определяется термином «семантика». Под онимической семантикой понимается экстралингвистическое значение имени, включающее фактор известности имени, информацию, которую оно несет, его

специальные ономастические функции и стилистическую и эстетическую значимость (в речи) и другие компоненты [Подольская, 1988, с. 93].

Анализируя высказывания в отношении значения онимов, А. В. Суперанская приходит к выводу о том, что «говоря о значении имени собственного, необходимо еще раз подчеркнуть, что оно не равно понятию его апеллиатива и никогда не ограничивается им даже в тех случаях, когда фонетически и морфологически с ним совпадает. Лексическое значение морфем, из которых образовано имя, не может быть основным при определении его значения. Значение имени — фактор его известности, фактор общественно-исторический» [1973, с. 266].

Следует согласиться с А. В. Суперанской в том, что было бы неверным считать, что собственные имена не связаны с понятиями вообще. Верно лишь то, что они часто «отмежевываются» от понятий тех нарицательных, которые послужили в свое время основой номинации. Не каждое имя связано с родовым определяемым (город, река, юноша и т. д.), без связи с понятием которого оно не может функционировать в речи. Связь с этим понятием у имени собственного опосредствована через вещь, а у нарицательного непосредственна. В способности осуществлять и передавать эту связь — основное значение любого слова, в том числе и имени собственного.

Термин «функция» в лингвистическом понимании определяет «назначение, роль, выполняемую единицей языка при ее воспроизведении в речи» [Ахманова, 1966, с. 506]. В упомянутой нами работе А. В. Суперанской рассматриваются определения функций слов, данные Э. Кэмпом [1966, с. 506], Ж. Марузо [1960, с. 332], Г. В. Лейбницем [1936, с. 307], Л. Гардинером [1932, с. 34] и др. Обобщая известные высказывания, А. В. Суперанская считает, что возможно выделение следующих функций имен собственных в речи:

1. Коммуникативная (сообщение, репрезентация), когда имя, известное собеседникам, служит основой сообщения: *Позвони Пете; Волга впадает в Каспийское море; Рихтер сегодня не выступает.*

2. Апеллятивная (призыв, воздействие): *Иванов! К начальнику!; Вернись, Вера!; Жучка! Жучка!*

3. Экспрессивная (выразительная), обычно в ней выступают имена с широкой известностью, находящиеся на пути превращения в нарицательные: *Эдакий Собакевич! Аннетит, как у Гаргантюа;*

нос, как у *Буратино*. Участвуют в ней также имена с суффиксами субъективной оценки: *Ванечка, Ивашечка, Иванище*.

4. Дейктическая (указательная). Нередко в этой функции произнесение имени сопровождается указанием на объект: *это Эльбрус; Знакомьтесь, Чижииков; кот Буянка* [Суперанская, 1973, с. 272–273].

Наличие у имен собственных названных функций подтверждается и на материале бурятского языка. Причем во всех перечисленных случаях функционирование собственных имен не отличается существенным образом от функционирования нарицательных. Такое положение параллельности функций онимов и апеллятивов подтверждает их тесную взаимосвязь в языке и речи. Специфика же функции онимов проявляется не на лексическом уровне, а на специальном ономастическом.

Определение функции онимов находим в словаре ономастической терминологии, как «исполнение своей роли, своего назначения именем собственным в речи. Основная функция имен собственных номинативно-идентификационно-дифференцирующая, информационная и экспрессивная функции — факультативны (активные функции), познавательная и аккумулирующая (пассивные)» [Подольская, 1988, с. 145].

Определение специального ономастического уровня связано с характером именуемого объекта, представляющего собой экстралингвистическую данность. Несмотря на то, что специальные ономастические функции собственных имен осуществляются с помощью языковых средств, определяются они «социальным заказом» и нередко объясняются не из фактов языка, как указывает А. В. Суперанская, а из общественного знания соотношения вещей [1973, с. 274].

В качестве специальной ономастической, свойственной всем собственным именам, функции может быть названа идентификация объекта, включающая в себя ряд подфункций: различение (дифференциацию), адрес (нахождение координат объекта), выделение, противопоставление и характеристику (описание).

На уровне антропонимии возможно выделение специальной ономастической функции — функции социальной легализации личности, включающей в ряде случаев информацию о родственных отношениях, происхождении и положении в обществе, а на уровне топонимии выделяется специальная ономастическая функция — указательная (дейктическая).

Процесс социальной легализации личности или географического объекта — это первый целенаправленный процесс функции имени. Принимая во внимание лингвистичность всякой ономастической функции, следует заметить, что цель, с которой проводится легализация личности, экстралингвистична.

Выделяя другие функции имен собственных, определяемых как ритуальная, харизматическая, заметим их экстралингвистичность. Поэтому справедливо полагать, что в языке у имен собственных нет своих особых специфических функций. Основная функция имен собственных с точки зрения грамматики — выразить в предложении подлежащее и дополнение, а основная лексическая функция — номинация. Очевидно, что основные грамматические и лексические функции онимов присущи апеллятивам, независимо от сферы употребления и от специфики ситуации.

В речи же, с учетом ситуации, имена собственные могут, как и прочие лексические единицы, служить основой сообщения (коммуникативная функция), а также употребляться в качестве призывов (апеллятивная функция) и в качестве выразительного средства (экспрессивная функция).

Однако перечисленные функции по своей сути представляют собой разновидности коммуникативной функции и не относятся к самостоятельным функциям имени.

Практика свидетельствует о том, что даже при стабильности действительности происходят изменения и сдвиги в системе обозначений. Эта система является результатом классифицирующего действия человеческого сознания, не у одних и тех же объектов человек может выделять различные признаки, в связи с чем и проводить различные классификации. Эта субъективная деятельность человека оказывается не менее существенным фактором семантической эволюции, чем изменения объективного мира.

2.2 Историческая классификация

В последнее время мы наблюдаем относительно четкое разграничение «внутренней» (структурно-языковой) и «внешней» истории собственных имен. В первом случае, как можно заметить, исследователей интересует языковая история (типы образования онимов, их эволюция), во втором — соотношенность ономастических явлений с конкретными периодами общественной жизни народа.

История — один из основных принципов научного анализа. Важность исторического подхода при анализе ономастического материала объясняется тем, что возникновение и вся последующая история имен собственных связана с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью.

Известно, что первыми, кто заинтересовался именами собственными, были историки. Они показали важность ономастики для истории и превратили ее (особенно топонимику) во вспомогательную историческую дисциплину. Уместно в этой связи вспомнить высказывание Н.Н. Надеждина о том, что «топонимика — это язык Земли, а Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре» (1837). Он был убежден, что одним из первых источников изучения истории должна стать географическая карта.

Применение лингвистического метода в ономастических исследованиях мы наблюдаем в трудах ряда ученых, среди которых А. М. Селищев, А. И. Понев, В. А. Никонов, Б. А. Серебренников, В. П. Топоров, А. К. Матвеев, Ю. А. Карпенко и др.

Учеными замечено, что при историческом исследовании ономастики можно идти двумя путями: 1) от прошлого состояния к настоящему (перспективный подход) и 2) от современности к прошлому (ретроспективный подход). Основная задача исторического анализа ономастической лексики — определение ономастических пластов по языкам-источникам (по языковой принадлежности).

Типологический аспект имен собственных проявляется, в частности, в том, что из меняющихся в ходе истории потребностей общества в сходные исторические эпохи у разных народов возникли аналогичные классы имен. Так, по всей Европе в конце Средневековья или начале Нового времени потребности административно-юридической организации государств привели к возникновению фамилий. Поэтому каждый класс собственных имен можно считать исторической категорией.

Исторический аспект ономастических исследований предполагает анализ исторического фона, на котором складывались и формировались ономастические системы. Хронологизация и атрибуция материала необходима для правильной интерпретации отдельных имен и целых ономастических пластов.

Антропонимический материал в аспекте исторических данных подробно рассмотрен А. Г. Митрошкиной в монографии «Бурятская

антропонимия» [1987]. Автор исследует свыше 10 тысяч антропонимов, функционировавших в среде бурят на протяжении трех столетий. Анализ антропонимов ведется с учетом данных истории и этнографии. В свою очередь, исследователю удалось показать значимость ономастического материала для освещения исторического прошлого бурятского народа.

Важность данных антропонимики для сведений об истории бурят подчеркивал и Ц. В. Цыдендамбаев, который, исследуя родословные таблицы, указывал, что они (родословные таблицы) отражают сотни имен, ответвляющихся от предков соответствующих бурят на протяжении по меньшей мере 7–8, в среднем 15–16 и даже более 20 колен.

В своей работе «Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов» [1981, с. 4–8] ученый исследует таблицы XVIII–XX вв. Анализ родословных таблиц позволил автору установить разноязыковую принадлежность имен, бытующих в антропонимиконе бурят. В зависимости от времени образования тех или иных имен Ц. В. Цыдендамбаев последовательно выделяет четыре пласта:

- 1) монголо-бурятские и тюркские имена;
- 2) бурятские и тунгусо-маньчжурские имена;
- 3) бурятские и тибетские имена;
- 4) тибетские, бурятские и русские имена.

Комментируя выделенные им пласты имен, исследователь пояснял, что к первому пласту относятся имена трех или четырех поколений легендарных предков бурят, которые на поверку оказываются просто племенными или родовыми названиями, имеющими нередко тотемный или топонимический характер, не трактуемыми в родословных таблицах как личные имена [1981, с. 5]. В отношении следующих пластов имен указывается, что ко второму пласту относятся имена пяти и шести поколений, которые представляют собой действительно личные имена, к третьему же принадлежат имена семи или восьми поколений, а четвертый пласт, по наблюдениям Ц. В. Цыдендамбаева, насчитывает имена двух или трех поколений бурят.

Проведенный анализ позволил языковеду предположить, что хоринцы стали отпочковываться как племя ориентировочно 1300 лет тому назад, то есть приблизительно в VI в. н. э. Кроме того, антропонимикон бурят, считает Ц. Б. Цыдендамбаев, отражает влияние

тюрков в VII–VIII вв., тунгусо-маньчжуров в XV–XVI вв., тибетцев — через религию ламаизма в XVI–XX вв. и русских в XX в. Объективность подобных утверждений не вызывает сомнений.

Значение данных ономастики для восстановления картины прошлого хорошо проиллюстрировал в ряде своих трудов проф. М. Н. Мельхеев, справедливо полагая, что «память об исчезнувшем племени, народности сохраняется, помимо предметов материальной и духовной культуры или фольклора, в названиях — в топонимах и этнонимах» [1976, с. 24].

Основываясь на данных топонимики, анализируя монгольские и бурятские гидронимы, Т. А. Бертагаев приходит к выводу о том, что гидронимы широкого монгольского ареала в огромном большинстве своем восходят к корням наречий монгольских племен, что свидетельствует о древности этнического ареала монгольских племен, совпадающего с современным их расселением [1980, с. 129].

В целом ряд имеющихся публикаций по бурятской ономастике свидетельствует о том, что бурятская онимическая система, как и любая другая лексическая система, содержит не только и не столько имена, созданные недавно, сколько имена, унаследованные от глубокой древности, а потому способна отразить последовательность ступеней номинации.

Стратиграфический аспект изучения имен собственных имеет большое значение как для лингвистического описания конкретного языка (структурные и семантические особенности имени), так и для получения дополнительных сведений историко-этнографического плана о том или ином народе.

Предлагаем рассмотреть топонимический материал Прибайкалья как свидетельство и источник по истории и этнографии бурят.

2.2.1 Топонимическая стратиграфия как свидетельство истории заселения края

Известно, что ономастика является ценным источником при сравнительно-историческом исследовании языков, этнографии, социальной организации, истории народа. В частности, топонимия того или иного региона свидетельствует не только о единстве происхождения, но и о схождении и расхождении, тесных исторических контактах народов, населяющих или населявших данную территорию в прошлые эпохи. Безусловно, выявление топонимического субстрата при разработке проблемы происхождения народов и их языков значительно облегчает задачу исследователя.

Современные бурятские диалекты, представляющие результат сложных и длительных перекрестных «схождений и расхождений» разных этнических групп бурятского народа, с которыми «скрецивались» также отдельные ойратские и халхаские роды и племена, в различной степени отражают прежние племенные диалекты [Санжеев, 1953, с. 51]. В этом смысле особый интерес вызывает онимия как наиболее консервативная часть лексики. Известно, что топонимия любой области земного шара формируется как слоеный пирог, слои которого образованы в разные эпохи народами, говорящими на разных языках, порою далеко стоящих друг от друга в генеалогических классификациях [Мурзаев, 1974, с. 259]. Территория Прибайкалья в данном случае не составляет исключения.

Исследованиями последних лет [Мельхеев, 1969; Цыдендамбаев, 1976; Рассадин, Михайлов, 1978; и др.] установлено, что топонимия Прибайкалья представляет собой языковое разнообразие, включающее образования на основе тунгусоязычной (названия населенных пунктов в Жигаловском районе Иркутской области — Кайдакан, в Заларипском — Мойган, Матаган; названия водных объектов — Куренга, Киренга, Котыма и т. д.), тюркоязычной (ойконимы Байтог, Батхай, Бахай в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области; гидронимы Ордынка, Ордын нуур, Булэн), монголоязычной (ойконимы: Алтарик, Кукунур, Саган Жалгай в Аларском районе Иркутской области; гидронимы Мурэн, Нарин нуур), славяноязычной (ойконимы: Алексеевск, Верхолугск, Глины в Киренском районе Ирк. обл., Вершина, Идеал, Слава — в Аларском). Славяноязычный пласт топонимии относится к последним с точки зрения хронологии, вероятно, поэтому не обнаруживаются гидронимы на этой языковой основе.

Кроме того, прослеживаются названия *самодийские* (ойконимы: Бидога, Бунбуй в Чунском районе Ирк. обл.; гидронимы: Бада и т. п.), а также *палеоазиатские* (ойконимы Акульшет, Шегашет, Чивильчет в Тайшетском районе Иркутской области; гидронимы Агул, Тагул).

Современное состояние топонимии Прибайкалья характеризуется тенденцией преимущественного наслоения элементами славянских языков (русского, украинского, белорусского), что обусловлено социально-экономическими процессами, происходящими на данной территории. Однако в целом наиболее существенные географические объекты Прибайкалья сохранили свои исконные

названия [Мельхеев, 1969, с. 42–43]. Вместе с тем изменения в социальной жизни местного населения, последовавшие после Великой Октябрьской социалистической революции, не могли не отразиться и на ее топонимической системе.

Наряду с формированием русской топонимии рассматриваемого ареала наблюдается процесс адаптации уже имевшихся иноязычных географических названий в русском языке, в том числе и образованных на монгольской языковой основе. Указанное обстоятельство позволяет говорить о монгольском субстрате в топонимии Прибайкалья.

При определении этимологии субстратных топонимов возникают две ситуации: 1) основа и формант принадлежат одному языку; 2) основа и формант восходят к разным языкам [Мельхеев, 1969, с. 42]; в этом отношении монголоязычную топонимию исследуемой территории возможно отнести к конструкциям гомогенного и гетерогенного характера, например: Загаһата (населенный пункт в Боханском районе Иркутской области в русском написании Загатуй) от бур. *загаһан* 'рыба' + суфф. -та [Митрошкина, 1974, с. 31; Цыдендамбаев, 1976, с. 8]; Сурхайта от бур. *сурхай* 'щука' + суфф. -та (населенный пункт в Ольхонском районе Ирк. обл.), Сахюрта от бур. *сахюур* 'кремень' + суфф. -та (населенный пункт в Ольхонском районе Иркутской области) в русском написании Сахюрта), Шаралтайка от бур. *шаралтай* 'с желтизной' + суфф. -ка (Слюдянский район Иркутской области).

Лексико-семантический анализ распространенных на территории Прибайкалья монголоязычных топооснов, которых нам хотелось бы рассмотреть подробнее, позволяет выделить следующие группы:

1. Названия, восходящие к именам личным, как правило, характеризующим семейно-родовые подразделения, например: Алагуй — улус, носящий родовое наименование по имени одного из сыновей Тугалака, родоначальника бурят алагуевского рода булагатского племени [Цыдендамбаев, 1972, с. 23; Мельхеев, 1969, с. 110]. Бадархан — улус по имени бурятского рода бадархан, пришедшего из Монголии во второй половине XVII в. и принявшего русское подданство. Болдой — улус в Аларском районе Ирк. обл., где живут буряты кости болдой, потомки Болдоя, незаконнорожденного сына предводителя хонгодоровского рода Ашаты. Микротопонимы, связанные с родовыми именами, довольно многочисленны, например: Бура, Бурутхан, Готол, Улзет, Хонхорог, Бултарак и т. д.

2. Топонимы, фиксирующие особенности географической среды флоры и фауны, ландшафта: Улан-Бургасы досл. 'красный кустарник' — хребет в Прибайкалье, поросший красными ивовыми зарослями; Харик от *хайр* 'песчаная отмель, коса' — ойконим в Куйтунском районе Ирк. обл.; Хулэргэ от *хулэр* 'бронза' — населенный пункт в Ольхонском районе Иркутской области (в русском написании Кулуртуй); Хандагайта от *хандагай* 'лось, сохатый' — ряд местностей в Аларском районе Иркутской области; подобные названия также встречаются и в Тункинском районе Бурятии, Хара Болдог досл. 'черный бугор' — вулканическая сопка в Тункинской впадине.

3. Именования, возникшие из географических терминов: Аршан от *аршаан* 'горячий или минеральный источник, ключ' [Казакевич, 1934, с. 15–29] — населенные пункты в Аларском районе Иркутской области, Тункинском районе Бурятии; Бори от бур. *боори* 'склон; скат; спуск горы' — ороним в Аларском районе Иркутской области (любопытно, что название употребительно в сочетании *Бори хада*, т. е. досл. 'склон гора'). Булак от бур. *булуг* 'родник; источник, ключ' — ойконимы в Заларинском районе Иркутской области; Мурин — бур. *мүрэн* 'большая река; поток' — ряд гидронимов в Южном Прибайкалье: *бунды* досл. 'довольно широкая долина; иногда пещера' (в русском написании Кондуй) — населенные пункты в Зиминском и Куйтунском районах Иркутской области, урочища в Зиминском и Аларском районах Иркутской области).

С точки зрения типа топонима рассматриваемый материал можно распределить по следующим группам: группа топонимов, в которых заключен географический номенклатурный термин, употребляющийся как топоним. Такой тип топонимов имеет достаточно широкое распространение в Прибайкалье.

Не менее продуктивен тип, представляющий собой атрибутивную синтагму с географическим термином в определяемой части. В качестве определяющего элемента выступают такие части речи, как существительные, прилагательные, встречаются числительные. Причем в названном типе следует различать разновидности: А. Оба члена синтагмы соответствуют реалии (*Хүхэ нуур* досл. 'синее озеро', *Убгэхэй нуудал* досл. 'место восседания старцев', *Хойто-Гол* досл. 'северная река'); Б. Одна из апеллятивных основ соответствует реалии (*Эмээл дабаан* досл. 'седловидный перевал' — именование основано на метафоре, *Гобой хушуун* досл. 'клыковидый мыс' — топоним обра-

зован аналогичным способом). Заметим, что данный тип характеризуется номинативным оформлением составных частей.

Имея в виду, что «более или менее полное усвоение субстратной топонимической системы возможно только при постепенной ассимиляции одного народа другим в условиях длительного совместного проживания и хозяйствования, а усвоение массового топонимического субстрата всегда предполагает промежуточный этап двуязычия ассимилируемого народа» [Матвеев, 1972, с. 76], коснемся взаимодействия бурятского (как одного из монгольских языков) и русского языков в топонимии Прибайкалья.

В процессе изучения субстратной топонимии обычно выделяют ареалы по какому-либо одному формальному признаку, чаще всего по общности топоформанта [Поспелов, 1967, с. 80]. В данном же случае ареал нами определен, поэтому остановимся непосредственно на монголоязычных топоосновах.

Обращает на себя внимание факт адаптации монголоязычных географических названий при помощи суффиксации, например: Балаганка, Ордынка, Шарагулка, Шаралтайка и т. п. Влияние русского языка проявляется и в образовании гибридных топонимов, например: Усть-Орда, Малый Хужир, Большой Дулан, Нижний Хингуй, Сухой Заглик и т. д.

Любопытно, что не встречаются названия, в которых русская основа оформлена топоформантом на бурятской языковой основе.

Таким образом, можно заключить, что исследование монгольского субстрата в топонимии Прибайкалья способно осветить вопросы расселения различных этнических групп монголоязычных народов (топонимы, образованные от личных, семейно-родовых и родоплеменных имен), дать сведения о географических особенностях названного региона (названия, фиксирующие специфику флоры, фауны, ландшафта), показать процесс топонимизации номенклатурных терминов (именования, возникшие из географических терминов).

2.2.2 Топонимия как источник этнической истории бурят

Историческое прошлое исследуемого региона, как было отмечено ранее, представляет собой сложную картину больших социальных событий: смена эпох, создание и распад крупных племенных объединений, миграция, в результате которой происходила ассимиляция, а то и полное уничтожение племен и народностей. Рассмотр-

рим историю одной из крупных этнических групп, ныне населяющих территорию Прибайкалья — бурят.

Для выявления этнокультурной истории бурят в последние годы в плане комплексного использования всевозможных видов источников успешно привлекаются как данные ономастики вообще [Цыдендамбаев, 1972; Мельхеев, 1976, с. 23–45], так и топонимические свидетельства в частности [Михайлов, 1976, с. 152–167; Нимаев, 1981; Гурулев, 1982; Очир-Гаряев, 1983].

Этот интерес к системе собственных имен в этнографических исследованиях объясняется тем, что географические названия нередко оказываются единственным источником в изучении истории заселения края, свидетельством былых контактов разноязычных этнических общностей.

Кроме того, преимущества ономастики в вопросах выявления этнических движений на той или иной территории, решении проблем этногенеза того или иного народа очевидны, поскольку археология и историческая этнография в силу своей специфики не всегда могут быть надежно связаны с определенным населением, в то время как топонимика имеет дело с точной или приблизительной локализацией имен, связана с населением различных эпох [Заимов Й., 1980, с. 45–48].

Известно, что процесс номинации имеет свои закономерности и обусловлен в первую очередь историческими причинами. Географическое имя, возникнув в конкретных исторических условиях, происхождением своим тесно связано с общественной жизнью и языками народов, которые населяли или населяют ту или иную местность. Каждое географическое имя всегда служило человеку «ниточкой связи» с географической средой, поэтому в топонимии отразились все сферы социального общения человека, культуры, жизненного уклада [Молчанова, 1979, с. 3].

В соответствии с поставленной задачей наибольший интерес представляют, прежде всего, топонимы этнического происхождения. На территории Прибайкалья подобные названия представлены образованиями, как указывалось выше, от семейно-родовых имен. Отэпонимические топонимы по характеру именуемого объекта в основном относятся к ойконимам (названия улусов: Икинат, Кырма и др.). С родовыми именами связаны и некоторые микропонимы, например: Бултарга, Бурутхан, Нохойрог, Хонхорог и т. д. Бытование в Прибайкалье отантропонимических названий, основанных на

родо-племенных именовании, свидетельствует о расселении бурятских племен.

Отантропонимические топонимы более позднего образования обозначают реалии, уже связанные с родо-племенными группировками. Как правило, это названия, возникшие в эпоху развития частно-собственнических отношений [Никонов, 1965, с. 30], например: село Бажей — по имени крупного капиталиста, мецената Бажея Хосомова; Пирошковские поля — по имени тайши и промышленника Пирошкова; Баторовская роща — по имени тайши Аларского ведомства [Мельхеев, 1969, с. 77].

Приведем таблицы, отражающие классификацию отантропонимических топонимов по мотивации и способу образования в зависимости от типа антропонима.

Таблица 3

Разновидность топонима Тип антропонима	По мотивированности от имен				
	основателя рода	основателя улуса	владельца объекта	человека, жившего в данной местности	захороненных шаманов
Именные	+	+	+	+	+
Фамильные	—	—	+	+	—
Прозвищные	+	+	—	+	—
Семейно-родовые	+	+	—	—	—

Знаки «+» и «—» свидетельствуют о наличии и отсутствии в наших материалах той или иной разновидности отантропонимических топонимов с указанной мотивацией.

Таблица 4

Разновидность топонима Тип антропонима	По способу образования		
	Бессуффиксальный		Суффиксальный
	Номинативная форма	Генитивная форма	-ск, -ин, -ов
Именные	+	+	—
Фамильные	+	+	—
Прозвищные	+	—	+
Семейно-родовые	+	—	—

Данные приведенной таблицы свидетельствуют о преимущественно номинативной форме образования отантропонимических топонимов. Кроме того, возможно сделать вывод о том, что суффиксальный способ образования топонимов не характерен для бурятской онимии, поскольку изначальные типы топонимов (семейно-родовые именованья объектов) не включали в свой состав какие-либо аффиксы. Обозначенные же в таблице суффиксы относятся к заимствованиям из русского языка.

Следовательно, рассматриваемые топонимы интересны еще и тем, что они свидетельствуют о языковых контактах разноязычных народов. Аспект исследования языкового взаимодействия на материале топонимии позволяет выявить в какой-то степени взаимовлияние таких языков, как тунгусо-маньчжурские, тюркские, монгольские и славянские, субстратно-адстратные элементы которых обнаруживаются при топонимической стратиграфии региона. Остановимся лишь на взаимодействии двух последних по времени образования слоев географических названий Прибайкалья — монгольском (бурятском) и славянском (русском).

Вопросам взаимодействия русского и бурятского языков посвящали свои исследования этнографы, историки и лингвисты прошлого (П. С. Паллас, А. П. Шапов, А. Д. Руднев, А. М. Селищев, П. Я. Черных, А. Н. Боржонова и др.). Много внимания уделяется изучению этой проблемы и в наши дни (Т. А. Бертагаев, К. М. Черемисов, Д. А. Алексеев, Д. Б. Цыдендамбаев, Ц. И. Золхоев, И. В. Баранников, Б. В. Матхеев, М. Н. Мангадаев, А. А. Дарбеева, Л. Д. Шагдаров и др.).

Как показывают последние исследования, заимствуемые слова нередко бывают связаны с топонимикой [Исаев, 1978, с. 47], что обусловлено характером топонимических лексем. Географическое название, появившись на определенной стадии развития общества, удовлетворяет потребность этого общества называть окружающие объекты и помогает ориентированию на местности. В силу своей ориентировочной функции топонимы аборигенных языков продолжают существовать и в условиях этнического смешения населения определенной территории.

Кроме того, способность онимов (топонимов) сохранять многие консервативные черты и их предельная открытость для заимствований позволяют фиксировать факты межъязыковых контактов и наблюдать процессы взаимовлияния языков, поэтому изучение

названного лексического пласта представляет большой интерес для лингвиста.

Длительное совместное проживание компактных разнонациональных групп людей, каковыми являются русские и буряты в Прибайкалье, нашло свое отражение и в топонимии региона. Современное состояние топонимии Прибайкалья, как уже отмечалось, характеризуется разнородной языковой принадлежностью. Рассмотрим интересные нас названия бурятского и русского происхождения с точки зрения взаимовлияния названных языков.

Синхроническое изучение топонимии Прибайкалья на лексическом уровне языка свидетельствует о сосуществовании географических названий как на бурятской (населенные пункты: Бабагай (Заларинский район), Дархат (Эхирит-Булагатский район), Шарагун (Боханский район), Хандагай (Боханский район), так и на русской языковой основе (населенные пункты: Вершина (Аларский район), Жданово (Боханский район), Половинка (Эхирит-Булагатский район)).

Причем семантика названий с бурятскими лексическими основами в речи русского населения утрачивает свое реальное значение и воспринимается как только название. Особенно это наглядно на примере топонимов с двухкомпонентной структурой: Саган-бурун от бур. *сагаан* 'белый' и *буруу(н)* 'телка-двухлетка', Саган-Жалгай от *сагаан* (см. выше) и *жалга* 'лощина; овраг, падь', Үндэр-Хуан от *үндэр* 'высокий; возвышенный' и *хуһан* 'береза' (Аларский район); Харагун от *хара* 'черный; темный' и *уһан* 'вода' (Боханский район).

Последний пример любопытен еще и тем, что здесь мы наблюдаем утрату самостоятельности лексем, некогда выступавших в качестве названия одного объекта, но слившихся теперь в единую лексему. Ослабление семантики названий ведет к их неизбежному формальному преобразованию (ср. Шаратуй, Харাগир — ойконимы в Аларский район, Харатирген — в Боханский район, Харазаргай — в Эхирит-Булагатский район).

В отличие от топонимов с бурятской языковой основой семантика топонимов славянского происхождения понимается носителями как того, так и другого языков одинаково. Объясняется это тем, что современная языковая ситуация в Прибайкалье характеризуется активным русско-бурятским двуязычием бурят. Это и не удивительно, поскольку в настоящее время русский язык все более становится

фактически родным или «вторым родным языком» большинства населения Республики Бурятия и бурят в первую очередь.

Среди географических названий с четко прослеживаемой этимологией на русском и бурятском языках (ойконимы: Бедняк в Черемховском районе, Береговой в Братском районе, Березка в Иркутском районе, Зверево в Усольском районе; Булак от *булаг* 'ключ, источник, родник' в Боханском, Братском, Заларинском, Эхирит-Булагатском районах, Хара-Нур от *хара* (см. выше) и *нуур* 'озеро') встречаются названия, где национально-языковая принадлежность топоосновы и топоформанта разнородна, например: населенные пункты Малаханова от бур. личного имени Малаахан + суфф. рус. яз. -ова — в Боханском районе, Новодолоново от рус. *ново* и бур. *долоо(н)* 'семь' + суфф -ово — в Братском районе.

Появление подобных форм топонимов следует объяснить тем, что при усвоении собственных имен (географических названий) одного языка другим происходит приспособление лексем к общему строю заимствующего языка. В приведенных примерах мы наблюдаем морфологическую адаптацию топонимов бурят в русском языке посредством суффикса -ова//-ево, часто используемого в топонимической системе русского языка в качестве топоформанта.

Топонимические образования Прибайкалья могут служить свидетельством и фонетической адаптации слов бурятского языка в русском. Определенная закономерность наблюдается при передаче бурятских топонимов с начальным Х, который чаще реализуется в качестве К, например: Хэрмэ — Кырма (Булагатский р-н). Хүдэрээ — Кударейка (Эхирит-Булагатский р-н), Хүхэ нуур — Кукунур (Аларский р-н).

Впрочем, если учесть способность заимствующего языка фиксировать форму бытования того или иного названия в определенный исторический период, то можно предположить, что заимствующий язык, в данном случае русский, сохранил до наших дней начальное К, когда-то употреблявшееся в бурятском, но исчезнувшее в процессе его эволюции.

Нехарактерный для русского *h* передается как Х, например, Хаһаа — Каха (Боханский р-н); твердые согласные палатализируются: Алаэр — Аларь (Аларский р-н), Олзон — Ользоны (Эхирит-Булагатский р-н). Субституция гласных также демонстрирует ряд закономерностей: наличие долгих гласных в бурятском языке, как правило, передается на русский язык в качестве ударных гласных:

Аршаан — Аршан (Аларский, Тункинский районы), Баардинск — Бардинск (Эхирит-Булагатский р-н); начальнЫ У — как О: Удам — Олонки (Боханский р-н), Улха — Олха (Иркутский р-н); начальнЫ Э — как И: Эмээлтэ — Имельта (Боханский р-н).

В целом фонетическая адаптация бурятских топонимов в русском языке аналогична адаптированию апеллятивной лексики, где освоение заимствованного слова означает подчинение его законам русской звуковой системы и орфоэпическим нормам языка [Харташкина Р. Х., 1977].

Соответственно заимствования из русского языка, в свою очередь, подчиняются звуковой норме бурятского. Прежде всего, ударные гласные русского языка реализуются в бурятском как долгие: Тихоновка — Тиixonовка (Боханский р-н), Черемхово — Черемхооб (шахтерский город); нехарактерный для бурятского языка начальнЫ плавнЫй, дрожащий и сочетание согласных вызывают звуковой процесс — протезирование: Люры — Улюры (Эхирит-Булататский р-н), Рассвет — Арасвет (Боханский р-н), Братск — Абраатсха. Причем начальное приращение происходит с учетом действующего в бурятском языке закона сингармонизма гласных по ряду.

Взрывной заднеязычнЫй К в начале и в середине слова переходит в фрикативнЫй Х, например: Кутанка — Хутаанха (Боханский р-н), Каменка — Хааминха (Боханский, Заларинский районы).

Эти фонетические особенности адаптирования русских слов в бурятском языке были отмечены исследователями А. Н. Боржоновой, Ц. Б. Цыдендамбаевым, Р. Х. Харташкиной и др. Выявленные ими особенности фонетической адаптации русских заимствований в бурятском языке подтверждаются на материале топонимии. Следует заметить, что родной язык оказывает влияние в большей мере на речь старшего поколения, в речи же молодого поколения бурят эти особенности наблюдаются редко.

К особенностям морфологической адаптации относится реализация несвойственных для бурятского языка топонимических названий на -нЫй, -нЫй, например: ЗаречнЫй — Заречна, Сибирский Садовод — Сибиирска Садовоод (Аларский р-н). Отмеченный факт также характерен для речи старшего поколения.

Сказанное позволяет утверждать, что дальнейшее сближение наций, овладение бурятами второго языка (русского), развитие процесса двуязычия в бурятско-русской среде предполагают исчезно-

вание фонетико-морфологических особенностей заимствования из русского языка бурятским, поскольку уже сейчас в русской речи молодого поколения влияние родного (бурятского) языка незначительно.

Все возрастающие функции русского языка нашли отражение в топонимии Прибайкалья, где отмечается возникновение названий с двухкомпонентной структурой, стержневым словом которой являются лексемы с бурятской языковой основой, а определение представлено основой на русском языке, например: Сухой Заглик (Боханский р-н), Верхний Тангут, Нижний Хамхар (Нукутский р-н), Малый Кутулик (Аларский р-н) и т. п.

Обращает на себя внимание оформление первой части названия в форме прилагательного мужского рода. Как известно, в бурятском языке отсутствует категория рода, но она является основным средством выражения предметности имени существительного в русском. Наблюдаемое явление обусловлено отнесением тех или иных слов бурятского языка к тому или иному грамматическому роду на основе приобретенных, а точнее, приписываемых формальных показателей, характерных для мужского рода существительных русского языка.

Однако заметим, что не всегда приписываемая категория рода «приживается» в языке бурят. Так, например, ойконим *Верхний Тангут* бытует в разговорной речи населения в форме *Верхние Тангуты*, несмотря на общепринятую официальную форму. Безусловно, здесь имеет место влияние наличия в стержневом слове показателя множественного числа в бурятском языке — аффикса -гут.

Далее, приведенная топонимическая деривация ойконимов с разноразноязыковыми компонентами интересна еще и тем, что может служить основанием для вывода о том, что исследуемая территория первоначально была заселена не русскими, поскольку атрибутивная часть названия вторична по отношению к стержневому слову.

Свидетельством благотворности влияния русского языка на развитие бурятского следует считать появление топонимических названий на русской языковой основе в бурятских населенных пунктах Прибайкалья с положительней семантикой, например: ойконимы *Слава*, *Идеал*, *Страна Советов*, *Целинный*, *Ново-Ленино* и т. п. В свою очередь, местным русским населением усвоена значительная часть топонимической лексики бурятского происхождения, иноязычность которой ими порой и не осознается.

Следовательно, исследование синонимов Прибайкалья в плане взаимодействия русского и бурятского языков позволяет заключить, что географические названия определенного района, возникая в конкретных условиях, тесно связаны с общественной жизнью и языками народов, населявших или населяющих данную территорию. Однако этим не ограничивается привлечение данных топонимики для этнографических исследований.

Топонимия рассматриваемого района представляет интерес для этнографии еще и потому, что в ней нашли отражение религиозно-мифологические воззрения народа. В настоящее время ведется работа в данном направлении, и сегодня уже можно назвать ряд обстоятельных исследований по религиоведению бурят, в которых легально рассмотрены проблемы шаманизма буддизма-ламаизма, христианства относительно территории этнической Бурятии. Известно, что для бурятского народа, населения Прибайкалья наиболее влиятельной религией оказался шаманизм. Данное обстоятельство нашло отражение и в топонимии края.

Имеющиеся публикации свидетельствуют о том, что подобные географические именованья, отражающие воззрения бурят-шаманистов, достаточно широко распространены на территории Прибайкалья и почти не встречаются в Забайкалье, где процветает шаманизм [Мельхеев, 1969, с. 79–80, Шулунова Н. П., 1975, с. 57].

В основном эта группа названий представлена микротопонимами. Причем большое количество этих названий связано с посмертным восхвалением конкретных лиц — служителей шаманского культа, которые якобы становились хозяевами-эжэнами определенных местностей. В качестве примеров приведем следующие микротопонимы: Бүхэлхэни эжэн — название горы досл. 'хозяин горы Бүхэлхэн'; Хоригтын хушуун — мыс горного массива Хориктуй — культовая гора в междуречье Осы и Кахи, почитавшаяся у бурят рода хогой; Тахилгата уула [Манжигеев, 1978, с. 34, 87].

Безусловно, здесь сказалось влияние анимизма. Следует отметить, что иногда основу наименования составлял компонент бөө 'шаман' без лично-именного указания, например: *Бөөе нарһан*, *Бөөе хуһан* досл. 'шаманская сосна', 'шаманская береза'.

Наиболее стойкий элемент всякой религии — обряды, в связи с этим чаще всего в топонимах, ведущих свое происхождение по признаку религии и разных поверий, фиксируются объекты, имеющие отношение к обрядности. В большинстве своем это места, Примеча-

тельные физико-географическими свойствами. Обычно места эти представляли собой возвышенности всякого рода (холм, гора, утес), отмечает В. А. Казакевич [1934, с. 11], водные объекты (река, ключ, родник, целебный источник), живописные участки окрестностей (лесная или луговая поляна), например: *Хадайн эжэн* досл. 'хозяин или дух горы'. *Унанай эжэн* досл. 'хозяин или дух воды'. *Ойн эжэн* 'хозяин или дух леса' и т. п.

В рассматриваемых топонимах запечатлены и сами религиозные ритуалы: *Тайлгата* — ср. *тайлга* 'общее молебствие' или *Түхэрээн тайлга* досл. 'круглое тайлга' — так назывался тайлга женщин, *Бариса* досл. 'подношение', *Зүхэли* — 'жертвоприношение духам'. Места, связанные с религиозными обрядами, считались священными и особо почитались бурятами.

В настоящее время первоначальная семантика подобных именованных постепенно утрачивается, но тем и интересны топонимы религиозного происхождения, что способны дать сведения о давно ушедших из быта явлениях, которые, бесспорно, содержат интересные сведения для выяснения эпической истории того или иного народа, в данном случае бурят.

Таким образом, анализ материала позволяет заключить, что топонимия Прибайкалья свидетельствует о расселении бурятских родов (родоплеменные названия географических объектов), форме общественных отношений в определенную эпоху (принцип личноименных номинаций), контактировании разноязычных народов (языковое взаимодействие русских и бурят в области топонимии), отражает религиозные воззрения бурят, населявших Прибайкалье в прошлые столетия.

Сказанное доказывает правомерность привлечения топонимических данных в историко-этнографических исследованиях. При дальнейшем анализе топонимии Прибайкалья необходимо использовать универсальную способность топонимов доносить через века и тысячелетия разнообразную информацию, для чего следует приступить к поискам этимологического характера, прежде всего. Кстати, на примере информативности географических названий большие возможности топонимии для познания окружающего мира ярко и убедительно продемонстрировал в своей монографии «География в названиях» известный советский ономаст-географ Э. М. Мурзаев (1979).

2.3 Социальная классификация

Социологический аспект ономастических исследований предусматривает изучение имен в связи с теми общественными оценками, которые они получают в разное время у отдельных общественных групп, а также в связи с некоторым сознательным или несознательным предпочтением некоторых имен в отдельных социумах.

В литературе мы находим немало примеров связи имени человека и той позиции, которую ему отводит общество. К примеру, подобные факты приводят авторы коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований»: «Так как Клим (А. М. Горький “Жизнь Клина Самгина”) нетипичное для купечества конца XIX в. имя, это сразу поставило этого ребенка (затем юношу) в позицию “не такого, как все”. Ч. Диккенс подробно останавливается на том, почему Оливер Твист получил такое имя. В приюте, куда был помещен герой, имена детям давались в порядке алфавита, благодаря чему была известна последовательность поступления туда младенцев. Герою достались буквы О и Т. Имя Оливер носил в свое время Кромвель. Вследствие нелюбви к Кромвелю “среднего” англичанина, его имя, Оливер, оказалось “загубленным” и более ста лет не давалось в Англии. Неприязнь к Кромвелю через имя Оливер была перенесена на мальчика. Член попечительского совета любил повторять даже, что этот мальчик будет повешен» [1986, с. 227].

Население любой страны, а иногда и определенной территории внутри страны, неоднородно. Даже лица, принадлежащие к одной национальности, пользуются различными языковыми подсистемами в зависимости от места жительства, профессии и многих других факторов. Литературные языки, языки межнационального общения или деловые официальные языки, на которых производятся деловые акты, лишь отчасти объединяют всех жителей данной страны, не проникая в область домашней, интимной, личной жизни, и не всегда становятся основным средством общения в производственных коллективах.

Зависимость отдельных типов имен собственных от экстралингвистических факторов, ситуаций и от характеристики коллектива, в котором они употребляются, различны. Одни имена, возникая в профессиональном или территориальном диалекте, остаются в по-

родившей их микросфере, например, это касается большинства микропонимов, а также прозвищ. Другие выходят за его пределы, становясь достоянием нескольких диалектов и даже могут проникнуть в наддиалектные системы. Это касается большинства топонимов, которые возникают обычно в диалектах и оттуда распространяются по мере своей известности по всей территории страны, проникая и в официальные записи. Однако при всей важности связи имени собственного с общественной жизнью определенного коллектива не следует переоценивать общественный фактор в ономастике. Любые имена, прежде всего, составляют неотъемлемую часть языка и лишь вместе с языком обслуживают общество.

Какое-либо модное имя в короткое время может проникнуть во все слои общества, но сельская местность всегда будет несколько отставать от города, поскольку именно в городах сосредоточено множество людей, а в сельских местностях они рассредоточены. Как известно, любое новшество, любая мода и не только на имена (ср. мода на платья, бытовая техника и т. д.) возникают в городе, где число человеческих контактов неизмеримо выше, чем в сельской местности. Поэтому приписывать классовость отставанию моды на имена в деревне — значит недооценивать многие более важные факторы. Нет и не может быть прямой связи между составом имен у какой-либо группы людей и их принадлежностью к определенному общественному классу.

Обратим внимание на то, что в поисках социальной отмеченности имен теряются и лингвистические основы ономастики, и психологические моменты, связанные с выбором имени, и многие культурно-исторические факты. Иногда повышенная социальность усматривается в политической насыщенности и идеологической направленности отдельных деятелей. Но все это связано главным образом с социальной культурой общества, а не с его материальными устоями. Замечено, что помимо отдельных социально насыщенных широко известных имен, в любом обществе имеется множество имен малоизвестных, социальная насыщенность которых близка к нулю. Следует признать, что сама по себе социальная отмеченность отдельных имен не составляет какого-либо критерия для их выделения или классификации, а служит лишь фактором, им сопутствующим.

Рассматривая взаимосвязь ономастики и социологии, А. В. Суперанская вводит понятие «социальный диалект», определяемое ею как выделение особого запаса слов, служащего различным производ-

ственным целям особого класса и группы в структуре общества [1973, с. 21]. Далее ученый поясняет: «каждая отрасль производства принуждена создавать» свой особый запас «технических терминов», не всегда понятных для членов иной производственной группы. Дифференциация словаря увеличивается благодаря свойственной каждой группе тенденции отметить и внешне свою самостоятельность и независимость. В то же время общество в целом стремится унифицировать язык. Унификация языка идет через определенные социальные группы, находящиеся в постоянном культурном общении.

С бесконечным дроблением языка идет рука об руку бесконечное языковое смешение. Тем элементом, который непрерывно варьируется, создавая новые условия человеческого существования, является структура общества. Язык имеет общие психологические, физиологические, анатомические предпосылки своего развития; но единственным переменным элементом, наличие которого может объяснить изменение языка, являются изменения в структуре общества.

Таким образом, возможность и необходимость языковых изменений вытекает из социального характера языкового знака, но это же создаст и его традиционность и косность [Суперанская, 1973, с. 21]. Но поскольку ономастическая лексика — часть лексики вообще и, следовательно, часть языка, то указанные положения распространяются и на нее. Более того, онимы, пожалуй, в еще большей степени, чем апеллятивы, реагируют на всевозможные общественные изменения.

2.3.1 Имя собственное и общество

В имени всегда, независимо от воли называющих, отражаются культура и социальная жизнь общества. К примеру, возможно ли было предположить появление в качестве личного имени в бурятской среде фамилию известного русского писателя Н. В. Гоголя? А таковое обнаружилось в улусе Куйта Аларского района Иркутской области Иванов Гоголь Гармаевич. Данный антропоним, рожденный в 30-е годы нашего столетия, следствие активного приобщения бурят к русской культуре и свидетельство почитания классика русской литературы. В этом же ряду возможно «привести примеры появления» в бурятском антропонимиконе имен Ким, Клим, Самолет, Трактор и т. п.

Бытование в обществе родовых имен, как известно, давало определенные права. Оно свидетельствовало о месте человека в обще-

стве, о его родственных связях, о его юридических и материальных правах и о занимаемой должности. Однако с развитием общества, ростом его различных учреждений и институтов высокая загруженность имени всевозможными социальными коннотациями делает его трудным для употребления. Появляются специальные слова, обозначающие должность, титулы, формулы знатности и т. п., разгружающие имя как знак, выделяющий личность, от несения дополнительных функций. Но, не выраженные прямо, эти функции в именах все же присутствуют (ср. появление трехчленной антропониической системы у бурят).

Параллельность развития языков и культур отмечалась рядом исследователей. Помимо индивидуальных явлений, в происходящих изменениях усматриваются и общие, универсально представленные в культурах и языках разных народов. Дж. Б. Касагранд, ссылаясь на Клухоне, пишет, что «инварианты обнаруживаются в природе социальных систем, биологической и психологической природе индивидов, составляющих общность, во внешней среде, в которой они живут и действуют, в природе самих действий, в необходимости координировать их в социальных системах» [1966, с. 280–281, 285].

Имена каждой эпохи имеют свое социологические и идеологическое наполнение, отвечающее специфике культуры эпохи. Имя собственное возникает, когда акт социальный делает его лингвистической ценностью. Его социологический характер проявляется в его сильной тенденции к исключительности. Эта тенденция существует и у апеллятивов, но там она слабее.

Социологический характер имен собственных проявляется в законодательстве, запрещающем изменять имена и фамилии иначе, нежели в юридическом порядке. Нестабильность имен восполняется юридической стабильностью. Говоря о социологическом аспекте личных имен реальных людей, А. В. Суперанская выделяет следующие планы: 1) официальная и неофициальная сфера общения; 2) общение с лицами, стоящими на общественной лестнице выше или ниже говорящего или наравне с ним; 3) именование при непосредственном общении и в беседе о третьих лицах: а) близких собеседнику, в которых собеседник, так или иначе, заинтересован и б) безразличных собеседнику: именование представителей различных возрастных групп: а) чужих; б) разных и близких; в) знакомых [1973, с. 311].

Подобный анализ бурятской антропонимии предпринимался исследователями Н. Б. Алдаровой [1973, 1976, 1978. 1979], А. А. Дарбеевой [1969, 1970], И. Д. Бураевым [1969], И. Д. Бураевым в соавторстве с Л. Д. Шагдаровым [1969], Ц. Т. Динганорбоевой в соавторстве с А. Г. Митрошкиной [1982]. Ц. Ш. Цырендоржиевой [1981], в серии статей А. Р. Митрошкиной и ее монографии [1987]. В целом отмечено, что выделение в бурятском антропонимиконе двух больших массивов, западного и восточного, которые делятся дальше на несколько подгрупп (антропонимические диалекты и говоры соответственно), связано с бурятской диалектологией, с историей и этнографией бурятского народа, в частности с зонами влияния христианской религии и ламаизма, а также с былой родоплеменной организацией общества [Митрошкина, 1987, с. 15]. Последователями совершенно справедливо утверждается связь именика бурят с социальной структурой бурятского народа.

В частности, черты родовой общины проявляются в бытовании имен, связанных с определением собственной территории и собственным именем рода, например, род Абзай, Басай, Шоно и многие другие — в составе эхиритского племени: Алагуй, Готол, Шаралдай и др. — в составе булагатского племени [Балдаев, 1970, с. 45–284]; Галзууд, Хуасай, Хубдууд и др. — хоринского племени [Цыдендамбаев Ц. Б., 1972, с. 176–293].

В антропонимической номинации бурят большее значение имели этнографические традиции, связанные с запретом бракосочетания внутри рода (отсюда, очевидно, обязательное знание своей родословной), с обрядом поклонения родовым духам, почитания родовых мест. Большое влияние на формирование именика бурят оказали и религиозные воззрения. Считалось, что магические охранные обряды и охранительные имена имеют силу и значение практического действия. Подобное замечено Г. А. Левинсоном: «на каком-то уровне каждое речевое сообщение выступает как какое-то действие персонажа, безотносительно к тому, что сообщается. На этом уровне речевое поведение участников эквивалентно неречевому — и то, и другое является просто знаком контекста, неким абстрактным действием между персонажами обряда» [1974, с. 163].

Убедительным представляется пример, приведенный А. Г. Митрошкиной в качестве иллюстрации образования охранных имен типа Шулуун 'камень', Галнай — от *гал* 'огонь' с уменьшительно-ласкательным суффиксом -най, Мадага 'большой нож' и др., иссле-

дователь полагает, что появление этих имен связано с известным шаманским гимном, зафиксированным в работе Г. Д. Санжеева «Песнопения аларских бурят» [1928, с. 546–347], а также с образами захоронения последа, пеленания ребенка, где фигурируют черный камень ограда, огонь, а также острые предметы и колючий кустарник [1987, с. 53].

Подобные имена, видимо, понимались как охранительные средства, сопутствующие человеку на протяжении всей его жизни. Предки бурят верили, что особенно нуждались в охранительных именах дети, родившиеся в последний год двенадцатилетнего животного цикла — год свиньи, так как он таит опасность для новорожденных [Бураев, Шагдаров, 1969, с. 108].

Аналогичное описание встречаем у исследователя калмыцких личных имен Г. С. Биткеевой, отметившей наличие в калмыцкой антропонимии имен с негативной окраской в качестве охранных: Бааста досл. 'испачканный калом', Шээсте 'облитый мочой' [1983, с. 88].

Наречение такими именами следует понимать, по замечанию В. А. Никонова, как «способ обмануть злых духов давать ребенку отталкивающие имя, с таким значением, как “негодный”, “вонючий” и т. п. в расчете, что злой дух такого не возьмет» [1974, с. 29]. Приведенные примеры достаточно наглядно свидетельствуют о том, что мировоззрение людей накладывает отпечаток на словотворчество и онимические образования в частности.

Интересные наблюдения по поводу происхождения личных имен, содержащих в своей апеллятивной основе числительное, встречаем у Р. Л. Сельвиной. Анализируя калмыцкую антропонимию, Р. Л. Сельвина обращает внимание на личные имена, образованные от числительных 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 20, 30, 60, 70 (hurвн, тавн, зурхан, долан, нээмн, йисн, хорнтэ, хучи жирнтэ, далнтэ), которые встречаются и в разряде отчеств и фамилий, уже оформленные русскими патронимическими суффиксами: Гучинович (-овна), Зурганович (-овна), Доланович (-овна), Наминович (-овна) Есинович (-овна), Джиринтеевич (-овна), Гучинов, Джиринтеев, Есинов, Наминов и пр. [1983, с. 73–74].

Исследователь полагает, и, на наш взгляд, вполне обоснованно, что числовые понятия, наделенные в сознании первобытного человека сверхъестественной силой, являлись определенными символами, продиктованными жизнью. Справедливо утверждение и о том,

что разряд личных имен, в основе которых определенные числовые понятия, возник в истории человечества в глубочайшей древности и рассматривать его возникновение и становление в качестве антропонимической традиции необходимо с учетом общей системы мировоззрения [Сельвина, 1983, с. 83–84].

Заметим, что в бурятском антропонимиконе образование личных имен на основе числительных имеет функции, определяемые как «предсказательная» или «пожелательная». Например, у бурят было принято говорить «имею одиннадцать детей» вместо «одного ребенка». Очевидно, что данное обстоятельство наделяло имена функцией «предсказания». Известны имена, образованные от числительных 6, 8, 10, 40, 50, 60, 90.

Любопытно, что имена, образованные от апеллятивов, обозначающих десятки, обязаны своим происхождением обстоятельствам, связанным с возрастом родителя, например: Дучин от 'сорок', Табта от 'пятьдесят' с суффиксом наличия признака -та, Жирантай от *жаран* 'шестьдесят' + суфф. наличия -тай и др. По свидетельству А. Г. Митрошкиной, подобные имена означают, что «когда родился этот ребенок, отцу было столько-то лет» [1937, с. 99].

Вероятно, здесь сказывается и биологическая характеристика индивидуума, связанная с детородным возрастом, поскольку далее автор приводит пример: «в одной семье Агинского национального округа Читинской области четыре сына носят имена Зургаадай (*зургаан* 'шесть' + суффикс -дай), Долоодой (*долоон* 'семь' с тем же суффиксом), Жарантай (*жаран* 'шестьдесят' 4+ суффикс наличия признака -тай), Наянтай ('имеющий восемьдесят'). Первого сына назвали Зургадаем потому, что он имел шесть пальцев на ноге и являлся шестым по счету среди детей семьи. Остальные же два имени (очевидно, два последних. — *Л. Ш.*) связаны с возрастом родителя к моменту рождения ребенка [Митрошкина, 1987, с. 99].

Полагаем, изложенного достаточно для выделения социологического аспекта антропонимических образований.

2.3.2 Социолингвистический аспект бурятской топонимии

Основное назначение топонимов, как известно, — территориально фиксировать объекты. Территориальное распространение топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации в связи с тем, что каждое конкретное географическое название связано с известным местом и эпохой. Это свойство топонимов обусловлено тем, что название

возникает в определенной социальной среде в соответствии с ее потребностями, а значит, и отражает в какой-то мере духовную культуру людей, его (название) создавших.

Исследование топонима позволяет выделить слово, использованное в качестве названия, установить его мотивировку, указывает на связь названия с культурно-историческим назначением именуемого объекта. Дальнейший анализ географических названий показывает, что топонимы способны фиксировать связь онимов и с материальной культурой народа, поскольку ряд названий дается по службам, производству, разработкам полезных ископаемых и т. д. Поэтому представляется важным изучение словообразовательной структуры топонимов в социолингвистическом плане.

Вопросам социальной лингвистики в последнее время уделяется большее внимание (см.: Язык и общество. М., 1968; Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969; Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем Л., 1974 и др.). Большая часть социолингвистических исследований основана на материале апеллятивной лексики, между тем А. В. Суперанская совершенно справедливо отмечает, что «онимы, пожалуй, в еще большей степени, чем апеллятивы, реагируют на всевозможные общественные изменения» [1973, с. 21–22]. Неслучайно в ономастической литературе выделяется понятие ономастики социальной [Бондалетов, 1970, с. 18].

Изучение топонимии Бурятии свидетельствует о влиянии социальных факторов на ее формирование. В частности, двуязычие бурят повлекло за собой образование ойконимов как на родном, бурятском, так и на русском языках. При этом следует отметить, что взаимодействие двух ономастических систем (бурятской и русской) способствует развитию так называемых гибридных названий, одинаково входящих в обе системы, так как их существование вызвано двуязычием.

Установление принципов номинации населенных пунктов позволяет выделить два этапа в процессе формирования бурятской системы ойконимов: дореволюционный и послереволюционный. Попутно заметим, что употребление ономастических понятий русского языка в дореволюционный период было отмечено Ц. Б. Цыдендамбаевым [1978, с. 51], который приводит следующие примеры топонимических названий: Расии (Россия), Питэргараад (Петроград),

Питрообско завууд (Петровский завод), Заграй (Заиграево), Александрска сэнтрал (Александровский централ) и т. д.

Однако это только адаптированные формы русских топонимов. Образование же топонимов бурятами на русской языковой основе не наблюдалось и по вполне понятным причинам. Анализ бурятских ойконимов показывает, что в целом они могут быть распределены на условные две части — «Живая природа» и «Неживая природа». Каждая из частей представлена определенной совокупностью лексико-семантических полей (ЛСП), которые выделяются на основе семантики соответствующих апеллятивов. Так, к примеру, часть «Живая природа» представлена тремя крупными разделами: «Человек», «Флора» и «Фауна».

Внутри каждого из этих разделов мы выделяем ЛСП. В разделе «Человек» наблюдаем существование ЛСП «Антропонимы», куда включены отантропонимические ойконимы, связывающие свое происхождение с родо-племенными именами, например: Абгайта, Алзобей, Бусагай, Шошолог и т. д. Сюда же входят ойконимы, образованные от личных имен, и отфамильные образования.

В этом же разделе считаем возможным выделение ЛСП «Духовная культура», где представлены ойконимы, связывающие свое происхождение с духовной культурой бурят. Например, ойконим Бохан о апеллятивном значении *бээе хуһан* 'шаманская береза'. Название населенного пункта связано с почитанием места поклонения святым духам. Процесс образования ойконима подробно рассмотрен, и убедительно доказана его этимология Т. М. Михайловым [1976, с. 153–164].

Следующее ЛСП, выделяемое нами в разделе «Человек», это ЛСП «Быт», к примеру. Дархат от *дархан* 'кузнец; мастер, умелец, искусный мастер'. Название связано своим происхождением с местами, где ранее жили кузнецы, люди редкой профессии для той поры. При включении того или иного ойконима в определенное ЛСП следует точнее устанавливать мотивации. Правда, не всегда это возможно. Вместе с тем некоторые имеющиеся этимологии топонимов (ойконимов) вызывают сомнения. В частности, к названиям, представляющим кочевой быт бурят, М. Н. Мельхеев относит ойконим Забитуй [1969, с. 127], объясняя его происхождение от *заби табя* 'сделал остановку, привал (букв. сел заложив ноги под себя)'. Объяснение это представляется неубедительным, поскольку подобный принцип номинации не типичен для топонимической си-

стемы. Возможно, в данном случае следует говорить о народной этимологии.

Мотивация ойконимов, относящихся к подразделам «Флора» и «Фауна», основана на географических признаках, в разделе «Флора» мы выделяем следующие ЛСП: «Лес, деревья» (Бадарановка от *бадар* 'слабозаболоченные или меховые ельники'; Жидоты от *жодоото* 'пихтовый'; Ундэр-Хуан от *үндэр хуһан* 'высокая береза'; Шибертуй от *шэбэр* 'чаща, густой заболоченный лес'); «Кустарники» (Дологон от *долоогоно* 'боярышник'; Моготы от *мойһото* 'черемуховый'; Харгана от *хараганаа(н)* 'кустарник, кусты'; «Растения» (Халярга от *халяар* 'черемша').

Раздел «Фауна» представлен ЛСП, включающими в себя названия а) диких животных (Аргалей от *аргали* 'архар, горный баран'; Бабгай от *баабгай* 'медведь'; Бугай от *буга* 'изюбр, морал; олень'; Гуран от *гуран* 'гуран, самец косули', Хандагай от *хандагай* 'лось, сохатый'); б) животных домашних (Унен от *үнеэ(н)* 'корова'; Укар от *үхэр* 'крупный рогатый скот'; Яматы от *ямаа(н)* 'коза'); в) прочие виды фауны (Могой, Могоенок от *могой* 'змея').

Раздел «Неживая природа» представлен ойконимами, обязанными своим происхождением грунту (земле, почве), водоемам, рельефу данной местности, полезным ископаемым.

Наш материал позволяет показать это на следующих примерах: ЛСП «Грунт: земля, почва» включает в себя такие названия, как Харик от *хайр* 'песчаная отмель, коса'; Хужир от *хужар* 'солончак, солонцы'; ЛСП «Водоемы» представляют ойконимы: Булах от *булаг* 'ключ, источник, родник', Горхон от *горхон* 'речка, ручей'; компонент *нуур* 'озеро' в ойконимах Кукунур от *хүхэ нуур* 'синее озеро', Нуху-Нур от *нүхэ нуур* 'яма-озеро'; в ЛСП «Рельеф» входят названия типа: Болдог от *болдог* 'кочка, бугор, холмик', Боря от *боори* 'возвышенность, возвышенное место, подножие горы'; Добот от *добо* 'холм, бугор, курган', Жалгай от *жалга* 'ложбина, овраг, балка, лог, падь (узкая), ров'.

В ойконимах нашли отражение и названия полезных ископаемых, обнаруженных на территории Бурятии, например, Хулэртуй от *хүлэр* 'бронза', Тумэртуй от *түмэр* 'железо'. Исследование бурятских ойкоиимов с учетом этапов формирования топонимической системы (дореволюционного и послереволюционного) характеризует особенности топонимии Бурятии. Любопытно, что если ранее русские названия населенных пунктов, как правило, указывали на

их русское в основном население, то этого нельзя сказать сейчас. Кроме того, весьма существенные перемены наблюдаем в мотивах номинации населенных пунктов, названия которых входят в ЛСП «Антропонимы».

К дореволюционному периоду следует отнести названия родоплеменного образования, отчасти отыменного, а вот отфамильные образования — это явление послереволюционного периода: Бадановская, Бураевская, Малаханова и т. п. Это объясняется тем, что третий компонент трехчленной антропонимической системы — фамилия — в бурятском ономастиконе присутствует сравнительно недавно.

В основе отантропонимических ойконимов лежат имена исторических личностей, государственных деятелей. Особенно плодотворным был процесс образования подобных ойконимов в период коллективизации сельского хозяйства, например, названия колхозов: имени Чапаева, Дылгырова, Ранжурова.

Интересно сопоставление разделов части «Живая природа». Совершенно очевидно, что названия, входящие в раздел «Человек», наиболее подвержены влиянию экстралингвистических факторов, в то время как разделы «Флора» и «Фауна» менее реагируют на социальные перемены в обществе, то есть ойконимия дореволюционного и послереволюционного периодов, входящая в названные разделы («флора», «фауна»), существенно не изменилась. Это следует объяснить тем, что здесь в качестве лексической основы названия используются, как правило, лексемы, имеющие реалии в конкретной местности. Более того, можно утверждать, что число топооснов, используемых в качестве ойконимов, не представляет собой бесконечного множества.

Большую роль при выборе топоосновы играет семантика. К числу наиболее употребительных апеллативов следует отнести лексемы, относящиеся к географической терминологии [ср. Очир-Гаряев, 1933а, с. 6–9; 1983б, с. 3–34].

Многообразие топонимов достигается благодаря тому, что на каждом синхронном срезе помимо названий, созданных в данную эпоху, есть множество других, унаследованных от предыдущих времен [Суперанская, 1979, с. 86]. Таким образом, сравнивая ойконимы дореволюционного периода с послереволюционным, обнаруживаем качественное и количественное изменение их состава. Очевидно, что эти изменения были вызваны, прежде всего, социальны-

ми причинами. Ойконимы, появившиеся в послереволюционное время, образуются по прежним моделям, однако семантическая сторона большинства из них отличается от семантики старых названий.

Иными словами, семантическая сторона ойконимии в разные периоды подвижна и изменчива. В послереволюционный период мы наблюдаем использование в ойконимии слов, имеющих положительную коннотацию, яркую социальную направленность и т. д. Структурно-словообразовательная же характеристика ойконимов более статична, здесь мы фиксируем те же структурные модели, те же способы образования. В целом же ойконимия, как и топонимия вообще, — это живая лексическая система, которая находится во взаимодействии с окружающим миром и способна отразить перемены, происходящие в нем.

Не менее интересно, как видим, представлен социолингвистический аспект в топонимии. В целом, выполняя ряд социальных функций, имя живет и развивается по законам языка, хотя причины, стимулирующие развитие именных систем, по своему происхождению, как мы в этом убедились, социальны. Даже форма имени — структурный компонент ономастики — известным образом обуславливается социальными факторами.

Обобщая сказанное, позволим следующий вывод: социальность имен собственных реализуется: в традиционной закреплённости определенных имен за представителями известных общественных групп при возможном переходе имен от одной группы к другой; общественной оценке отдельных имен; наличии у отдельных общественных групп любимых, нелюбимых и даже загубленных имен; наличии имен-представителей для определенных социальных групп; влиянии образа человека, зовущегося данным именем, на индивидуальную и общественную оценку его имени. Однако следует признать, что все это осуществляется лишь в языке и через язык. Все это не выводится непосредственно из материальных устоев общества, а связано с культурой данного народа.

2.4 Психологическая классификация

Психологический аспект ономастических исследований составляет процедура выявления мировоззрения имядателя, его образа мыслей и последовательности рассуждений. На осно-

ве анализа имен, относящихся к разным периодам или данным разными людьми, возможно изучение исторической смены взглядов, индивидуальных и общественных вкусов. В речевой деятельности человека существуют ситуации, которые определяют собой стиль его сообщения, нацеливая на употребление тех или иных выразительных средств. Официальные ситуации определяют использование человеком литературного языка в соответствии с установленными нормами, т. е. речевая деятельность строится на обращении к нейтральным формам именования. В неофициальных ситуациях, как правило, используется разговорная речь, свободная от ограничений, предельно эмоциональная.

Нетрудно заметить, что в зависимости от ситуации (официальной или неофициальной) используются не только те или иные формы апеллятивной лексики, но и варианты (различные формы) онимов. В официальной обстановке уместно использование лишь тех форм именований, которые установлены в юридическом порядке: паспортные формы личных имен, документально зарегистрированные и общепринятые названия географических объектов и т. д.

Ситуация вне официальности допускает всевозможные ненормированные варианты именований, например: семейные личные имена, адаптированные формы топонимических названий. В данном случае мы сталкиваемся с речевыми произведениями особого рода, в основе которых наблюдаем факторы экстралингвистического характера. В ситуации как официальной, так и неофициальной производителем речи является конкретный индивид и в зависимости от его психологических свойств мы имеем дело с тем или иным речевым продуктом.

Онимы как лексические единицы по-разному проявляют себя на уровне языка и речи. Известно, что речь каждого говорящего может просматриваться как проявление данного языка в условиях той или иной жизненной ситуации, но при этом следует подчеркнуть, что она наделена индивидуальными особенностями.

2.4.1 Языковая деятельность

Основываясь на положении о том, что языковое поведение — часть поведения вообще, рассмотрим речевое поведение в аспекте психологических проявлений. По определению В. Гумбольдта, «язык как масса всего произведенного речью не одно и то же, то самая речь в устах народа» [1858]. Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» пишет: «Изучение языковой деятельности распадает-

ся на две части: одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от индивида... другая — второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, т. е. речь, включая говорение» [1933, с. 42]. Далее Ф. де Соссюр уточняет: «Оба эти предмета тесно между собой связаны и друг друга взаимно предполагают: язык необходим, чтобы речь была понятная и производила все свои действия, речь, в свою очередь, необходима для того, чтобы установился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку» [Там же].

Таким образом, следуя данному описанию, говоря о языковой деятельности, необходимо выделить понятия: *речевая деятельность*, *язык* и *речь*. Комментируя оказанное Ф. де Соссюром, А. А. Реформатский считает, что основным понятием является язык как важнейшее средство человеческого общения. Язык, указывает А. А. Реформатский, объединяет в срезе данного времени все разнообразие говоров и диалектов, разнообразия классовой, сословной и профессиональной речи, разновидностей устной и письменной формы речи [1967, с. 36].

Речевой акт понимается как индивидуальное и каждый раз новое употребление языка как средства общения различных индивидов, причем акт этот должен быть обязательно двусторонним: говорение — слушание, что составляет неразрывное единство, обуславливающее взаимопонимание. Под речью же принято понимать разные формы применения языка в различных ситуациях: речь устная и письменная, речь ребенка, школьника; речь молодежи; сценическая речь; орфоэпическая речь; прямая и косвенная речь; деловая и художественная речь; монологическая и диалогическая речь и т. д. [Реформатский, 1967, с. 36–37].

Следовательно, наша языковая деятельность в конечном итоге — процесс мыслительной деятельности. «Если бы мысль не реализовывалась в языке, то люди утратили бы возможность сохранять опыт прошлых веков, не имели бы возможности передавать его следующим поколениям через язык... Язык регистрирует, закрепляет работу мышления. Мысли человека могут возникнуть и существовать только на основе языкового материала» [Галкина-Федорук, 1956, с. 4].

Логический процесс мышления, результатом которого представляют языковые единицы, лексемы, весьма своеобразно проявляется в ономастике. В частности, существование вариантов онимов разного разряда, наличие высокочастотных и раритетных имен, мотивы но-

минации находят свое объяснение при изучении психолингвистических параметров имядателей и участников речевых актов.

2.4.2 Мотивация имен собственных

Мотивированность языкового знака как способа обозначения основывается на структуре номинации. Всякий же процесс номинации в лингвистике начинается с образования двухкомпонентной единицы (определение + определяемое). Такая двухкомпонентная единица возникает в силу известных социально-психологических причин. Когда перед человеком возникает новая реалия в известной ситуации, он неизбежно противопоставляет ее старой реалии, обычно выступавшей в этой ситуации, и в соответствии с этим переносит на новую реалию название старой, используя при этом различные модификаторы.

В работе В. В. Мартынова «Категории языка» [1982, с. 132–133] наглядно описан процесс образования апеллятива «газировка». Основанный на следующих мотивах: наблюдая, как газруется вода для создания на этой основе прохладительного напитка, человек продолжает называть напиток «вода», прибавляя к этому старому названию известной реалии модификатор «газированная» (газированная вода): вода газруется (= вода насыщается газом) → газруемая вода → газированная вода → газировка. Как видно из этих преобразований, новая лексема формируется в предложении, в котором известная лексема, обозначающая известную реалию, включается в качестве субъекта в предложение, описывающее ситуацию известную, но необычную для данной реалии.

Сложившиеся естественным путем номинации закрепляются в языке, но возникают в речи, в отдельных речевых актах, нередко в диалогах, в которых выявляются сходства именуемых объектов с теми или иными предметами, названия которых могут быть положены в основу новых именовании. Исследователи отмечают, что акты номинации бесчисленны: они ежедневно происходят во множестве речевых ситуации, но слова, при этом возникающие, могут «прожить» не дольше, чем длится речевой акт. Лишь немногие слова становятся общепризнанными.

По мнению Е. А. Земской [1968, с. 66], номинации разговорной речи допускают разнообразные интерпретации, а номинации литературного языка однозначны и понятны вне контекста. Номинации разговорной речи теснее связаны с ономастическими, чем номина-

ции кодифицированного литературного языка, замечает А. В. Суперанская [1973, с. 237].

Конситуативности речевой ситуации в ономастике соответствует связь с предметами. Как возможны разные обозначения одних и тех же предметов в разговорной речи, так возможны разные именованья одних и тех же лиц и объектов. Отсюда следует, что существует определенный параллелизм между апеллятивной номинацией в речи и в языке и естественно возникшей номинацией, связанной с употреблением онимов в неофициальных ситуациях, с одной стороны, и искусственно присвоенными «именами и именами, употребляемыми в официальных ситуациях, с другой.

Изложенное позволяет заключить, что речевые апеллятивные номинации сближаются с естественно сложившимися ономастическими номинациями. К примеру, образование микротопонимов на основе сложения существительного и послелого: Нимбуу урда досл. 'местность перед Нимбу' от личного имени Нимбуу + послелог урда 'перед, впереди'; Ошкоолой хойио досл. 'местность за школой' от апеллятива школа + послелог хойно 'сзади, позади'. Данные словосочетания включаются в номенклатурные списки и, субстантивируясь, переходят в разряд онимов (ср. русск. За озером > Заозерье, За лесом > Залесье).

Однако А. В. Суперанская совершенно правильно обращает внимание на то, что номинация (особенно первичная) еще не есть выражение понятия. Первое употребление вновь созданного имени — микрономинация — не дает ни нарицательного, ни собственного имени [1973, с. 238].

Следует согласиться с мнением о том, что статус имени, его место в языке, будет определен в процессе его функционирования в речи. Если признак, положенный в основу номинации, окажется свойствен и другим объектам, а не только тому, у которого он отмечен и был выделен впервые, имя начинает обобщать и конституируется как апеллятивное. Если же признак, ставший мотивом номинации, случаен и необязателен или представлен у других предметов по-иному, вновь образованная лексема становится именем собственным.

Анализ словообразовательных и словоизменительных моделей онимов, пути и способы заимствования имен из одного языка в другой, связь с апеллятивами и т. п. предполагают знание мотивировок имен как исходный момент номинации, после которого слово ста-

новится собственным именем и начинает свою новую жизнь в языке в ином качестве. Совокупность фактов, лежащих в основе мотивировок имен собственных, как отмечают лингвисты, едина для всего человечества. Она составляет известную ономастическую универсалию.

В работе А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного» [1973, с. 245] приведен перечень типичных мотивировок для разных ономастических разрядов, согласно которому для топонимов это первичные нарицательные, характеризующие разновидность объектов, их местоположение, производимые ими впечатления, события, с ними связанные, назначение или основное использование их, отношение одного объекта к другому, именованная лиц, так или иначе связанных с данной местностью, культовое или идеологическое назначение объекта. Для антропонимов такими основными факторами, определяющими мотивировку, служат физическая, психическая, биологическая, моральная, интеллектуальная характеристика лица, его социальная, национальная, территориальная принадлежность, родственные связи и др.

Исследуемый материал свидетельствует о том, что в основе номинации географических объектов и индивидуумов действительно лежат мотивы, относящиеся к ономастическим универсалиям. Так, например, возможно отнести к образованиям от первичных нарицательных, характеризующих разновидности объектов, топонимы: Мурэн (ряд гидронимов более или менее крупных рек в Южном Прибайкалье) от апеллятива *мүрэн(н)* 'река'; Тологой (сопка на берегу Селенги близ ул. Иволги) от апеллятива *толгой* 'голова' (ср. *хадын толгой* 'вершина горы').

Местоположение географических объектов стало мотивом образования названий: Хойто-гол (левый приток Иркуты) от апеллятива *хойто* 'северный' и гол 'река; долина реки'; Урдо-Ага (населенный пункт в Агинском национальном округе Читинской области) от апеллятива *урда* 'южный' и ойконима *Ага*. В отношении антропонимических примеров ограничимся указанием, что весь типовой перечень мотивов прекрасно иллюстрируется на материале прозвищ. Как видно из перечня, определенного как ономастическая универсалия, мотивировка имен собственных, кстати как и нарицательных, фактор экстралингвистический. Однако всякое имя появляется лишь тогда, когда возникает настоятельная потребность для именованного объекта. Общественная практика выбирает из бесчисленного

множества номинаций относительно немногочисленные и закрепляет их в языке.

В поисках оптимального названия нередко проходят пробу через речевую практику многие, даже десятки микрономинаций. Каждое имя имеет или имело изначальную мотивировку, которая чаще всего стирается в процессе функционирования имени. Теоретически могут быть найдены апеллятивы, соответствующие основам любого имени собственного, но «путь» лексем от нарицательного к собственному проходит порой через длинную цепь других собственных имен. Заметим, что этимологический анализ имен относился к сфере лексики вообще, то есть общей лингвистики, а не конкретно ономастики.

Номинация происходит обычно по различного рода ассоциациям, порой неуловимым и понятным лишь тем, кто дает имена. Вместе с тем основные пути развития номинации и типы собственных имен аналогичны у всех народов, хотя несовпадение частных допустимо и имеет место. Исследователем Ю. А. Карпенко [1972, с. 8–9] отмечено, что главным для забвения первоначального смысла имен оказывается их предрасположенность к деэтимологизации; семантическое однообразие их не требует поддержки от их внутренней формы. Будучи при рождении чем-то большим, имя быстро становится просто функционирующим дифференцирующим знаком, а вся прочая сопровождающая его информативность оказывается избыточной и теряется. В этом же причина того, что нормально функционирующие имена (в особенности топонимы) редко обнаруживают эмоциональность (например, иронию), которая заключена не столько в самом имени, сколько в ситуации его появления и забывается через одно-два поколения. В целом же знаковый характер языка вообще и собственных имен в частности способствует стиранию лексического значения их компонентов.

Завершая раздел, в котором нами рассмотрены основные типы классификаций бурятских имен собственных, заметим, что при анализе и описании определенного ономастикона наибольшее значение имеют классификации лингвистического типа (структурная, стилистическая, семантическая). Вместе с тем социально-исторический аспект изучения имен собственных позволяет получить наиболее полные сведения при морфологическом и этимологическом анализе онимов.

Возникновение имен собственных диктуется общественной необходимостью различать индивидуальные объекты внутри однородной общности предметов. Включение в ономастикон лексических единиц для обозначения объектов разных сфер ономастического пространства сопровождается разнообразием факторов, влияющих на словообразование этих онимов, отсюда и необходимость различных типов классификации ономастического материала.

Глава III СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЯДЫ БУРЯТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Изучение онимических основ — это особая область лексикологии. Сам факт вторичности включения определенных лексем в онимический ряд не позволяет подходить к их анализу с теми же критериями, что и к анализу общей лексики. Разные разряды онимов различаются степенью раскрываемости их первоначального смысла. Известно, что степень семантической прозрачности онимов одного и того же разряда в разных языках варьируется. К примеру, различие степени семантической прозрачности наблюдается в топонимии, где наибольшей семантической раскрытостью отличаются микротопонимы, а наименьшей — гидронимы.

В антропонимии подобную картину мы наблюдаем в отношении прозвищных имен и других типов антропонимов. Языковой образ имен собственных формируется и развивается в известном смысле независимо от апеллятивов данного языка, а лексическая избирательность основ имен собственных и их словообразовательная структура зависят в первую очередь от системы, в которой данные имена употребляются и должны оцениваться лишь в рамках данной системы.

В. Э. Сталтмане [1986, с. 152] указывает на то, что словообразующие и лексические средства используются в ономастике с ориентацией не на их роль и место в языке или в ономастике вообще, а на их внутренние отношения в данной именной системе. Онимическая лексика любого языка объединяет многочисленные системы и подсистемы имен, относящихся ко всем секторам ономастического пространства в их преломлении в речи отдельных социальных (территориальных) групп, пользующихся данным языком.

Каждый онимический сектор в каждом языке имеет свои словообразовательные и словоизменительные парадигмы, в соответствии с которыми организуется и реорганизуется его лексика. Для каждой категории онимической лексики проблема системности может решаться своим особым образом.

Изучение онимической лексики конкретного языка предполагает описание всей совокупности имен собственных в аспекте взаимопроникновения отдельных пластов онимической лексики, системности онимов, специфической характеристики отдельных онимических типов, специализации онимической лексики и др. Названные

проблемы можно осветить на основе анализа семантических разрядов бурятских имен собственных, среди которых мы выделяем антропонимы, топонимы, зоонимы и космонимы.

3.1 Антропонимы

3.1.1 Общая характеристика

Исследованию антропонимического материала в бурятском языкознании посвящена серия статей, монографии [Шулунова, 1985; Митрошкина, 1987], две кандидатские диссертации [Алдарова, 1979; Шулунова, 1981], докторская диссертация [Митрошкина, 1989]. Опыт изучения бурятского антропонимикона позволил установить основные компоненты, входящие в состав антропонимической системы бурят, дать их описание, определить основные мотивы наречения и функции антропонимических единиц. Антропонимические словесные знаки, организованные в речевые последовательности определенных типов, в сочетании с обязательными и факультативными апеллятивами образуют тексты, которые по преобладающим компонентам и функциональной (номинативной) направленности могут быть названы антропонимическими.

Под антропонимическим текстом нами понимается всякая совокупность индивидуальных именовании человека, представленная в виде определенных списков: метрические записи, ревизские сказки, раздаточные ведомости, канцелярские алфавиты и т. п. Антропонимический документ, как правило, представляет собой насыщенную ономастическим материалом форму, имеющую наиболее ярко выраженные внешние и внутренние характеристики. При этом компоненты одного списка в коммуникативном отношении объединены задачей дать информацию о принадлежности всех референтов, обозначенных антропонимами, к определенной категории лиц.

Связность антропонимического текста достигается не только единством коммуникативной задачи, но и референционной однородностью, синтаксическим согласованием, стереотипной структурой предикативной апеллятивной части, регулярностью антропонимической формулы. Антропонимический текст как совокупность определенного разряда онимической лексики занимает одно из важных мест в ономастическом пространстве.

Своеобразие антропонимических единиц объясняется, прежде всего, их функциональным назначением, спецификой образования и

форм бытования. Антропонимы обладают рядом свойств, благодаря которым способны отразить состояние культуры того или иного народа, выделить как общие, так и инвариантные моменты в ономастиконах наций и народностей.

Исследователи отмечают, что изучение антропонимии определенного народа в сравнительно-историческом аспекте позволяет получить важные сведения о состоянии языковой системы в прошлом, ее развитии, о контактах с другими нациями и народностями, об их генетической общности и отличиях. На основе этих языковых сведений возможно выявление исторических или этнографических фактов того или иного региона.

Наиболее полное описание бурятского антропонимикона дано А. Р. Митрошкиной в ее работе «Бурятская антропонимия» (1987), в которой исследуются имена бурят, функционирующие в устной традиции за последние 400 лет (XVII–XX вв.).

На основе комплексного подхода к материалу, с учетом исторических, этнографических, социальных и культурных факторов, А. Г. Митрошкина исследует архивные документы (ревизские сказки, подворные списки, ведомости по крещению бурят), значительный объем полевого материала, включающий также родословные таблицы, имевшие широкое распространение среди бурят.

Большой заслугой автора является разработка методики сбора ономастического материала (конкретно антропонимов), решение вопроса антропонимической хронологии, введение понятия антропонимической эры. Стратиграфическое описание единиц бурятского антропонимикона позволило исследователю определить исконно бурятские антропонимы, выявить интенсивность развития антропонимических категорий, проследить в целом эволюцию бурятской антропонимической системы.

Среди ученых, внесших определенный вклад в разработку проблем бурятской антропонимики, следует назвать И. Д. Бураева и Л. Д. Шагдарова, которым принадлежит первое научное описание личных имен бурят (1969). Статья И. Д. Бураева и Л. Д. Шагдарова «О бурятских личных именах», опубликованная в Трудах Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР (сб. «К изучению бурятского языка») содержит анализ антропонимии бурят с точки зрения происхождения, мотивации, особенностей функционирования и грамматической характеристики. Систематизация антропонимического материала, предложенная авторами, позволила

определить основные направления исследований по бурятской антропонимике. Особая ценность данной работы заключается, на наш взгляд, в том, что авторы уделили большое внимание этнографическому аспекту, показали влияние экстралингвистических факторов на формирование именника бурят.

Вопросам социальной сущности бурятских имен посвятила свои труды А. Л. Дарбеева [1969, 1970]. Тематическая группировка исконных имен бурят и их дифференциация на мужские и женские имена дана Н. Б. Алдаровой в ряде ее работ [1973, 1976а-в, 1978, 1979].

Различным аспектам бурятской антропонимии посвятили свои исследования Ц. Б. Цыдендамбаев [1972, 1976, 1981], Л. Д. Шагдаров [1976], К. Д. Басаева [1976], В. В. Башкуев [1981], Ж. Л. Зимин [1981], Э. М. Лиханова [1981], Ц. Ш. Цырендоржиева [1981], А. А. Мамаева [1931], В. М. Цыбикова [1981], Д. Д. Санжина [1990] и др. В целом обзор публикаций по бурятской антропонимике позволяет заключить, что более чем двадцатилетняя история наблюдений за данным сектором ономастического пространства бурят свидетельствует о научной ценности антропонимов не только для истории бурятского языка, но и культуры, как материальной, так и духовной.

3.1.2 Лексико-семантическая характеристика

Современное развитие языкознания, в частности задачи сопоставительной типологии, требует дальнейшего углубления и расширения исследований лексико-семантической сферы языка. Прогресс в изучении смысловой стороны слов во многом зависит от того, удастся ли исследователю установить связи и отношения между элементами лексико-семантического уровня языка.

Следует признать, что отсутствие исчерпывающего системного описания такой важной области языка, как лексика, может стать серьезной помехой при типологическом сопоставлении отдельных языковых систем и языков в целом, поскольку для этого необходим предварительный анализ всех уровней языковой структуры [Жукова, 1971, с. 4]. Заметим, что идея системности языка на всех уровнях, обоснованная еще в конце XIX в., нашла свое отражение как в отечественной, так и в зарубежной лингвистической науке в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Н. В. Крушевского, М. М. Покровского, А. А. Потебни, В. М. Солнцева и др.

В последние годы в связи с традиционным стремлением представить язык, как систему, особую актуальность приобретает проблема описания и систематизации лексико-семантических явлений. Здесь следует назвать труды А. И. Смирницкого, А. А. Уфимцевой, О. Н. Трубачева, Д. Н. Шмелева и др. Анализ структурно-семантической характеристики лексем свидетельствует о необычайной сложности слова как семиотической и структурной единицы языка [Уфимцева, 1974, с. 50].

Говоря о системности (или несистемности) лексики вообще, ученые указывают на различный характер системных связей внутри различных лексических групп [Шмелев, 1969]. В исследованиях, посвященных вопросам семантики и семантической классификации, одним из существенных и наиболее общих и распространенных принципов является парадигматический подход к единицам лексики. По этому поводу Д. Н. Шмелев указывает, что слово может рассматриваться как член определенной лексико-семантической парадигмы, точнее, ряда парадигм, объединяющих слова на основе того или иного семантического признака [1964, с. 129]. Следовательно можно определить лексико-семантические группы слов как один из типов семантических парадигм.

Лексико-семантическая характеристика антропонимов предполагает выделение в антропонимиконе различных лексических групп. К сожалению, в языкознании отсутствует четкое определение понятия «лексическая группа», в частности, Ю. С. Сорокин отмечает, что «спорным и нерешенным по преимуществу остается вопрос о возможности выделения в словарном составе более или менее обширных и вместе с тем определенных групп лексики по признаку их семантической общности, то есть по отнесенности их к известному классу понятий и определенному тематическому кругу» [1965, с. 18].

Однако В. А. Никонов считает возможным лексико-семантическую классификацию ономастического материала, в частности личных имен, по мотивам называния [1974, с. 95]. Правда, при этом автор замечает, что нельзя смешивать одно с другим: недопустимо подменять семантический анализ имен анализом значений их основ.

Для отнесения антропонима к той или иной семантической группе или подгруппе необходимо учитывать экстралингвистические факторы. Прежде всего, следует выяснить, какие представления связывал народ с этими именами, каковы причины, породившие эти представления. К примеру, нельзя отнести имя Арсалан досл. 'лев' к

подгруппе антропонимов, в основе которых лежат названия животных, поскольку мотивом номинации, по всей вероятности, послужило пожелание, чтобы ребенок был сильным, смелым, храбрым. Следовательно, данное имя должно быть включено в группу «пожелательных имен».

В аспекте изложенного выше полагаем возможным выделение следующих лексико-семантических групп бурятских антропонимов:

А. По характеру функции. Антропонимы, как и все прочие имена собственные, существуют только потому, что выполняют определенные функции [Бестужев-Лада, 1970, с. 24]. Особенности структурной организации антропонимов, специфика их состава становятся объяснимыми лишь при ознакомлении с объемом и характером выполняемых этими онимами функций.

Способность служить основой сообщения позволяет выделить у антропонимов коммуникативную функцию, способность употребляться в качестве призывов — аппеллятивную, а способность быть выразительным средством — экспрессивную. Эти три названные функции характеризуют антропонимы на речевом уровне.

На языковом же уровне у антропонимов обнаруживаются лексическая функция номинации и грамматическая функция подлежащего и дополнения. На ономастическом уровне наблюдаем наличие у антропонимов делимитативной (различительно-выделительной) и дескриптивной (описательной функции).

Все эти, казалось бы, столь разные функции имеют одну объединяющую черту — более или менее общий характер. Так, например, грамматическая функция дополнения и подлежащего является общей для всех антропонимов; функции речевого уровня общие для всего класса собственных имен, а лексическая функция номинации — ведущая функция любого имени вообще, как собственного, так и нарицательного. Последняя из перечисленных функций, являясь для всех имен не только общей, но и обязательной, перекрывает все прочие их функции и всегда им сопутствует.

Вероятно, в функционировании антропонимов на речевом и языковом уровнях резко проявляется не индивидуальное начало, а общее. Правда, в ономастике пока еще не существует единого мнения о том, какие функции антропонимов считать специальными ономастическими и каким числом ограничивать их состав [Бестужев-Лада, 1968, с. 20–25; Суперанская, 1973, с. 266–276].

Вопрос этот, безусловно, сложный и требует серьезных исследований. Следует иметь в виду, что некоторые специальные ономастические функции антропонимов имеют в какой-то мере тоже общий характер, могут являться функциями различных разрядов, но у каждого вида антропонима эти функции выступают в особой свойственной лишь этому виду модификации, определяемой специфической именуемого объекта. Наличие этих модификаций находит объяснение в экстралингвистическом характере ономастических функций, то есть «в том, что они «определяются социальным заказом» и нередко объясняются не из фактов языка, а из общественного знания соотношения вещей» [Суперанская, 1973, с. 273–274].

Кроме «общих», некоторые виды антропонимов могут иметь свои особые функции, не отмечающиеся у других видов собственных имен людей. Так, делимитативная (различительно-выделительная) функция свойственна всем разрядам антропонимов, но у прозвищ она отличается особой модификацией и имеет свои специфические черты.

Это становится заметно при сравнении индивидуальных прозвищ с другими антропонимами, например с личными именами. Характеристики делимитативной функции у прозвищ и личных имен разительно отличаются друг от друга. Новорожденный ребенок представляет собой предмет, подобный многим существующим и существовавшим. Естественно, что с его рождением возникает необходимость выделить его в ряду подобных. Но на каком основании? Поскольку младенец представляет собой существо, настолько непостоянное и изменчивое в своих признаках, то ему практически невозможно дать имя, в основу которого легли бы устойчивые признаки. Следовательно, речь может идти о наделении ребенка знаком, не указывающим ни на какие признаки, то есть о личном имени.

В подобном случае этимология личных имен не дает никаких указаний на признаки носителей данных имен: известно, «...что Петр идет от греческого *petros* “камень”, Виктор от латинского *victor* “победитель”, что София — от греческого *sophia* “мудрость”, Марина — латинское *marina* “морская”, Мария — еврейское “горькая”, Матвей — еврейское “дар божий” и т. п.» [Реформатский, 1967, с. 66].

А вот бурятские личные имена: Алдар досл. 'известность, популярность, слава', Баяр досл. 'радость, веселье', Булат досл. 'сталь', Зоодой досл. 'ерш; карась', Сэсэг досл. 'цветок', Шоно досл. 'волк',

Шулуун досл. 'камень' и т. д. Естественно, с течением времени, когда ребенок подрастает, у него появляются отличительные признаки, формируется характер, поведение и т. д.

Наконец, он попадает в коллектив, где его личное имя перестает эффективно выполнять делимитативную функцию. И тут как вспомогательное средство возникает дополнительное, неофициальное имя — прозвище, которое может:

– выделять индивидуальное из общего, не указывая ни на какие признаки, отличающие данный предмет от подобных ему, например: Асха — от фамилии Асхаев, Будай — от Будаев, Макарка от Макаров, Карабас — от фамилии Маркизов (в связи с ассоциацией с именем сказочного персонажа Маркиза Карабаса), Тэхэ-Бабана (ср. *тэхэ бабана* 'козел-производитель') от фамилии Тыхеев, Хмельницкий (денотат носит фамилию Богданов, что вызвало ассоциацию с именем исторически известной личности — Богданом Хмельницким);

– выделять отдельные лица путем указания на их отличительные признаки и особенности, например: Ута Шагжа досл. 'долговязый Шагжа', Хара Игнааха досл. 'черный Игнат', Халзан досл. 'лысый', Шаньга (у именуемого круглое полное лицо), Гонгоо досл. 'тупица', Дэрээ досл. 'лопоухий' (ср. *дэрэгэр* 'торчащий, оттопыренный').

Заметим, что в первой группе лично-индивидуальных прозвищ такие формы прозвищных имен, как Карабас, Тэхэ Бабана, Хмельницкий, отнюдь не связаны своим образованием с каким-либо качеством денотата. Сказанное позволяет заключить, что различительно-выделительная функция собственных имен носит чисто знаковый характер, а у индивидуальных прозвищ может иметь знаковый характер плюс характер описательный. Поэтому в качестве сопутствующей функции прозвищных имен следует указать описательную (дескриптивную) функцию.

Личные имена бурят, как отмечалось выше, выполнили ряд функций, связанных с оборотами (своеобразной «профилактикой» [Бураев, Шагдаров, 1969, с. 108]) или охранительными обрядами от враждебных сил природы [Митрошкина, 1987, с. 52]. Так называемые охранные имена имели широкое распространение среди бурят, как и в антропонимии других народов, поскольку отражали определенный этап в развитии мировоззрения человека [Мифология древнего мира, 1977, с. 455; Левинсон, 1974, с. 163].

Описание обрядов поклонения духам предков или добрым и злым духам в связи с рождением ребенка находим в работах И. Е. Тугутова [1965, с. 35], И. А. Манжигеева [1960, с. 181–184]. Следствием подобных воззрений явились охранные имена, призванные обмануть злых духов, сберечь ребенка от всевозможных несчастий.

В качестве примеров охранных имен, рожденных в зависимости от соответствующих обрядов, А. Г. Митрошкина [1987, с. 55] называет Согто, Цогто — от *сog* или *цog* 'тлеющий уголь, летящий уголек, искорка' (обряды с отпугивающими и охраняющими предметами в колыбели ребенка и при захоронении последа: камни, нож, ключий кустарник); Шоно от *шоно* 'волк', Нохой от *нохой* 'собака', Баахалдай/Боохолдой от *боохолдой* 'медведь' (охранительные обряды с собакой, медвежьей шкурой и т. п.); Мангад от *мангат* 'русский', Мангадай от *мангадай* 'принадлежащий русскому', Тогооной от *тогооной* 'принадлежащий котлу' (обряды обманно-охранительные, связанные с «продажей», укладыванием ребенка под котел).

В антропонимиконе бурят, как и у ряда других народов, наблюдается функционирование табуированных имен. Явление табуирования описано в трудах Т. Ж. Жанузакова [1971, с. 102], М. У. Монараева [1971, с. 66] и др. Подробное описание этого явления находим у А. Г. Митрошкиной [1987, с. 50–61], которая, описывая типы замен личных имен, отмечает, что учет типологии замены табуированных имен способствует правильному разграничению исконных имен и табуистических. Ею же выделяется тип связанных имен, образованных на основе соименования, причем автор анализирует при этом материал, начиная с XIII в. по настоящее время.

Подобное явление описано В. А. Никоновым [1974, с. 131–134], Р. З. Шакуровым [1980, с. 43–49] под термином «рифмованные имена», Л. И. Ройзензоном и А. И. Исаевым [1971, с. 37–40] под термином «антропонимическая серия».

Наблюдения над всем комплексом антропонимических единиц свидетельствуют о том, что в плане функциональном бурятские антропонимы наделены как общими чертами (функции: грамматическая, коммуникативная, алеллятивная, экспрессивная, делимитативная), так и чертами отличными (функции: дескриптивная, охранный, табуистическая).

Б. По мотивации. Любое имятворчество предполагает причину, повод и мотив номинации. Мотивировка имени — это комплекс причинно-следственных связей. В ономастической литературе предлагается при анализе мотивов номинации учитывать следующие аспекты: исторический, социальный и территориальный.

Для исследования мотивации антропонимов существенным представляется описание исторического и социального аспектов номинации. Исторический аспект мотивировки антропонимов включает в себя наличие конкретного события или определенного факта, сопутствовавших появлению именованного объекта. Например, серия имен, связанных с событиями Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет советской власти, представлена в бурятском антропонимиконе образованиями типа: Аврора, Октябрина (встречается и мужская форма имени — Октябрь и Октябрин), Ноябрина, Ревомир, Энергина, Домна, Донара, а также упомянутые выше Самолет, Трактор и т. п.

Социальный аспект мотивировки рассматриваемых онимов проявляется в том, что имя может отражать названия общественных групп и сопутствующих им реалий. Особенно показательна эта способность на примере прозвищных имен. Прозвища представляют собой языковые знаки, обеспечивающие общение людей, значит, на их примере можно рассматривать явления языка как средства коммуникации. Как разно-видность языковых знаков, прозвища могут помочь и в выяснении разрядов языковых знаков, их особенностей. Будучи именованьями повторного характера, прозвища, в отличие от других онимов, наиболее наглядно демонстрируют связь структуры номинации с номинатом или, иными словами, мотивированность языкового знака как способа обозначения.

Обращает на себя внимание последнее свойство прозвищ, поскольку оно наиболее интересно в выявлении специфики антропонимов. Прозвища относятся к разряду имен собственных, появление единиц которого всегда мотивировано. Следовательно, в этом отношении прозвища имеют отличительную черту по сравнению с именами нарицательными и даже некоторыми разрядами собственных имен, мотивированность которых не носит обязательный характер. Мотивация прозвищ направлена на использование языковых средств в качестве характеристики индивидуумов для обозначения отношения номинатора к свойствам и признакам номинанта.

По способу характеристики индивидуума прозвища подразделяются на два подкласса, противопоставляемых по признаку семантической/асемантической. Первый подкласс может включать в себя отапеллятивные и отэпонимические (или ономастические) прозвища; второй подкласс состоит только из эпонимических прозвищных образований.

Исследователь З. П. Никулина выделяет в этом аспекте еще и третью группу прозвищ — генесионимические прозвища, которые определяются ею как «нехарактеризующие именуемого, а лишь указывающие на отношение к кому-либо» [Никулина, 1974, с. 72]. Мы же относим подобные прозвища к первому подклассу, то есть к прозвищам семантически маркированным.

Итак, с точки зрения мотивации бурятские прозвища подразделяются на два подкласса: прозвища оценочно-характеристические и прозвища семантически немаркированные, характеризующиеся нулевой внутренней формой.

Оценочно-характеристические, или семантически маркированные, прозвища могут быть определены как «указывающие непосредственно или опосредствованно через другого человека, предмет, представителя животного мира на какой-нибудь характерный признак человека» [Никулина, 1974, с. 71]. Прозвища, относящиеся к этому подклассу, семантически наполнены и обладают внутренней формой. Эти прозвища соответствуют признакам именуемых лиц, дают качественную характеристику их внешности, психическим свойствам, особенностям поведения, указывают на отличительные черты процесса говорения, на деятельность индивидуума и т. д.

Обзор семантически маркированных прозвищ позволяет заключить, что в целом их можно распределить на элементный и событийный типы номинации. Под элементной номинацией понимается обозначение определенного элемента действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслительный объект. При событийной номинации в качестве номинанта выступает микроситуация, то есть событие, факт, объединяющий ряд элементов [Гак, 1977, с. 257]. К типу элементной номинации относятся прозвища, мотивация которых основана на характеристике внешности, внутренних психологических особенностей денотата или особенностях речи.

Тип событийной номинации включает в себя прозвища, мотивация которых основана на деятельности денотата или связана с различными обстоятельствами, имеющими отношение к прозываемому. Прозвища элементного типа номинации фиксируют собственные признаки денотата, а прозвища событийного типа — относительные. Любопытно, что принципы номинации семантически маркированных прозвищ аналогичны принципам дачи кличек домашних животных в бурятском языке [Баирова, 1975, с. 143–144].

Вероятно, это следует объяснить наличием дескриптивной функции у зоонимов и рассматриваемых антропонимов. При анализе семантики прозвищных имен на материале русского языка исследователи предлагали исходить из значения слов и по этому принципу проводить классификацию семантически маркированных прозвищных имен [Селищев, 1968, с. 97–128; Чичагов, 1959, с. 34–38; Ванюшечкин, 1971, с. 85–89; и др.].

Однако ошибочность подобной точки зрения справедливо отмечена В. И. Тагуновой [1967, с. 50], а исследования П. Т. Поротникова [1970, с. 45–46] на материале прозвищ замкнутой территории показали, что «такая классификация может исказить истинный принцип создания того или иного прозвища», поскольку, во-первых, не для каждого прозвища можно точно определить мотивировку, во-вторых, для прозвищ с основами, тождественными по значению, мотивировочный признак может быть различным [ср. Хулгана досл. 'мышь' — в основу мотивации положен один из следующих признаков: 1) маленький рост, 2) черты лица, напоминающие мордочку мыши, 3) маленькие глаза; такая черта характера, как хитрость: Хитад Дамба досл. 'китаец Дамба' — номинант говорит очень быстро и невнятно, что затрудняет понимание его речи слушающими, то есть основой мотивации послужила невнятная речь, напоминающая китайскую; Хитад Олеобе досл. 'китаец Лева' — денотат внешне напоминает китайца и т. п.), в-третьих, возможны различные переосмысления на основе омонимичности и синонимичности имен нарицательных, лежащих в основе прозвищ.

В. По сфере бытования. Лексико-семантический анализ бурятского антропонимикона свидетельствует о том, что следует различать данные онимические единицы и по сфере употребления, а именно: антропонимы, употребляемые в официальной сфере, и антропонимы, бытующие в сфере неофициальной.

Конечно же, официальная сфера включает употребление наибольшего количества разновидностей антропонимических единиц: за исключением прозвищ, все разновидности антропонимов (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним) представлены как официальные именованья. В сфере же неофициальной практически не используются отчества, псевдонимы, а фамилии упоминаются в определенном контексте, стилистически иначе окрашенные. К примеру, в семье обращение жены к мужу по фамилии подразумевает отнюдь не официальность, а нечто иное, скорее такое обращение носит дружеско-иронический характер.

В силу того, что «антропонимия образует в языке особую подсистему, разобраться в которой бессильны методы только лингвистики без неразрывного единства с этнографией, историей, социологией, правом» [Никонов, 1970, с. 56], возникает необходимость обратиться к социальной сфере бытования имен.

О решающей роли общества в определении судьбы слова писал Б. А. Серебренников, справедливо считая, что «хотя каждая инновация в языке создается отдельным индивидом, судьба созданного зависит от общества» [1977, с. 153]. Вопросами социальной сущности антропонимов в отечественной ономастике занимались такие исследователи, как Н. А. Белых, А. А. Дарбеева, Т. Ж. Жанузаков, Г. Н. Кондратенко, И. И. Коржанов, Т. А. Короткова, Т. И. Окорокова, А. Г. Митрошкина, В. Э. Сталтмане, Б. С. Шварцкопф, которые в основном сосредоточили внимание на именах личных или фамилиях.

В антропонимиконе любого языка существуют обозначения людей, связанные с характерными занятиями, профессией, положением в обществе, принадлежностью к тому или иному коллективу. Уместно вспомнить здесь высказывание Т. Милевского о том, что в каждой общественной группе может быть антропонимическая система, позволяющая однозначно называть каждого члена общества [Суперанская, 1969, с. 57]. Отсюда можно заключить, что антропонимы отражают социальную структуру общества: различные типы взаимодействий, формы общения, существующие между отдельными индивидами, индивидами и группами, группами и социальными институтами.

Социологические исследования потребностей, интересов людей, мотивов их деятельности имеют важное значение. Изучение конкретных социальных фактов на материале антропонимов позволяет

определить тесную связь познавательных и практических задач ономастики. Анализируя бурятские личные имена, А. Г. Митрошкина выделяет именованья внутрисемейные, внутриулусные и межулусные [Митрошкина, 1987, с. 45–51]. На материале прозвищ подобное деление подразумевает выделение прозвищ семейных, школьных, профессиональных и улусных.

Данное распределение материала обусловлено вневлигвистическими факторами социального характера, а именно: а) семейным положением именуемого и его родственными связями; б) положением номинанта и номинатора в коллективе; в) степенью известности прозываемого лица; г) отношениями денотата и именуемого [Поротников, 1973, с. 253; Шулунова. 1985, с. 55]. Заметим, что в выделенных группах прозвищ возрастной фактор также играет существенную роль. Так, например, если семейные прозвища с точки зрения хронологии не имеют ограничений, то школьные возникают, лишь на определенном жизненном этапе человека. Профессиональные прозвища, в отличие от улусных, могут возникнуть только в момент производственной деятельности прозываемого. Следовательно, названные группы прозвищ в известной мере фиксируют и возрастные признаки номинанта.

Употребление прозвищ ограничено сферой речевого общения. При этом говорящий выбирает ту форму именованья денотата, которая более всего соответствует данной ситуации. Выбор этот чаще всего определяется экстралингвистическими факторами. Таким образом, приведенная группировка прозвищных имен учитывает момент появления и сферу функционирования именованья.

К семейным относятся именованья, возникшие и употребляемые в кругу семьи, например: Аюур Баабай досл. 'Аюр-дедушка' от личного имени дедушки денотата + *баабай* 'отец', 'дедушка' (прозвище дано мальчику, потому что он очень похож на дедушку Аюра), Ообэй досл. зап.-бур. 'дитя' (названный — единственный ребенок в семье, и это прозвище осталось за ним до его совершеннолетия).

Следует заметить, что семейные прозвища нередко становятся улусными, а вот факты обратного перехода улусных прозвищ в семейные нами не обнаружены, не отмечается подобное и в материалах других исследователей. Это и понятно. Ведь прозвища большей частью носят отрицательно экспрессивный характер, поэтому близкие люди предпочитают не называть родственника уничижительным именем, если даже им известно прозвище.

Школьные прозвища представляют собой самую разнообразную и многочисленную группу. Характер общения (отсутствие всяких условностей, непосредственность) индивидов этой возрастной группы обеспечивает наличие многообразия и количественного обилия школьных прозвищ. Именно в этой группе прозвищ встречаются всевозможные мотивы номинации и различные формы образования. Особенно часты в среде школьных прозвищ образования отэпонимического характера, основанные, как правило, на лексико-семантических, звуковых, ситуативных ассоциациях личных имен и фамилий номинантов. Среди них можно выделить прозвища, имеющие соответствия с апеллятивами и онимами: Түмпэн досл. 'клубень', 'луковица' (по созвучию с личным именем прозываемого Түмэн). Борбилоо досл. 'воробей' (перевод на бурятский язык рифмованной части дразнилки Сергей-Воробей, основанной на созвучии личного имени с апеллятивом *воробей*, в силу чего названный, будучи Сергеем, получил прозвище Борбилоо).

Приведенные примеры свидетельствуют о влиянии русского языка на образование прозвищных именовании бурят. Школьные прозвища имеют самый широкий диапазон мотивации по различным признакам. Функционально они в подавляющем большинстве используются в качестве обращения непосредственно к носителю прозвища. Границы сферы употребления их очень подвижны. Обычно школьные прозвища переходят в улусные.

Профессиональные прозвища составляют группу именовании, связанных с производственной деятельностью денотата. Любопытно отметить, что сфера употребления этой группы прозвищ, как правило, не ограничивается профессиональной средой, то есть прозвища используются и за ее пределами. Приведем примеры профессиональных прозвищ, образованных от исконных и заимствованных апеллятивов: Зоохэй Сэнгэ досл. 'сметана Сэнгэ' от *зоохэй* 'сметана' + личное имя денотата (именуемый заведует маслозаводом); Харуулшан Сэрэн досл. 'сторож Сэрэн' от *харуулшан* 'караульный, сторож' + личное имя денотата; Аксиома, Колосок, Материк (прозвища учителей математики, ботаники, географии); Босс (так прозван директор школы); Негрол (прозвище тракториста); Айболит (так прозвали медицинскую сестру местного фельдшерского пункта).

Наблюдения показывают, что профессиональные прозвища с бурятской языковой основой отмечают профессии, которые имели место до социальных преобразований в деревне, прозвища же с рус-

ской языковой основой фиксируют профессии, появившиеся в среде бурят после Октябрьской революции.

Улусные прозвища представляют собой именованья, сфера употребления которых выходит за рамки определенных социумов, то есть всякое прозвище, получившее большое распространение и ставшее известным и понятным широкому кругу людей (улус, деревня, село), следует отнести к улусным.

В разряд улусных способны перейти как семейные, так и школьные, а также и профессиональные прозвища. Именно улусные прозвища по характеру апеллятивной функции предельно приближаются к границам личного имени. Однако улусное прозвище может возникнуть и само по себе, минуя разряды семейных, школьных и профессиональных. Такое свойство улусных прозвищ, как всеизвестность, объясняется тем, что индивид-носитель того или иного прозвища в силу своих жизненных потребностей вынужден общаться с представителями разных социумов, которые, в свою очередь, также не ограничивают сферу общения, поэтому индивиды, уже знающие денотата по прозвищу, сталкиваясь с разными социальными группами, произвольно или непроизвольно, сознательно или интуитивно распространяют далее это прозвищное именованье.

Исследователями бурятского антропонимикона (Алдарова, Бураев, Митрошкина, Олохтонова, Шагдаров и др.) подчеркивается необходимость изучения типологии ономастических значений и моделей личных имен, выявления и описания антропонимической системы, а также создания целостной теории бурятской антропонимики.

В отношении же определения официальности и неофициальности антропонимов для уточнения сферы бытования тех или иных разрядов антропонимов мы сочли наиболее убедительным материал прозвищ, полагая, что официальность антропонимов (личное имя, отчество, фамилия, псевдоним) общеизвестна, а неофициальность проявляется более всего именно у такой антропонимической единицы, как прозвище. Думается, изложенное выше убеждает нас в этом.

На основе имеющихся описаний и наших наблюдений над антропонимиконам бурят возможно определение принципов именования людей, выявление системных связей между единицами отдельных категорий и, в конечном счете, установление типологии антропонимических наименований индивидов.

Система антропонимов, функционирующая в устной градации бурят с XVII в. по настоящее время, выявляет следующие лексико-семантические особенности:

- различие антропонимов по функции (наличие так называемых охранных и табуированных имен);
- распределение антропонимов по той или иной мотивации (существование имен с мотивом нежелательным, фиксирующим наличие тех или иных ярко выраженных признаков, а также мотивом, основанном на всевозможных ассоциациях);
- употребление тех или иных антропонимических единиц в официальной и неофициальной сфере.

Полагаем возможным отразить эти лексико-семантические особенности антропонимов и соотношение существующих разновидностей данных онимических единиц в аспекте их функционирования, мотивации и употребления в нижеследующей таблице.

Таблица 5

Разновидность антропонима	Лексико-семантические группы						
	По функции		По мотивации			По употреблению	
	Охран-ные	Табуиро-ванные	Пожела-тельные	Фикси-рующие признаки	Ассоциа-тивные	Офици-альные	Неофици-альные
Личное имя	+	+	+	+	+	+	+
Отчество	–	–	–	–	–	+	–
Фамилия	–	–	–	–	–	+	–/+
Прозвище	+	+	+	+	+	–	+
Псевдоним	–	–	+	+	+	+	–

Наличие признака отмечается знаком «+», отсутствие — знаком «–»

Таким образом, в плане лексико-семантической характеристики единицы бурятского антропонимикона имеют ряд параметров, указывающих на их общие и отличительные черты. Причем данные таблицы свидетельствуют о правомерности выделения каждой из антропонимических единиц в определенную категорию, поскольку

мы не находим абсолютного совпадения качеств любой пары существующей разновидности бурятского антропонимикона.

Анализируя антропонимы в лексико-семантическом плане, следует заметить, что единицы бурятского антропонимикона подразделяются на две группы, исходя из первичности или вторичности номинации денотата. К первичным мы относим личное имя, отчество, фамилию; ко вторичным — псевдоним, кличку (партийную), прозвище.

Объединяющим эти антропонимические единицы является то, что любой из этих онимов представляет имя человека (или группы людей). Группа первичных наименований обязательна для любого человека — жителя Российской Федерации, вторичные же наименования человека носят необязательный характер [Подольская, 1978, с. 30–31]. Кроме того, наличие одного из них вовсе не обуславливает присутствие другого, то есть если человек имеет псевдоним, то это не значит, что он должен быть наделен еще и прозвищем или кличкой. Однако при исследовании сущности онимических единиц в группе вторичных наименований человека обнаруживаются различия между ними в выражении официальности и неофициальности, в степени мотивированности и по сфере употребления. Так, например, официальными являются псевдонимы Мунко Саридак, Солбонэ Туя, в какой-то степени официальные и партийные клички.

Понятие «псевдоним» включает в себя не только юридически закрепленные имена, отчества и фамилии, но и мену таковых наиболее удобными для повседневного общения [Суперанская, 1969, с. 38]. Например, жительница улуса Куйта Аларского района Иркутской области Манифеста Лупсановна Бадрянова в быту именуется Марией, а житель этого же улуса Гоголь Гармаевич Иванов — Григорием. В приведенных примерах в первом случае замена вызвана удобством в произношении, во втором необычность имени вызвала его замену на более приемлемое, привычное. Сравним далее: Анна Адольфовна — Анна Андреевна, Елена Фердинандовна — Елена Федоровна [Суперанская, 1969, с. 39]. Такого рода замены имен, отчеств не обладают статусом официальности.

В плане мотивированности исключение могут составить лишь партийные клички, которые в большинстве случаев даются безотносительно к качествам денотата. Совокупность фактов, лежащих в

основе мотивировок собственных имен, едина для всего человечества [Суперанская, 1975, с. 245].

Для псевдонимов определяющими факторами мотивации выступает социальная, интеллектуальная, национальная и территориальная характеристика лиц. Ср., например, псевдонимы писателей: Д. Н. Мамина — Мамин-Сибиряк; А. М. Пешкова — Максим Горький; артистов: А. А. Пожарова — А. А. Остужев, В. Р. Пикок — Павлинов (от англ. реасоск «павлин») и т. д.

Для прозвищ основой мотивации, помимо названных, могут быть, как отмечалось выше, причины физического, психического, морального характера. В целом же мотивация онимов носит экстралингвистический характер.

Функционально единицы вторичных антропонимов разграничиваются на антропонимы, служащие в качестве обращения к денотату, и антропонимы, не использующиеся как обращение. Наблюдения показывают, что в качестве обращения используются все они-мические единицы рассматриваемого круга антропонимов, за исключением прозвищ. Правда, сфера функционирования псевдонимов и кличек в качестве обращения в социальном плане разная, неодинакова и сфера их употребления. Если псевдонимы могут быть известны широкому кругу общественности, то этого нельзя сказать о кличках, которые чаще отмечаются в узком кругу людей.

С точки зрения официальности и неофициальности псевдонимы, а иногда и клички партийные, обнаруживают общие признаки, чего нельзя сказать о прозвищах и кличках уголовных.

Соотношения единиц в группе вторичных антропонимов можно зафиксировать в таблице.

Таблица 6

Вид антропонима	Признаки			
	вторичность образования	официальность	мотивированность	функция обращения
Прозвище (Малаан)	+	–	+	–
Псевдоним (Абгай Тургэн)	+	+	+	+
Кличка партийная	+	+	–	+
Кличка уголовная		–	+	+

Таблица показывает, что вторичные именованя человека имеют много общего между собой и вместе с тем среди них нет ни одной пары именованя, где бы характеристики совпадали полностью.

Для более полной характеристики бурятских антропонимов следует обратиться к анализу их структурно-словообразовательной части.

3.1.3 Структурно-словообразовательная характеристика

В плане структурно-словообразовательной характеристики представляется возможным распределение антропонимических единиц с точки зрения их компонентности и способов образования.

Словообразовательная характеристика имен собственных вообще и антропонимов в частности определяется самим актом номинации и зависит от семантики слова или словосочетания, используемых в качестве онимических основ.

В лингвистике номинации понимаются не только как процесс, но и как единицы языка, как результат процесса. Существование в бурятском антропонимиконе одно- и многокомпонентных образований объясняется свойством языковых знаков выражать обобщающее и индивидуализирующее понятие. Известно, что и акт номинации может носить обобщающий и индивидуализирующий характер [Чедиа, 1979, с. 145]. Остановимся на описании этого свойства чуть подробнее.

Индивидуализирующие знаки (имена собственные) имеют строгую предметную направленность, поэтому они, как правило, являются субстантивами. Статус имени, его место в языке, определяется в процессе функционирования в речи.

Имена собственные, в отличие от нарицательных, лишены лексической структуры, поэтому в них «материальная сторона... словесного знака (его звучание или акустическим образ) приобретает большую значимость, чем это имеет место в именах нарицательных» [Уфимцева, 1974, с. 159].

Обобщающие знаки (нарицательные имена) выражают понятие, в то время как индивидуализирующие понятий не обозначают. Обобщающие знаки имеют денотативную, понятийную и коннотативную направленность, иначе говоря, такой знак или обозначает предмет, или выражает основное понятие, на которое наслаиваются коннотации.

В информационном плане индивидуализирующие знаки оказываются гораздо богаче обобщающих [Чедиа, 1979, с. 148]. Насы-

шенность информации о том или ином объекте, обозначаемом именем собственным, в каждом конкретном случае зависит от знания этой информации. Однако такое знание — это явление не лингвистическое, а социально-культурное.

Таким образом, индивидуализирующие знаки (имена собственные) тесно связаны с тем предметом, который они называют, и не могут существовать без конкретного референта. Они не имеют понятийной и коннотативной направленности, а следовательно, не имеют и значения как совокупность понятийных и коннотативных элементов.

В отличие от обобщающих знаков, имена собственные имеют референтную и информационную направленность, то есть они называют объект со всей суммой информации о нем. Точкой соприкосновения сообщаемых и индивидуализирующих знаков является денотативная направленность первых и референтная направленность вторых. Под денотативной направленностью нами понимается направленность знака на предмет мысли, вытекающей из обобщения класса предметов или явлений действительности.

Референтная направленность — это направленность непосредственно на предмет или явление действительности. Номинации могут быть связаны с денотативной и референтной направленностью знака. Номинация в первом случае влечет за собой появление обобщающего знака, во втором случае — индивидуализирующего знака

ЗНАК: ПРЕДМЕТ: ПОНЯТИЕ, где знак (слово), обозначая и обобщая предмет, выражает содержание понятия как абстрагированного определения объекта, может возникнуть усеченный вариант соотношения — **ЗНАК: ПОНЯТИЕ**. При таком соотношении у знака отсутствует как референтная, так и денотативная направленность.

Знак функционирует в пределах понятийной направленности. К таким знакам относятся в апеллятивной лексике имена абстрактные, типа *связь, отношение, развитие, любовь, смерть* и др., а также терминологические знаки [Чедиа, 1979, с. 150].

Процессная направленность номинации связана с существованием в объективной реальности различных процессов, под которыми следует понимать любое движение или состояние. Процесс номинации может иметь реально-процессную и абстрактно-процессную

направленность. В первом случае языковой знак имеет денотативную направленность, во втором — понятийную.

Возможны дефектные номинации (по терминологии Е. Курилович, «недостаточные структуры»), которые лишены непосредственной соотнесенности с фактами реальной действительности. К таким номинациям относятся прономинальные, эмоциональные и оноματοпоэтические. Дефектность этих номинаций определяется отсутствием в них предметной, атрибутивной, процессной или квантитативной направленности (прономинальная номинация: *этот, он, такой* и др.; эмоциональная: *ах, ох, ой, ну, брысь* и др.; оноματοпоэтическая; *мяу, ха-ха, бац* и др.).

Направленность номинации (недефектной) и направленность языкового знака имеют различные параметры (характеристики). Номинация имеет предметную, процессную, атрибутивную и квантитативную направленность, а языковой знак референтную, денотативную и понятийную направленность. Однако эти характеристики пересекаются и взаимообуславливают друг друга.

Слово и словосочетание — это номинативные единицы, отличающиеся друг от друга как в плане выражения, так и в плане содержания. Слово — интегральная номинативная единица, являющаяся минимальным, грамматически оформленным отрезком речи, несущим семантическую нагрузку. Слово обладает явными парадигматическими свойствами.

Словосочетание — это дискретная номинативная единица, интегрантами которой являются слова. Словосочетание в плане выражения обладает явными синтагматическими свойствами. В плане содержания слово и словосочетание представляют собой единицы, выражающие понятия [Виноградов, 1950, с. 42].

Основное различие интегральных и дискретных знаков в плане выражения заключается в их цельнооформленности и раздельнооформленности, которые оказываются в прямой связи с цельностью и расчлененностью номинации. В плане направленности номинации различие между ними заключается в том, что направленность цельной номинации четырехсторонняя: предметная, процессная, атрибутивная и квантитативная, в то время как направленность расчлененной номинации в основном двусторонняя: предметная и процессная.

Имена собственные с сугубо денотативным значением не имеют смысловой структуры и в силу этого ограничиваются сферой номи-

нативно-классификационной деятельности языка, представляя собой своеобразную номенклатуру единичных имен или единообразных предметов реального мира.

«Граница, отделяющая имена существительные нарицательные от собственных, конечно, не абсолютна. Большинство собственных имен произошло из нарицательных слов, раньше указывавших на какой-то признак (содержание)» [Булаховский, 1953, с. 102–103]. Общеизвестен тот факт, что значительное количество нарицательных имен происходит в результате «лексикализации», то есть в результате процесса вторичного переименования имен собственных в нарицательные.

Следует отметить, что денотативная способность у имен собственных ограничена до предела. Наряду с денотативной функцией индивидуализации именам собственным свойственна прагматическая функция, которая выявляется в том, что идентифицирующие знаки, как и характеризующие, используются в языке как средство выражения эмоционально-оценочных значений.

«Самый способ называния по имени, или по имени и отчеству, или по фамилии, — писал Д. Н. Шмелев, — определенным образом отражает и взаимоотношение лиц, и общественное положение называемого» [Шмелев, 1964, с. 141].

На данном этапе своего развития буряты имеют трехчленную систему официального именования. В работах предшественников Н. Б. Алдаровой, И. Д. Бураева, А. Г. Митрошкиной, Ц. Б. Цыдендамбаева, Л. Д. Шагдарова и др. дано более или менее полное описание единиц бурятского антропонимикона в плане их структурной организации и особенностей функционирования тех или иных словообразовательных моделей.

Исследователи бурятского антропонимикона едины во мнении о том, что в структурном плане каждая разновидность антропонимов характеризуется наличием как однокомпонентной модели, так и модели двухкомпонентной, реже тот или иной антропоним имеет многокомпонентную модель, включающую более двух компонентов.

В плане словообразовательном бурятские антропонимы характеризуются двумя способами образования: дефиниционным (безаффиксным) и корреляционным (суффиксальным). Заметим, что наличие в бурятском языке послелогов предполагает онимические образования на основе постпозиции.

Образованию личных имен, фамилий и отчеств бурят посвящен ряд исследований, на основе которых стали известны и типовые модели антропонимов бурят (см.: Митрошкина, Алдарова, Бураев и др.).

Учитывая то, что прозвища как разновидность антропонима обладают всеми свойствами данных языковых единиц и имеют ярко выраженную специфику на уровне ономастическом, полагаем возможным проиллюстрировать на их примере структурно-словообразовательную характеристику антропонимов.

А. Структурная характеристика. В структурном отношении бурятские прозвища представляют собой одно- и двухкомпонентные образования. К однокомпонентным относятся прозвища, состоящие из одного слова, к двухкомпонентным — прозвища-словосочетания. Прозвища более сложной конструкции — предложения — встречаются крайне редко. Вероятно, это следует объяснить тем, что прозвища осознаются «как нерасчлененная характеристика» денотата.

Однокомпонентные имена-прозвища подразделяются на образования отапельлятивного и омонимического характера. В качестве антропоосновы отапельлятивных однокомпонентных прозвищ могут выступать, как уже было отмечено, имена существительные, прилагательные, числительные, наречия, а также отглагольные образования.

В отношении же личных имен отмечаются образования отапельлятивного характера [Митрошкина, 1987, с. 77–101]. Отонимические однокомпонентные прозвища представляют собой различные формы личных имен, фамилий, реже отчеств в качестве антропоосновы.

С точки зрения семантики подобные (отонимические) прозвища представляют разряд семантически немаркированных прозвищ. В случае когда в качестве прозвищ выступают точные имена, отчества и фамилии индивидуумов, а не прозываемое, или топонимы, то есть речь идет о прозвищах отэпонимических и оттопонимических, тогда эти прозвища следует отнести к семантически маркированным.

Двухкомпонентные прозвища образуют следующие модели: апеллятив + оним, оним + апеллятив и апеллятив + апеллятив (Дохолон Доржо досл. 'хромой Доржо' от *дохолон* 'хромой' + личное имя прозываемого; Дари хугшэн досл. 'Дари-старушка'. Прозвище дано девочке из-за несвойственной детскому возрасту рассудитель-

ности; Балхаабша Бэгзээн досл. 'пухлый горбун' от *балхайха* 'опухать, расплываться; раздуваться' + *бэгзэгэр* 'сутулый, сгорбившийся; горбатый').

Прозвища-предложения в основном фиксируют характерные выражения и речевые ошибки денотата, и в целом, как правило, они составляют образования на русской языковой основе. То есть в случаях, где денотат владеет русским языком недостаточно хорошо, там и обнаруживаются всевозможные речевые ошибки, что и используется номинаторами в качестве основы прозвищных именованных индивидуумов.

Таким образом, характеристика бурятских прозвищ с точки зрения их структуры свидетельствует о разнообразии структурной организации изучаемых антропонимов. Структура же других разновидностей антропонимов аналогична описанному нами: и в личных именах, и в фамилиях, и даже в псевдонимах мы наблюдаем наличие однокомпонентной и многокомпонентной (двух и редко более) моделей.

Б. Словообразовательная характеристика. Каждое слово заставляет нас вдуматься в то, что кроется за ним, в то, как выражается в языке человеческая мысль [Щерба, 1947, с. 43]. «Производное слово предстает как концентрированное выражение человеческой мысли, сообщающее гораздо больше, чем обнаруживается при его поверхностном восприятии» [Ахманова, Краснова, 1976, с. 36], Поэтому важным аспектом изучения любого онима является словообразовательный анализ.

Исследование бурятских антропонимов в плане словообразовательном свидетельствует об использовании морфологического и неморфологического способов образования. В числе морфологического способа образования следует выделить следующие разновидности: суффиксация, усечение, аббревиация, способ сложения основ. Наиболее продуктивным является суффиксальный способ образования как один из способов аффиксации.

Продуктивность суффиксального способа образования антропонимов объясняется тем, что данный способ — один из главных источников пополнения словарного состава бурятского языка вообще. К примеру, в работе У.-Ж. Ш. Дондукова [1964, с. 9–43], посвященной проблеме аффиксального словообразования частей речи в бурятском языке, встречаем описание 133 суффиксов, используемых

для образования имен существительных, 67 суффиксов, образующих имена прилагательные.

В лексике же онимической наблюдается аналогичная картина. А. Г. Митрошкина дает описание свыше ста формантов, используемых для образования антропонимов, ею же выделяются около двадцати наиболее частотных составных (сложных) формантов. Наши наблюдения подтверждают вывод А. Г. Митрошкиной о том, что форманты, образующие личные имена, по происхождению вторичны по отношению к обычным: они находятся между собой в онимических отношениях точно так же, как апеллятивы и соответствующие антропонимы [1987, с. 102].

Способы усечения и аббревиации используются для образования прозвищ (Шой от личного имени Шойжамсо; ДТ-54 от личного имени и фамилии прозываемой — Дадуева Тая и года рождения денотата — 1954, вероятно, по ассоциации с маркой трактора).

Неморфологический способ образования представлен двумя разновидностями: способ онимизации и способ трансонимизации. Онимизация основана на переходе имен нарицательных в разряд имен собственных, а трансонимизация охватывает процесс перехода одной разновидности антропонима в другой (Абаахай досл. 'паук'; Бадма — антропоним, выступающий обычно в качестве личного имени, использован как прозвищное имя от отчества Бадмаевич).

Антропонимы, образованные трансонимизационным способом, основаны на всевозможных звуковых и смысловых ассоциациях. Возможно сделать вывод о том, что антропонимы, будучи явлением лингвистического характера, в процессе своего образования используют способы, свойственные другим лексическим единицам языка.

В целом структурно-словообразовательная характеристика бурятского антропонимикона демонстрирует наличие ряда типологических черт онимов вообще, свидетельство тому наличие одно- и многокомпонентных образований, а также использование суффиксального и безаффиксного способов образования. Сказанное отражим в нижеследующей таблице.

Сведения таблицы позволяют сделать вывод о том, что структурная характеристика антропонимического материала однотипна для разных видов антропонимов, исключение составляют отчества, среди которых не обнаруживаются многокомпонентные образования. Подобное свойство данного вида антропонимов вполне объяс-

нимо, поскольку отчества в бурятском антропонимиконе сравнительно недавнее явление, регламентируемое определенными языковыми нормами.

Таблица 7

Разновидность антропонима	Структурно-образовательная характеристика							
	Компонентность		Способ образования					
	Однокомпонентный	Многокомпонентный	Морфологический				Неморфологический	
			Суффиксальный	Усечение	Аббревиатурный	Сложение основ	Онимизация	Трансонимизация
Личное имя	+	+	+	+	+	+	+	+
Отчество	+	–	+	–	–	–	–	–
Фамилия	+	+	+	–	–	–	–	+
Прозвище	+	+	+	+	+	+	+	+
Псевдоним	+	+	+	+	+	+	+	+

Знак «+» означает наличие признака, знак «–» свидетельствует об отсутствии такового.

Отчества имеют отонимический характер образования (как правило, на основе личного имени отца индивида, как редкое исключение наблюдается образование отчеств на основе личного имени матери) и оформляются при помощи соответствующих антропонимических формантов, заимствованных из русского языка (см. об этом выше).

По способу же образования бурятские антропонимы достаточно разнообразны, но наибольшей продуктивностью отличается морфологический и, в частности, суффиксальный, который используется для образования всех разновидностей антропонимов. Способ сложения основ также весьма популярен в антропонимиконе бурят.

Неморфологический способ образования предполагает использование трансонимизации для большинства разновидностей антропонимов. Способ онимизации присутствует в образовании личных имен, прозвищ, псевдонимов.

Данные, приведенные в указанной таблице, свидетельствуют и о том, что в структурно-словообразовательном плане практически идентичны такие разновидности антропонимов, как личные имена, прозвища и псевдонимы. Вероятно, это объясняется тем, что названные антропонимические единицы имеют большую степень соотнесенности с денотатом в отличие от отчеств и фамилий: в пределах микросоциума, как, к примеру, семья, обладателем конкретного имени, прозвища, псевдонима является тот или иной индивид, а фамилия и отчество присутствуют в именовании уже несколько большего количества лиц.

На основании данных, зафиксированных в предложенной таблице, возможно заключить, что отчество как вид антропонима не отличается особым разнообразием в плане структурном и словообразовательном, в то время как личные имена, прозвища и псевдонимы в этом отношении допускают всевозможные вариации.

Вместе с тем заметим, что структурно-словообразовательная характеристика бурятских антропонимов по существу отражает типичные языковые свойства лексических единиц. Специфика же онимов проявляется в случаях, когда речь идет о трансонимизации.

Описание антропонимов как разновидности имен собственных позволяет утверждать, что внутри широкого класса онимов выделяются разряды со своими характерными особенностями, к числу таковых мы можем отнести и антропонимы. Следует сказать о том, что анализ антропонимов с точки зрения их лексико-семантического содержания и структурно-словообразовательной характеристики позволяет выявить типичные свойства антропонимических единиц как имен собственных, а также определить их специфические черты.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что антропонимы, как и все имена собственные, являются вторичными названиями. Вторичность — их главный признак.

Антропонимы обладают лексическим значением, которое (подобно значению апеллятива) складывается из трех типов отношений: денотативного, сигнификативного и структурного. Поскольку в антропонимах ослаблена связь с понятием, ведущими компонентами их семантики становятся структурные и денотативные отношения. Указанные типы отношений неодинаково проявляются в языке и речи. В языке значение антропонима абстрактно, в речи — максимально конкретно.

Антропонимы в совокупности своих официальных и неофициальных форм обладают способностью передавать тончайшие эмоционально-экспрессивные оттенки. При этом в качестве нейтрального именованного выступает не какая-то определенная форма имени, а любая (или почти любая) из его форм: доминанта в синонимическом ряду антропонимов подвижна, динамична.

Речь как процесс представляет собой «сложный комплекс философских, социологических, психологических, лингвистических и иных проблем» [Ножин, 1968, с. 69–70]. Исследование антропонимов как онимической единицы языка с точки зрения бытования их в речи «позволяет раскрыть не только то, из каких частей состоит целое, какие процессы происходят в нем, но и то, каким образом части образуют целое, по каким законам они связаны между собой, какое воздействие оказывает изменение одной части на изменение других частей и на систему в целом» [Логика научного исследования, 1965, с. 82].

Анализ антропонимов бурят показывает, что данные наименования не имеют ярко выраженной закрытой системности: «каждая система... имеет определенное устройство, организацию, упорядоченность» [Солнцев, 1971, с. 25].

3.2 Топонимы

Топонимические системы, как известно, создаются местным населением из его словоупотребления, они проверены и отработаны на местах, благодаря чему все в них бывает уравновешено, сбалансировано. Топонимии любой территории при всем их разнообразии оказываются тесно связанными друг с другом множеством порою незримых нитей, о которых мы узнаем лишь тогда, когда в результате переименования некоторых объектов становится неудобно пользоваться отдельными топонимами.

Это объясняется тем, что географические названия на каждой исторически и географически выделяемой территории образуют определенную систему. Как отмечает Э. М. Мурзаев, под топонимической системой следует понимать совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности [1963, с. 14].

Несколько иную формулировку топонимической системы дает А. В. Суперанская [1985, с. 108], считая, что топонимическая си-

стема — это территориально организованный набор топооснов, топоформантов, а также правил и способов их соединения друг с другом и специфика восприятия определенных топонимических образований.

Для каждой точки земного шара топонимическая система различна, поскольку границы отдельных территорий, где функционирует единая система, определяются однородностью и неоднородностью национального состава жителей, радиусом их контактов с соседями, их осведомленностью о наличии близлежащих топообъектов и т. д. Но каждая топонимическая система строго территориальна, что дает возможность говорить о топонимической системе отдельной деревни, определенного района, конкретной области.

Топонимические системы отдельных регионов отличаются друг от друга не только составом слагающих их компонентов, но и их соотношением. Системность географических названий складывается из самых разнообразных показателей: из характера слов, послуживших основами для топонимов, из структурных особенностей формантов и способов присоединения к основам, из количественных показателей.

Организующими моментами в топонимической системе являются инвентарь самих названий и его расположение относительно других слов языка, в котором они употребляются, а также территория, на которой это все происходит.

По мнению Ю. А. Карпенко [1962, с. 11–12], топонимическая система фиксирует три ряда различий:

1. Отличие топонимов от нетопонимов.
2. Отличие топонимов одного класса от топонимов другого класса.
3. Отличие отдельных топонимов друг от друга.

В то же время, указывает А. В. Суперанская [1985, с. 109], система объединяет и сближает названия, образованные в разное время, на разных языках, если они оказались на одной территории. Топонимическая система служит важной движущей силой в перестройке отдельных топонимов, подчиняя их общим закономерностям, наблюдающимся на одной территории, придавая им сходство друг с другом и в то же время способствуя их дифференцированности.

Как свидетельствуют исследования последних лет, в составе топонимов любой территории могут быть обнаружены:

- 1) наиболее массово представленные именные типы, являющиеся образцами для прочих имен этих же групп;
- 2) относительно недавно заимствованные имена, для которых понятие нормы и системы еще не вполне установилось и в употреблении которых наблюдаются колебания;
- 3) имена устаревшие, бывшие продуктивными несколько столетий назад,
- 4) имена одиночные, не находящие себе подобных.

Последние, как отмечают исследователи, особенно подвержены различным перестройкам.

Основу топонимической системы составляют наиболее продуктивные типы, по сходству или контрасту с которыми перестраиваются все прочие. На любой территории в каждый момент может быть выделено множество различных топооснов и словообразовательных средств, но активно участвуют в создании новых названий и способствуют спаянности уже существующих лишь несколько.

Каждое название входит не только в топонимическую систему данной территории, но и в топонимическую схему определенного языка. Именно через топонимическую языковую схему топонимы заимствуются из одного языка в другой, переходя в аналогичную топонимическую схему другого языка.

Топонимическая схема строится обычно на базе литературного языка, игнорируя его диалектные особенности, так же как и особенности отдельных топонимических систем местного употребления топонимов. Топонимическая схема, заметим, шире системы, так как она может включать словообразовательные типы, не представленные в отдельных местных топонимических системах, но вместе с тем она и уже, так как некоторые местные словообразовательные особенности, типичные для отдельных топонимических систем, в ней не обнаруживаются.

В целом топонимическая схема представляет собой некоторое внутреннее единство, способствующее включению топонимической лексики в лексическую систему языка.

Топонимическая лексика имеет ряд характерных отличий от слов общей лексики. К их числу возможно отнести следующие:

- 1) вторичность ономастических номинаций;
- 2) индивидуальность каждого акта номинации;
- 3) особо тесная связь имени с именуемым объектом;

4) отсутствие непосредственной связи смысловых компонентов имени с понятием (она осуществляется через понятие именуемого объекта: город, человек);

5) отсутствие связи смысловых компонентов имени со смысловой линией текста, в котором она употребляется;

6) повышенная связь имени с культурно-историческим фоном, на котором оно возникло.

Вместе с тем какими бы различными путями ни создавались географические названия, в них всегда может быть отмечен ряд общих, универсальных черт, которые основаны на общих свойствах человеческого мышления — отбирать и закреплять в собственных именах типовые явления окружающей действительности, а также и на том, что в каждом языке (но по-своему) представлены одни и те же значения и отношения, отражающие картину реальной действительности.

Эти общие универсальные явления позволяют глубже и точнее познать закономерности развития не только того или иного языка, но и языка как такового. Очевидно, не случайно изучение топонимии относят к числу актуальных проблем гуманитарных исследований. Не составляет исключения в этом отношении и бурятское языкознание, в активе которого ряд трудов, включающий и монографические исследования. Несмотря на заметные достижения в этой области бурятской ономастики, полагаем необходимым обратить внимание на ряд неотложных задач топонимики, решение которых будет способствовать развитию теории и практики ономастических исследований.

Итак, остановимся на анализе особенностей функционирования географических названий в бурятском языке, их закономерностях как языковых единиц и особенностях как единиц онимических.

3.2.1 Диалектная лексика в составе бурятской топонимии

Топонимы относятся к основным ономастическим единицам в силу своего территориально-временного характера, способности отражать этногенетические и миграционные процессы. Учет специфики названных лексических единиц позволяет определить и диалектные особенности языка.

Изучение бурятской топонимии представляет собой на данном этапе выборочные исследования некоторых групп названий (ойконимы, гидронимы, микропонимы), отдельных этимологий (см. перечень публикаций в соответствующих разделах ономастических

сборников, изданных в Улан-Удэ в 1976, 1981, 1987, 1990 гг.). В настоящее время установлено наличие стратиграфических пластов топонимии Бурятии [Мельхеев, 1969, Цыдендамбаев, 1981; Шулунова, 1985; и др.].

Однако пока еще нельзя говорить о систематическом изучении бурятской топонимии. Настоятельная необходимость изучения бурятской топонимии ставит, прежде всего, задачу сбора фактического материала. Успешное решение этой задачи немыслимо без применения метода картографического исследования, который включает не только привлечение уже готовых общегеографических карт, но и создание новых карт — топонимических.

Состояние изученности бурятской топонимии требует составления в первую очередь карт аналитического типа, в которых будет отражено распространение конкретных топонимических явлений, различных топонимов и их элементов на определенной местности. Принципы составления подобных карт основываются на лингвистических и экстралингвистических данных.

Учитывая характер расселения бурят, диалектную раздробленность языка, при картографировании бурятских топонимов желательно руководствоваться следующими принципами:

1. Установление пространственных границ должно основываться на ареальном методе исследования, поскольку зона распространения бурятской топонимии не может быть ограничена ни по административному, ни по физико-географическому признакам.

2. С целью большей доступности материала для широкого круга читателей передачу названий на картах осуществлять на русском языке, опираясь на положения существующей «Инструкции по передаче бурятских географических названий на русский язык» [Раднаев, 1965, с. 256–257]. При этом следует фиксировать и местный географический термин как структурный элемент названия, приравнивая его к общепринятому термину.

3. Содержание топонимических карт должно включать такие характеристики, как: а) словообразовательные модели (структурные чипы); б) грамматические признаки (формы именной части названия); в) семантика названий (лексико-семантические группы).

Такая работа предполагает фиксацию топонимов с учетом диалектной раздробленности бурятского языка, то есть происходит установление пространственных границ при составлении топонимических карт.

мических карт, которое должно основываться на ареальном методе исследования.

Источником образования топонимов, как правило, является апеллятивная лексика. При этом большинство топонимов (микротопонимов) образуется в говорах и косвенно связано с литературным языком. Однако такой разряд топонимов, как ойконимы, возникает в большинстве своем согласно нормам литературного языка.

Любое топонимическое исследование предполагает анализ географической апеллятивной лексики, которая, по словам Н. И. Толстого, «является одним из основных резервуаров для топонимики, прежде всего микротопонимики, и часто на конкретной территории в конкретных диалектах занимает промежуточное положение между ономастической в широком смысле этого слова и номинативной (нарицательной) сферами языка» [1966, с. 17].

Анализ бурятской топонимии свидетельствует, что явление диалектизм обнаруживается в основном в географических терминах и топонимах, происхождение которых связано с терминами географии. Для выявления диалектного слоя лексики в составе бурятской топонимии обратимся к географическим апеллиативам.

Изучению географических апеллиативов уделяется большое внимание. Исследователями отмечено, что на формирование географической терминологии оказывает влияние и сама конкретная географическая среда, следовательно, территориальная характеристика топонимов также имеет значение при анализе топонимии конкретного региона. Известный топонимист-географ Э. М. Мурзаев указывал, что «географические условия, природная среда, специфика материальной культуры, направление хозяйства порождают географическую терминологию, ее детализацию и специализацию» [1974, с. 107].

Вопросам формирования географической терминологии в наречиях монгольских языков посвятил ряд своих исследований В. Э. Очир-Гаряев, который отмечает, что «широта употребления и детализация географическом терминологии наиболее ярко проявляются при анализе терминов конкретного ландшафта» [1983, с. 141].

Учет географической обусловленности особенно важен, поскольку она (географическая обусловленность) часто является причиной многочисленных семантических сдвигов [Мурзаев, 1967]. Например, географический термин *бута* в лит. яз. означает 'кочка',

в западных же диалектах бурятского языка этот термин употребляется в значении 'болото', ср.: лит.-бур. *намаг* 'болото; тряси́на, топь' и эх.-бул. н'улаг 'болотистое место' [Матхеев, 1968, с. 39].

Термин *хабсагай* в восточных диалектах бурятского языка имеет значение 'скала, утес, каменные гольцы', а в западных — 'предгорье, ущелье'. Слово *гурьба* в литературном языке определяется как 'борозда, ложбина', а в диалектах встречается в значении 'плоскогорье, возвышенное место'.

К явлениям семантического сдвига следует отнести и употребление географического термина *гол* в значениях 'река' и 'долина', например: *Дээдэ гол* букв. 'речка верхняя' и *Шара гол* букв. 'желтая долина'. Разность лексического значения мы наблюдаем и в таких терминах, как лит. *шэбэр* 'чаща, густой лес (с преобладанием ельника, лиственницы)', тунк. 'болотистое место', алар. 'болото', ср.: алар, *шэбэр шугы* 'болотистое место' и лит. *шуги* 'роща, бор, чаша'.

Такой термин, как *шэрэнги*, имеет значения: алар. 'сосняк, сосновый бор', бох. 'молодая сосна', эх.-бул. 'березовая ро́ща', лит. 'ро́ща, заросль тонких или низкорослых деревьев'. А термин *бэлиээри* можно передать на русский язык и как 'место слияния рек' и как 'пастбище'. В таких случаях обязательно выяснение бытования географического термина на определенной территории, употребления его у местного населения.

Таким образом, для облегчения этимологического анализа топонимов исследователю необходимо учесть явление смысловых сдвигов, кроме того, при составлении топонимических карт желательно отображать не только формы, но и содержание терминованных именованных, используя при этом всевозможные картографические средства.

Следует учитывать также бытование параллельных географических терминов, таких как *хада/уула* 'гора' и *боори* 'возвышенность, возвышенное место; подножие горы', *байса* 'скала, утес, гора'. Бытование названий типа *Боори хада*, *Байса хада* свидетельствует о том, что значение первого компонента названия дифференцируется, то есть буквальный перевод не будет означать 'гора', здесь очевидно употребление терминов *боори* и *байса* в ином значении. Обращает на себя внимание и употребление терминов *гол/уһан//мүрэн* в значении 'река' и *горхон* 'речка, ручеек'.

Интересно наблюдение Д. Г. Дамдинова за оронимией бассейна р. Онон, где им выявлены синонимичные апеллятивы с общим зна-

чением 'гора': *хада* (*Тарбагатайн хада* — букв. 'гора тарбаганья'); *уула* (*Баян уула* — букв. 'богатый горный край'); *толгой* (*Гол толгой* — букв. 'главная гора'); *үндэр* (*Обоной үндэр* — букв. 'высота обо', 'возвышенность обо'); *шэлэ* (*Хусатын шэлэ* — букв. 'березовый затылок, загривок'); *дабаа* (*Тарбальджин дабаа* — букв. 'горный перевал белоголового орла'); *улхан* (*Дээдэ улхан* — букв. 'верхняя одинокая гора') и др. [1976, с. 196–197].

Наряду с общеизвестными географическими терминами в составе бурятской топонимии функционируют термины локального значения, то есть бытующие в пределах определенного региона. Исследователем Ц. Б. Жамсарановой отмечены термины, которые зафиксированы на территории Агинского бурятского национального округа Читинской области: *оорсог* в значении 'отдельная невысокая гора' от тюрк. *ор* 'высокое место, возвышенность' + уменьшительный суффикс бурятского языка *-сог* (*-саг*, *-сэг*), при этом автор указывает на бытование омонима Оор-Уур в Качутском районе Иркутской области; термин *сарабша* со значением 'небольшая Г-образная, если посмотреть сверху, гора', автор обращает внимание на бытование в современном бурятском языке слова *сарабша* со значениями 'навес, козырек; абажур' [1976, 61].

Не менее важным представляется учет фонетических диалектных различий, поскольку при этимологическом анализе отдельно взятых топонимов необходимо выяснение исходных форм названий, которые должны соответствовать фонетическим законам языка.

Объяснение названия должно быть оправдано исторически, поэтому установление топонимических ареалов тех или иных терминов, думается, поможет при определении конкретных названий. Кроме того, топонимические ареалы способны отразить лингвистические особенности исследуемого региона. Отметим при этом способность топонимов столетиями удерживать исконные элементы, то есть, в отличие от апеллятивов, топонимы более консервативны, а потому представляют большой интерес при сравнительно-историческом изучении словесного состава диалектов бурятского языка.

К сожалению, отсутствие диалектологических и историко-этимологических словарей диалектов бурятского языка не позволяет провести системное исследование бурятской топонимии в аспекте бытования географической терминологии в диалектах бурятского языка. Однако имеющийся материал, собранный автором в полевых

условиях на территории Иркутской области, а также сведения, содержащиеся в ряде публикаций последних лет, свидетельствуют о том, что географическая терминология в бурятской топонимии имеет некоторую вариативность, основанную на диалектных различиях.

В частности, основные расхождения в звуковой системе географических терминов обусловлены позиционным употреблением фонем и историческими закономерностями различия звуковой стороны языка. В ряде географических терминов мы наблюдаем чередование гласных: *y//o* (*дубуун//добуун* 'бугор, возвышенность'), *a//u* (*мэшэн//мүшэн* 'звезда'), *o//э* (*шэнэһэ//шэнэһэн* 'лиственница'), *э//у* (*хэбишэ//хүбишэ* 'цепь гор, горный хребет'; *эшээһэн//үшөөһэн* 'талник'); чередование согласных: *j//ж* (*ја–лаг//жалга* 'лощина, ложбина; овраг, балка, лог, падь, ров'), *ш//ч* (*шулуун//чулуун* 'камень'), *h//c* (*һуури//суури* 'место').

Подобные чередования имеют место в нетерминированной части географических названий: *o//y//e* (*одигон//удаган//едогон* 'шаманка'), *j//ж//a* (*јргоон//жоргоон//зургаан* 'шесть'), *м//б* (*намтар//набтар* 'низкий'), *с//ц* (*сагаан//цагаан* 'белый'; *сахир//цакир* 'белесый, бледный'), *к//х* (*скука//хүхэ* 'синий'), *х//г* (*худжир//гуджур* 'солончак'), *б//в* (*дабаан//даваан* 'перевал'), *h//c* (*уһан//усан* 'вода').

Вариантность географической терминологии иногда связана с несоответствием палатализованных согласных: *p//p'* (*горхон//горьхон* 'речка'), *н//н'* (*нуга//н'ега* 'луг, займище, заливной луг, луговая низина').

Кроме того, в бурятских географических названиях отражены такие фонетические явления, как аффрикатизация: Джида (ср.: *зэд* 'медь'), *Худжир* (ср.: *хужир* 'солончак'), *Дзаха* (ср.: *заха* 'край, кончик').

Наш материал подтверждает вывод В. И. Рассадина о развитии аффрикат в традиционных бурятских говорах. В. И. Рассадин выделяет два массива, в которые входят «группа западных бурятских говоров, в которых в гораздо большем количестве слов представлены шипящий рефлекс ж (в аларском говоре) и среднеязычный шелевой j (в эхирит-булагатских говорах) как результат непосредственного развития шипящей аффрикаты *j, и группа восточных говоров, в которых во многих словах содержатся свистящие рефлексы этой аффрикаты, развившиеся здесь на месте свистящей аффрикаты дз» [1982, с. 168]. Ср.: *Жалга* (ойконимы, урочища в Аларском районе), *Ялга* (урочище в Эхирит-Булагатском районе),

Джилга (урочище в Агинском бурятском национальном округе); *Жоргоон* (ойконимы в Аларском районе), *Ергоон* (нетерминированная часть топонима в Эхирит-Булагатском районе), *Дзургаан* (определяющая часть названия населенного пункта *Дзургаан Дэвэ* в Селенгинском районе).

В целом можно заключить, что топонимический материал способен отразить изменения в системе вокализма и консонантизма.

Классификация географических терминов бурятского языка по числу выражаемых значений представляет собой совокупность моно- и полисемичных слов. Моносемичность топонимов вполне понятна и не подлежит сомнению [Глинских, 1982, с. 4], а полисемичность собственных имен вообще и топонимов в частности рядом исследователей отрицается. А. В. Суперанская считает, что «полисемия им принципиально не свойственна» [1973, с. 292], это же утверждает И. А. Воробьева, говоря, что «многозначных топонимов нет» [1977, с. 22].

Однако явление семантического сдвига, наблюдаемое в бурятской топонимии, позволяет говорить о проявлении полисемии в топонимии (употребление термина *гурьба* в значении 'плоскогорье, возвышенное место' и 'борозда, ложбина'; термина *бута* в значении 'болото' и 'кочка' и т. п.).

В зависимости от тождества или различия в значении и форме слов-топонимов можно говорить о синонимах (выражение значения 'гора' лексемами *хада*, *уула*, *боори*, *үндэр*, *шэлэ*, *толгой*, *болдог*; значения 'река' лексемами *гол*, *уһан*, *мүрэн* и т. д.).

К случаю проявления омонимии географических терминов можно отнести использование терминов для называния объектов разных классов, то есть терминированный гидроним *Хукэ нуур* используется в качестве ойконима, и мы имеем уже название населенного пункта *Кукунур Хукэ нуур*. В этом смысле мы разделяем мнение В. Д. Беленькой, которая считает омонимами в пределах той или иной топонимической системы любые одинаковые наименования разных объектов, в том числе топонимы, входящие в одно ономастическое поле [1969].

С точки зрения происхождения географические термины в бурятском языке в основном носят исконный характер, то есть они монголоязычны, ср.: бур. *уһа*, *уһан* 'вода' и монг. *ус*, *усан* в том же значении; бур. *гол*, *мүрэн*, *уһан* в значении 'река' и монг. *гол*, *мерен*, *ус* 'река'; бур. *шулуу*, *шулуун* 'камень' и монг. *чулуу*, *чулуун* 'камень'.

Вместе с тем следует отметить бытование терминологических параллелей: бур. *булат*, к.-монг. *булат*, эвенк. *болак*, якут. *былых*, тув. *булак* в значении 'источник, родник, ключ, ручей'; бур. *жалга//ялга*, х.-монг. *жалга*, эвенк. *долга*, тув. *джалга* 'овраг, балка, лог, ложбина'; бур. *арал//ольторог*, х.-монг. *арал*, эвенк. *арал*, якут. *арыы*, тув. *олтырых* 'остров'.

Однако большинство географических терминов, имеющих параллели в других языках, не воспринимаются бурятами как заимствованные. Здесь уместно вспомнить замечание Ф. П. Филина о том, что «элементы чужих языков после преодоления возникших в связи с вторжением пришельцев противоречий становятся органической частью воспринимающей системы и утрачивают свою чужеродность» (1980, 14–15).

Анализируя сферу употребления географических терминов, необходимо отметить, что диалектные различия бурятского языка оказывают существенное влияние на формирование топонимической системы. Здесь можно говорить об образовании диалектной топонимической системы, в которой собственно диалектный характер имеют только топонимы, называющие объекты, нарицательные обозначения которых в говоре отличаются от общенародных, то есть отличны от литературной формы.

Иными словами, к диалектным топонимам следует отнести такие топонимы, номенклатурный термин которых является территориально ограниченным (см. выше *оорсог* 'отдельная высокая гора').

Диалектная топонимическая система представляет собой совокупность географических названий, употребляемых носителями местных говоров и обозначающих реалии в пределах территории распространения того или иного диалекта [Глинских, 1982, с. 16–17].

Считаем нужным включить в диалектную топонимическую систему и географические термины, употребляемые носителями местных говоров в соответствии с диалектными особенностями языка. Очевидно, к числу так называемых литературных географических терминов и названий следует отнести топонимы, имеющие традицию употребления в литературном языке, написание и произношение которых регламентировано специальными справочниками и пособиями.

Здесь важно заметить, что следует различать топонимию литературную и общенародную, поскольку к общенародной топонимии

относится любое географическое название вне того, в устной или письменной форме оно употребляется, закреплено или не закреплено официально, широкому или узкому кругу носителей языка известно. В свою очередь, следует разграничивать топонимию диалектную и общенародную, так как в диалекте могут использоваться специфические слова и слова, общие для всех носителей языка.

Мы смогли убедиться в том, что монгольские языки обладают развитой географической терминологией. Во многих случаях, указывает В. Э. Очир-Гаряев, она чрезвычайно дифференцирована и детализирована [1975, с. 133], что в первую очередь относится к терминам орографии и гидрографии. Бурятские географические термины не составляют в этом отношении исключения.

Исследование диалектных свойств топонимов имеет большое значение при решении вопросов не только лингвистического характера, но и этнографического. На известную пользу регистрации топонимов, употребляемых в разговорном бурятском языке, указывал Ц. Б. Цыдендамбаев, обращая внимание исследователей на необходимость изучения собственно бурятских географических названий [1976, с. 10].

При обработке топонимического материала необходимо осуществлять исторический подход, который обусловлен связью имен собственных с историей общества, его экономической, политической и культурной жизнью. Исторический метод исследования топонимии предполагает широкое привлечение исторических, археологических и этнографических данных.

В зависимости от характера, количества и качества имеющегося материала можно использовать перспективный (от прошлого к настоящему) или ретроспективный подходы (от современностей к прошлому), отмечают ономасты [Бондалетов, 1983, с. 43].

Использование топонимических данных для определения древнего населения Прибайкалья и решения проблемы происхождения бурятского народа продемонстрировал Н. П. Егунов, который на основе лексических параллелей топонимов пришел к выводу о взаимодействии бурятских, самодийских и тунгусских племен [1934, с. 123–129].

В настоящее время идет довольно интенсивный процесс выравнивания диалектных различий и распространения общих черт в лексике говоров бурятского языка [Будаев, 1978, с. 69], в связи с чем особую ценность приобретает топонимический материал как источ-

ник изучения исторических изменений в бурятском языке. Хотя и влияние диалектных различий на топонимию, особенно микротопонимию, как указывает М. Н. Мельхеев, незначительно [1969, с. 65]. В основном влияние диалекта мы наблюдаем в терминированной части географических названий, то есть в географических терминах.

Описание географической терминологии в диалектах бурятского языка в сравнительно-сопоставительном плане позволит установить типы номинации географических объектов, семантические модели топонимов, кроме того, позволит сравнить топонимы с точки зрения словообразовательной структуры, грамматических показателей и т. д.

Образование топонимов путем словосложения, где в качестве конечного элемента обычно выступает географический термин (*Улаан хада* 'красная гора', *Тулуюе боори* 'возвышенность Тулюя', *Хара дабаан* 'черный перевал', *Зүүн мурэн* 'восточная река' (большая), *Хойго гол* 'северная река', *Халуун горхон* 'горячий ручей', *Алтай булаг* 'золотой ключ', *Галуута нуур* 'гусиное озеро'), определяет анализ топонимических совокупностей средствами структурно-грамматического метода, а именно обращение к методу географических терминов [Поспелов, 1970, с. 11]. Выбор названного метода обусловлен и степенью изученности бурятской системы топонимии.

Наиболее продуктивным представляется метод картографирования. Основным понятием картографического метода следует считать, пишет Е. М. Поспелов, понятие о топонимическом ареале как части земной поверхности, в пределах которой встречается то или иное топонимическое явление. С помощью ареалов могут исследоваться топонимические совокупности, объединяемые, в зависимости от целей исследования и имеющегося в распоряжении исследователя материала, по различным структурно-грамматическим, фонетическим или лексико-семантическим признакам [Поспелов, 1967, с. 80].

Таким образом, содержание топонимических карт должно включать такие характеристики, как а) словообразовательные модели (одно- и двухкомпонентные, причем независимо от характера собственно именной части названия следует фиксировать и местный географический термин как структурный элемент названия); б) грамматические признаки топонимов (формы и способы выражения именной части названия); в) семантика названий (лексико-семантические группы); г) фонетические особенности (необходимо

учитывать диалектные признаки лексем, не отдавая предпочтения общепринятым формам).

При анализе местных географических терминов можно наблюдать, что употребляющиеся в региональных диалектах обозначения различных видов ландшафта в массе своей относятся к терминам науки географии. В этом случае диалектная географическая терминология представляет собой номенклатуру географии, которая служит основой географических названий и может считаться частным географическим термином.

Отдельные географические номены легко заимствуются литературным языком, составляя в нем сектор специальной лексики. А. В. Суперанская отмечает, что народные географические номены, в зависимости от свойства системы, в которой они употребляются, могут выступать в различных функциях, обладая при этом различной ценностью [Суперанская, 1973, с. 31–32].

Наш материал свидетельствует, что в местных диалектах они выступают в качестве видовых апеллятивов, связанных с понятиями, используются как составные части собственных имен, осуществляющие их связь с понятиями, и могут выступать как собственные имена.

3.2.2 Типовые модели бурятских топонимов

Собственные имена как основы для производных слов занимают неодинаковое место в разных языковых системах, поскольку отдельные отношения в одних языках могут быть выражены с помощью словообразования, в других — аналитически. Вместе с тем определенные отношения онимов к действительности, требующие тех или иных языковых форм и конструкций, принадлежат к одной из межъязыковых универсалий.

Отонимические образования могут быть и собственными, и нарицательными именами. Апеллянты, образованные от имен собственных путем деривации, тесно связывают нарицательную и ономастическую лексику, заполняя собой тот семантический разрыв, который существует между наиболее типичными ономами и апеллятивами [Суперанская, 1969, с. 143].

Основные способы словообразования в апеллятивной лексике в настоящее время достаточно разработаны и подробно описаны, однако этого нельзя сказать о словообразовании в лексике онимической. Исследование бурятской топонимии позволяет выделить следующие способы образования топонимических названий: сополо-

жение, сложение, аффиксация, плюрализация. Рассматривая каждый из способов, отметим, что сюда мы включаем как отапельлятивные, так и отонимические образования.

Способом соположения образуется большинство топонимов. По характеру синтаксической связи между компонентами, а также с учетом части речи и лексемы первого компонента наш материал распределяется на несколько структурных типов.

1. Атрибутивный тип (характер связи — определение). Первым компонентом служит прилагательное, оба слова при соположении имеют форму номинатива. Например: *Малаан Хада* 'лысая гора', *Баян гол* 'богатая долина', *Сагаан нуур* 'белое озеро', *Ехэ Жалга* 'большая падь'.

Отсутствие краткой формы имен прилагательных в бурятском языке исключает существование таких моделей топонимов атрибутивного типа. Ср. в русском: а) краткое прилагательное + существительное в ед. ч. (Новгород, Белоозеро); б) краткое прилагательное во мн.ч. + существительное во мн. ч. (Добры горы); в) краткое прилагательное + основа существительного + основа существительного + суффикс +- флексия ед.ч. (Нов-город-к-а, Свят-озер-ск-(ь) и др. [Подольская, 1983, с. 10].

К атрибутивному типу топонимов следует отнести образования модели: имя существительное в генитиве + имя существительное в им. пад. Например: *Алаахайн Нуур* 'озеро Алахая'; *Байсын-Быр* от *Байсын Үбэр* 'южный склон горы'; *Бүхэлхэни Эжэн* 'хозяин горы Бүхэлхэн'; *Марсиин Нуга* 'луг Марсия'; *Сампилай Дабаан* 'перевал Сампила'; *Халхарай Бууса* 'стоянка Халхарая'.

Как правило, эту модель представляют названия, в которых первая часть — отантропонимическое образование, а вторая — терминированное. Следует отметить, что в нашем материале отсутствуют географические названия с генитивом множественного числа.

2. Аппозитивный тип (характер связи — приложение). Оба компонента — существительные, имеющие номинативную форму. Например, *Адуун-Чулуун* 'табун-камень', *Газар-Аман* 'земля-рот', *Нүхэн-Дабаан* досл. 'яма-перевал', *Нүхэн-Нуур* досл. 'яма-озеро', *Тэмээн-Шулуун* 'верблюды-камень', *Хамар-Дабаан* 'нос-перевал', *Хаан-Уула* 'царь-гора'.

Значительно реже встречаются названия, в которых первый компонент используется в форме совместного падежа: *Дабастай*

Нур — от *Дабһатай Нуур* 'озеро с солью', *Түмэртэ Хада* — от *түмэртэй хада* 'гора с железом'.

Очевидно, совместный падеж употребляется в первой части наименования в тех случаях, когда объект содержит в себе то качество, обладает тем веществом, на которое указывает первый компонент. Вместе с тем наблюдается тенденция употребления подобных названий с опущением второго, терминированного, компонента, но в пределах определенного радиуса (в масштабах улуса несколько соседних деревень). Это, вероятно, следует объяснить тем, что жители конкретной местности могут понять то, о чем идет речь, и без термина, то есть местные жители могут сказать «Дабастай» и собеседник поймет, что имеется в виду озеро.

Следует обратить внимание на употребление суфф. -тай (-той, -тай) в составных географических названиях в качестве словообразовательного элемента, когда на первый план выступает не указание на совместность, соучастие в действии, а выражение принадлежности чего-либо предмету, в данном случае географическому объекту.

Правильно отмечает С. Л. Чареков, что «подобного рода словоформы можно считать исходной группой, в которой суффикс -тай обладает узкоконкретным значением обладания чем-либо, наличия чего-либо, а сами словоформы вряд ли можно трактовать как прилагательные» [1984, с. 125–126]. Поэтому правомерно рассматривать подобные наименования в группе топонимов аппозитивного типа, а не атрибутивного.

Возможно, что бытующие ныне ойконимы с финалью -тай (-той, -тэй), многочисленность которых на территории Бурятии отмечена О. Т. Молчановой [1973, 83], первоначально имели двухкомпонентную структуру, в которой с течением времени выпал второй компонент. Например: Нуртай, Тарбагатай, Турунтай и т. д. могли иметь в прошлом второй компонент *газар* 'земля'.

Как видим, термин выпадает в тех случаях, когда первый компонент названия указывает на естественный признак объекта. Это свойство географических названий было отмечено Ц. Б. Жамсарановой и для отантропонимических топонимов [1976, с. 62]. Примечательно, что в данном типе топонимов отсутствуют наименования, образованные при помощи трансонимизации.

3. Нумеративный тип (характер связи — подчинение). Первый компонент — количественное числительное, второй — существительное в номинативе: *Долоон-Модон* досл. 'семь деревьев', *Долоон-*

Нархан досл. 'семь сосен', *Зургаан-Дэбэ* досл. 'шесть холмов', *Зуун-Модон* досл. 'сто верст'.

Любопытно, что, в то время как в русском языке данный тип представлен несколькими моделями (числительное + существительное в род. п.: д. Три Реки, р. Два Колодца; числительное + существительное + суффикс + флексия: Требесова — 'три беса'; основа числительного + соединит. гласн. е + существительное в им. пад. мн. ч. Пят-и-хат-к-и — 'пять хаток'), в бурятской топонимии бытует лишь одна — описанная выше.

Заметим, что порядок расположения компонентов в составных названиях четко определен: терминированная стержневая часть, как правило, употребляется в постпозиции, зависимый же член именованья — словосочетания предшествует ему.

4. На уровне микротопонимии встречаются названия, в которых используются послеложные конструкции: *Нимбу Урда* досл. 'впереди Нимбу'; *Нугайн Саана* досл. 'за лугом'; *Обогоновой хажууда* досл. 'рядом с Обогиновыми'; *Ошкоолой хойно* досл. 'за школой', ср. славянские топонимы: д. Болото у погоста, с. Валугша у моря, Лог в косицах [Подольская, 1983, с. 15].

Способ сложения основ не имеет большого распространения в бурятской топонимии. Как правило, это образования от именных основ, в которых первый компонент атрибутив, второй — субстантив, представленный географическим термином. Например, название речки Карасун от *кара хара* 'черный' + *усан ухан* 'вода' в значении 'река'; название улуса Кукунур от *кукэ хукэ* 'синий' + *нуур* 'озеро'.

Модель «имя существительное + имя существительное» встречается редко: улус Кербулак от *кер хэр хээрэ* 'степь, поле' + *булак, булаг* 'ключ, родник'. Заметим, что способ сложения основ используется в основном при образовании оттопонимических названий. Чаще всего это ойконимы, производные основы которых представляют гидронимы (названия рек, озер, родников, словом, водных объектов), оронимы (названия элементов рельефа земной поверхности), дримонимы (названия лесных участков), микротопонимы.

В ономастической литературе топонимы, образованные способом сложения основ, называют *композиатами*. Синтаксический, морфологический и семантический аспекты теории сложного слова разработаны в основном для апеллятивной лексики. Наблюдения же над топонимическими композиатами доказывают, что в области ономастики эти образования имеют специфику. В частности, наш

материал подтверждает вывод Н. В. Подольской [1983, с. 17] о том, что ономастические композиты — это, прежде всего, именные композиты. Важный признак композита в именах собственных — значение целого не равно сумме значений частей.

Если компоненты сложных названий рассматривать как значимые, семантика их прозрачна. Десемантизация происходит не в момент образования топонима и не в момент онимизации апеллятива, а в процессе употребления как следствие этой онимизации, как воздействие системы имен [Суперанская, 1969, с. 102].

Аффиксальное топообразование отмечалось как нетипичное для бурятской топонимии [Шулунова, 1984, с. 124]. В основном это микротопонимы, образованные при помощи суффикса -та (-то, -тэ): Арангата — бурятское название города Черемхово в Иркутской области от *аранга* 'помост, навес; подмостки; вышка, помост'; Бэшэгтэ — название горы в Боханском районе Иркутской области от *бэшэг* 'письмо, письменность; запись'; Дарсяга от *дарса* 'густой, труднопроходимый лес, нагроможденный валежником и порослью' [Мельхеев, 1969, с. 124]; Сахюрта от *сахюур* 'кремень'; Улзэтэ от усг. *улзы* 'счастье' — так называли раньше наиболее благодатные места для пастбищ, сейчас сохранилось это название как ойконим; Хүдэртэ от *хүлэр* 'бронза'.

Наличие топонимов с суффиксами -ууд (-ууд), гууд (-гууд), -нууд (-нууд), -тан (-тон, -тэн): Алагуйтан, Наймангут, Харануд, Шарануд и т. п. — не означает, что данные именованья образовались при посредстве названных суффиксов, поскольку здесь имеет место трансонимизация.

Приведенные примеры представляют собой антропонимические ойконимы, в которых исходная основа — собирательные названия бурятских родов, то есть выделяемые суффиксы входят в антропоним, а потому не могут считаться топоформантами.

Говоря о плюрализации как способе образования топонимов, следует иметь в виду, что любое собственное имя, в том числе топоним, по природе своей единично, так как называет единственный в своем роде объект. Однако нельзя причислять топоним, имеющий форму ед. ч., к категории, поскольку одноименность многих географических объектов заставляет употреблять их в форме мн. ч.

Форму только ед. ч. могут иметь существительные лишь с определенным значением: собирательным отвлеченным или вещественным, то есть именно те категории, которые крайне редко онимизи-

руются, к тому же единичность, индивидуализированность имени собственного относятся к его экстралингвистической стороне, к объекту, который оно именуется, а не к его языковой форме. Поэтому вопрос о категории *singularia tantum* в топонимии, да и в онимии вообще, снимается [Подольская, 1983, с. 95–96].

Понятие *pluralia tantum* исключает возможность употребления данного слова или данного топонима в ед. ч. Тип *pluralia tantum* довольно широко представлен в топонимии. При этом плюраль может быть самым разнообразным:

1) названия горных массивов, в которых подразумевается множество горных цепей: Альпы, Анды, Апеннины, Аппалачи, Балканы, Гималаи. Жигули, Карпаты, Кордильеры, Пиренеи, Татры;

2) перенесение этих названий на ойконимы создает новый плюраль: поселок Балканы (Челяб. обл.);

3) некоторые иностранные названия, имеющие в исходных языках форму мн.ч. и сохраняющие ее в русской передаче: Афины, Фивы;

4) многочисленна группа топонимов, образованных от прозвищ жителей (по прозвищу родоначальника, по месту жительства): Братушаны, Бережаны и т. д. [Суперанская, 1969, с. 114].

Единичными образованиями представлены топонимы в бурятской онимии. Например, ойконимы: Нукуты Нухэд досл. 'ямы' от *нүхэн* 'яма' + флексия мн. ч. (в районе поселка наблюдаются карстовые явления: провалы, воронкообразные ямы, понижения в рельефе, образовавшиеся от оседания поверхности земли вследствие вымывания водой легкорастворимых горных пород — гипса, известняков [Мельхеев, 1969, с. 147]; Хореты Хоред досл. 'изгороди' от *хорёо* 'ограда, изгородь, загородка' + флексия мн. ч. -д (селение примечательно тем, что в прошлом имело много заграждений приусадебных участков, используемых для покосов).

Таким образом, плюрализация в бурятской топонимии имеет место в случаях, когда в наличии соответствие множественности предметов (несколько ям, несколько изгородей), те есть топонимизируется форма множественного числа апеллянта. И хотя формально флексия множественного числа не меняется, данную форму следует отнести к топонимам *pluralia tantum*, исходя из соответствия названий *pluralia tantum* конкретным реалиям, возможно предположить, что бытование топонимов данного типа свойственно бурятской топонимии.

В целом словообразовательный анализ бурятской топонимии свидетельствует о существовании определенных моделей топонимов. При этом необходимо разграничивать словообразование на уровне апеллятивов и словообразование на уровне онимов (топонимов), поскольку известно, что «при образовании собственных имен любого языка используются словообразовательные формы апеллятивной лексики» [Джанузаков, 1986, с. 62].

Словообразовательный анализ топонимов позволяет раскрыть механизм образования имени, следовательно, способен осветить некоторые вопросы общей теории номинации. Аналогичные исследования в гидронимии Юго-Восточной Украины [Отин, 1974, с. 7–37], топонимии Горного Алтая [Молчанова, 1982, с. 95–106], славяноязычной топонимии [Подольская, 1983, с. 10] подтверждают вывод о том, что топонимы образовывались по определенным моделям в соответствии со словообразовательными возможностями конкретного типа языков.

Так, в славянской топонимии широкое распространение получил префиксальный способ образования топонимов, что обусловлено наитием префиксов, предлогов, в то время как в бурятской топонимии подобные образования исключены вследствие агглютинативности бурятского языка.

Полезность обращения к материалу ономастики в вопросах словообразования, помимо универсального характера онимической лексики, обусловлена еще и тем, что разные языки могут отличаться друг от друга в зависимости от того, насколько система ономастического словообразования отличается от системы апеллятивного словообразования.

Сопоставление двух словообразовательных систем позволяет сделать общий обзор словообразовательных возможностей того или иного языка, помогает выявить типовые и нетиповые морфемные структуры.

Как утверждают Е. А. Земская и Е. С. Кубрякова, «специфика словообразования, автономность его статуса объясняется тем, что из всех лингвистических подсистем оно одно специально предназначено для осуществления номинативной деятельности человека — для образования новых наименований, для формирования и обеспечения нормального функционирования особых единиц номинации — производных слов» [1970, с. 113].

3.2.3 Онимические форманты

Анализируя слова общей лексики, мы выделяем приставку, корень, суффикс, флексию (окончание), при анализе специальной лексики такое структурирование часто оказывается неприемлемым. Прежде всего, специальная лексика чрезвычайно неоднородна по своему происхождению: в любую территориальную онимическую систему входят и новые, и старые имена, образованные в данном языке и заимствованные. Складываясь в новое целое, имена, входящие в каждую систему, приносят с собой фрагменты своих языков, которые не могут оставаться таковыми в новых условиях.

Суффиксы и префиксы разных языков и даже своего, перенесенные в ономастику, не могут сохранить всех своих особенностей и продолжать быть самими собой. Поэтому слова специальной лексики (это касается не только имен собственных, но и терминов и номенклатур различных областей науки и техники) структурируются своим особым образом. В них выделяются основы и форманты.

В каждой онимической системе происходит специализация служебных элементов: они видоизменяются, сливаются друг с другом, стремясь к наиболее точному выражению определенных отношений в данном конкретном ряду.

Любая онимическая система представлена, как правило, именами, которые образовывались на определенном этапе исторического развития того или иного народа. Всякая онимическая система включает в себя имена, относящиеся к далекому прошлому, имена, образованные сравнительно недавно, и имена, к свидетелям появления которых относимся и мы с вами. Однако одновременность создания тех или иных онимических единиц не служит препятствием для выделения совокупности этих единиц в определенную систему онимов.

Онимическая система как таковая характеризуется, прежде всего, наличием определенных моделей, норм образования и функционирования. У разных народов в формировании онимической системы участвуют не только основы, относящиеся к строго ограниченному перечню лексико-семантических полей, но и определенный перечень формантов. При этом каждая разновидность онимов обладает специфическим набором свойств, присущих именно данному классу онимов.

В топонимии, отвечая на вопрос, от каких слов образуются географические названия, имеют в виду два понятия: *топооснова* и *топоформант*.

Топооснова, или основа топонима, — это смысловой компонент географического названия. Топоосновы в чистом виде, как известно, не существуют, они обязательно дополняются до целых слов, оформляются с помощью вспомогательных элементов, которые принято называть формантами, или топоформантами

Топоформанты, или топонимические форманты, — это служебные элементы, которые участвуют в построении топонимов.

Описание топонимии конкретного региона подразумевает изучение каждого отдельного класса топонимов (ойконимов, гидронимов, оронимов, урбанонимов, спелеонимов, хоронимов и др.). Изучение одного из классов топонимов позволяет выявить ряд закономерностей словообразовательного характера, установить мотивы номинации, определить тенденции в развитии топонимической системы.

Исследование именовании определенного топонимического сектора нужно для выяснения соотношения онимических единиц разного класса, а также для установления специфики имен собственных в системе языка.

Известно, что топонимические названия каждой географически выделяемой территории образуют определенную систему. Под топонимической системой понимается совокупность специфических признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности [Мурзаев, 1963, с. 14].

Другими словами, топонимическая система отдельно взятой территории представляет собой некоторый набор топооснов и топоформантов с четко организованной структурной группировкой. Остановимся в качестве иллюстрации сказанного на анализе ойконимов Прибайкалья, определяя своей задачей выявление их структурных особенностей и словообразовательной ценности.

Ойконимы Прибайкалья, как и в целом топонимия данного региона, представляет собой именования, образованные на основе разных языков.

В числе ойконимов Прибайкалья встречаются образования на тюркской, тунгусо-маньчжурской, монгольской и славяноязычной основе, о чем упоминалось выше.

Языковая принадлежность рассматриваемых ойконимов определяет группировку материала на ойконимы тунгусоязычные, тюркоязычные, монголоязычные и славяноязычные. Безусловно, славяноязычный пласт относится к самым поздним. Ему предшествовал пласт монголоязычных ойконимов. К более ранним пластам следует отнести тюркоязычный и тунгусоязычный пласты. Особое внимание следует обратить на форманты, с помощью которых были образованы эти ойконимы.

Из всех видов топообъектов населенные пункты чаще всего подвергаются влиянию экстралингвистических факторов, то есть всевозможные изменения социального, экономического плана отражаются на состоянии названий населенных пунктов.

Следует заметить при этом, что ойконимы относятся к онимам, которые наиболее подвержены упорядочению и регламентации. И основным средством искусственного упорядочения этой категории названий выступает, как известно, аффиксация.

Под аффиксацией в топонимообразовании понимается следующее: суффиксация (чистая), суффиксация нулевая, префиксация + суффиксация, префиксация (чистая), префиксация нулевая.

Известно, что изучение морфемного строения топонимов невозможно вне конкретного языка, вне времени и территории. Каждый язык по мере своего развития комплекзует специальные топонимообразующие средства, при помощи которых складывается определенная топонимическая система, включающая типовые модели.

Модели тех или иных топонимов, как было описано выше, образуются в соответствии с определенными правилами. Известно, что словообразование на уровне ономастическом несколько отличается от словообразования апеллятивного. В частности, существует избирательность в использовании общезыковых аффиксов для образования разных классов топонимов: «Нередко топонимообразующие средства выполняют роль специальных топонимических показателей, или маркеров, и несут информацию о разновидности топообъекта (а не о свойствах самого именуемого объекта). Например, русские топоформанты -град, -ск почти однозначно указывают на город» [Теория и методика ономастических исследований, 1986, с. 171].

Кроме того, следует обратить внимание и на то, что используемые аффиксы отличаются разной степенью продуктивности внутри определенного класса топонимов. Ю. А. Карпенко, указывая на не-

одинаковую продуктивность одних и тех же словообразовательных средств, используемых в лексике апеллятивной и онимической, отмечает, что «в топонимии продуктивность словообразовательных средств с синхронической точки зрения имеет территориальную обусловленность и, в отличие от нарицательных имен, не зависит от семантической емкости данного словообразовательного средства» [1966, с. 18].

Без должного анализа словообразовательных средств сложно определить взаимосвязь отдельных образований, историю их возникновения, установить типичные свойства в топонимии разных языков, найти этимологию географических названий и особенностей их функционирования. На важность анализа формантов указывает ряд исследователей. В частности, А. В. Суперанская считает, что формальность как одна из характерных черт топонима может быть вскрыта лишь при формантном анализе названия [1985, с. 107].

Топоформант представляет собой лишь часть названия и, являясь составной частью любого топонима, тесно связан с топоосновой. Топонимические форманты, относясь к служебным элементам, участвуют в построении топонимических названий. В качестве топоформантов, как правило, используются различные аффиксы. Однако аффиксальный способ образования топонимов имеет свою специфику в каждом языке. Так, например, аффиксация не является ведущей в тюркском топообразовании [Молчанова, 1982, с. 125], не типична для бурятской топонимии [Шулунова, 1984, с. 124], а в славянских языках аффиксация — один из основных способов топообразования [Подольская, 1983, с. 6].

Рассмотрим аффиксы, используемые для образования ойконимов в каждой из групп названных выше языков.

К одному из наиболее древних народов, населявших Прибайкалье в прошлом, относятся эвенки и тунгусы. Свидетельством тому являются многочисленные топонимические названия. Тунгусоязычные топонимы распространены на территории Прибайкалья неравномерно.

Наибольшее количество географических названий тунгусского происхождения встречается в северных районах Бурятии, где и в настоящее время проживают эвенки. Начиная от Енисея и зоны тундры и лесотундры, на юг и юго-восток проходит ареал топонимов тунгусского происхождения до Ангаро-Ленского района, Се-

верного Прибайкалья, бассейнов рек Витим, Шилка и северного Приаргуны [Василевич, 1958].

Исследователем М. Н. Мельхеевым было отмечено, что «по левым притокам Ангары, южному Прибайкалью и южному Забайкалью названий тунгусского происхождения меньше. Здесь, за небольшим исключением, тунгусоязычные названия принадлежат мелким урочищам, мелким рекам. А дальше на юг, в Саянах, они встречаются еще реже. Для Саяно-Алтайской горной страны тунгусоязычная топонимия не характерна» [1969, с. 29].

Распространение ойконимов на тунгусоязычной основе в целом аналогично общей картине тунгусоязычной топонимии на территории Прибайкалья. Выделив группу ойконимов, образованных на основе эвенкийского языка, попытаемся проанализировать используемые аффиксы.

В качестве топообразующих аффиксов эвенкийского языка исследователями [Василевич, 1958; Мельхеев, 1969; Симонов, 1976; и др.] выделялись следующие:

-кан (суффикс уменьшительной формы), ср. Ангара — Анагара-кан, Ая — Аякан, Витим — Витимкан, Чита — Читкан, Ципа — Ципикан и т. д.

-ига (суффикс прилагательного): Кирина < кири 'грязь'; Кэжэнгэ > кэжэ, Турунга и др.;

-ноя (-нда) (суффикс увеличительной формы): Бира река, Биранда — большая река; Нирундя (нирюнда) и т. д.;

-чан (-чон) (суффикс пренебрежительности): Бугачан 'плохое местечко' от *буга* 'местность'; Биракачан — речушка и т. д.;

-кит (суффикс, обозначающий место действия): Оллокит — место, где можно рыбачить, от *ооло* 'рыба': Урикит — место, где можно сделать стоянку от *ури* 'стойбище, стоянка' и т. д.;

-ма (суффикс прилагательного): Мома (мама) от *мо* 'дерево'; Чулама от *чула* 'зеленеть' и др.;

-тли (-ли) (суффикс, образующий названия рек): Ашагли от *аши* 'ель', *ашиг* 'ельник'; Талали от *тала* 'солонец-лизень' и др.;

-кта (суффикс вида многократности действия в отношении места; суффикс, обозначающий что-либо мелкое, встречающееся в большем скоплении): Маракта от *мар* 'низкорослый, мелкий березник', Арбакта от *арба* 'мель';

-дяк (суффикс для образования отглагольных существительных): Аланджак от *алан* + *дяк* 'место, где переваливают через горный хре-

бет'; Инанджек от *инган* + *дек* 'место, где много песка, гальки' и т. д.;

-гда (суффикс для образования прилагательного): Актрагда от *актрэ* + гдэ 'словая' или 'лиственничная'; Марегда (Маригда) от *мари* + гда 'марник' (поросль березы на торфянике);

-нгда (суффикс для образования прилагательного): Нерунгда (Нирунгда) от *ниру* + нгда, где *ниру* 'хариус': Дектонда (Диктонда) от *никгэ* + нгда, где *дикгэ* 'ягода', 'голубика', 'черника';

-чи (суффикс, означающий обладание): Иначе (Иначи) от *инга* + чи 'с песком' (*инга* 'песок на отмели', 'песчаная или мелкокаменистая отмель'); Ковачи от *кэвэ* + чи 'луговая', 'болотная', где *кэвэр* 'луг', 'болото'.

К числу аффиксов, используемых для образования гидронимов (патамонимов), М. Д. Симоновым отнесены следующие: -кит, -дяк, -кан, -кта, -ли, -гда, -нгда, -чи [1976, с. 224].

Однако далеко не все из приведенных выше аффиксов обнаружены в качестве топоформантов названий населенных пунктов. Наибольшей продуктивностью отличается формант -ма, например: Бадарма, Багама, Дешма, Едарма, Ендарма, Ерма, Зама, Кугима, Токма, Тушама, Турка, Ведома и т. д.

Многочисленны также названия на -кан: Кайдакан, Курумкан, Мамакан, Маракан, Тылтыкан, Тыэкан, Улькан, Чикан и др. Довольно часто встречается в ойконимах формант -ган: Матаган, Мойган, Умыган и т. д. Следует выделить группу с формантом -нга (-га): Инга, Орлинга, Турунга, Чиного, Андога, Бидога, Идыга, Камнига, Мета, Синюга, Тудыга, Турига и т. д.

Отмечены названия на -кта (-хта), например: Аикта, Хокта, Балыхта, Бульбухта, Кяхта, Юрохта, Юхта и др. Представлены в Прибайкалье ойконимы и на -кит: Мочекит.

Прочие же аффиксы представлены единичными образованиями. Примечательно, что аффиксы, используемые в качестве формантов гидронимов, в ойконимах не встречаются. Правда, необходимо здесь пояснить, что названия населенных пунктов, возникшие на базе гидронимов (патамонимов), относятся к оттопонимическим образованиям, в которых уже присутствует топоформант. Поэтому данный топоформант не следует относить к словообразующему на уровне ойконимов, поскольку система ойконимов заимствует уже готовую онимическую форму.

Совершенно справедливо мнение, высказанное О. Т. Молчановой в отношении словообразования в топонимии. К числу непроемных основ следует отнести, считает она, те топоосновы, в которых словообразование произошло на уровне апеллятивов (1982, 105). Аналогично и в нашем случае: в ойконимах, образованных от названий рек и других водоемов, гидронимический формант входит в основу.

Следуя данному положению, считаем неправомерным выделение формантов в таких ойконимах, как Девдвдяк, Загли и т. п., полагая, что суффиксы -дьяк, -ли в данном случае были использованы для образования потамонимов, которые уже в этом виде легли в основу приведенных выше ойконимов.

В целом же отгидронимическое образование ойконимов на основе эвенкийского языка свидетельствует о достаточной древности тунгусо-язычного пласта топонимии Прибайкалья, поскольку названия водных объектов, как правило, складываются на самых ранних этапах заселения какой-либо территории.

Следующая группа ойконимов — это тюркоязычные образования. Тюркоязычный пласт топонимии Прибайкалья исследователи относят к домонгольскому [Окладников, 1955, 333; Мельхеев, 1976, с. 214–236].

В работе проф. М. Н. Мельхеева «Топонимика Бурятии» тюркоязычные топонимы определяются в результате анализа топооснов. К топонимообразующим основам он относит апеллятивы, в основном относящиеся к географическим терминам: *хай* 'скала, утес, гора'; *таг* 'гора', *тал* 'сопка', *таиш*, *тас* 'камень', *баиш* 'голова, вершина', *кол/кул* 'озеро', *дер/дор* 'ущелье, теснина', *кыр* (*хыр*) 'возвышенность', *су* (*суг*) 'вода', *урях* (*юрях*) 'река', и апеллятивы, связанные с жизнедеятельностью человека: *ордо* 'ставка', *уй* 'жилище'; переносные значения терминов родства: *аба* 'отец', *абай* 'дядя'; апеллятивы, обозначающие цвет: *ак* 'белый', *кара* 'черный', *сары* 'желтый' и т. д. [1969, с. 37–38].

Анализируя структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая, проф. О. Т. Молчанова выделяет в числе типичных топонимообразующих аффиксов следующие: -лО(г) и его варианты -дО(к), тО(к/г), -нОг; -Ок, -Ош, -ай, -иш; -чО; -лар и серия падежных аффиксов (-да, -га, -нын с вариантами -дын, -тын), аффиксов принадлежности (-м, -ы, -и, -у, -зы, -зи), глагольных аффиксов — причастия прошедшего времени (-ган/-гон/-ген/-гон/- кан/-кон/-кен/-кон),

причастия будущего времени (-ар/-ыр/-ер/-ир/-ор/-ур), глагола прошедшего времени (-ды/-ди/-ты), древнетюркского причастия (-мыш), причастия отрицательной формы (-бас/-пас/бес/пес/пос) и аффикс отрицательной формы глагола (-ба) [1982, с. 125–144].

Однако в образовании ойконимов участвует ограниченное число аффиксов, в числе которых отмечены -лу, -ман, -лы, -ту [Молчанова, 1982, с. 197]. В основном тюркской ойконимии свойственно оттопонимическое образование, то есть основой образования ойконимов служат названия рек, гор, урочищ и т. п.

В тюркоязычной ойконимии Прибайкалья представлены названия, образованные при помощи падежных аффиксов -да: Бада, Зада, Ивда, Ида, Када, Карда, Куда, Куяда, Уда, Яда и др.; -га (Андога, Бидога, Идыга, Камнига, Марга, Мога, Тудыга, Турига и т. д.).

К ойконимам, образованным при помощи аффиксов принадлежности, можно отнести следующие: Нены, Ноты, Норы, Нюры, Сорты. Встречаются ойконимы, включающие в свой состав суффиксы отыменного словообразования -луг, -туг (Себлуг, Суетуг).

Аффиксальный способ образования наименований в тюркской ойконимии представляется малопродуктивным, как и в тюркской топонимии вообще, что было отмечено выше. Значительно шире представлены в топонимии Прибайкалья тюркские ойконимы, образованные безаффиксальным способом: Абхай, Атхай, Изахай, Кай, Манкам, Талахай, Хашхай; Биракуль, Котокель, Шаракул; Байтах, Каштаг, Хартаг и т. д.

Монголоязычный пласт топонимии Прибайкалья сравнительно молодой по времени образования. Словообразовательная характеристика бурятских ойконимов включает в себя те же способы образования, которые свойственны топонимии в целом. Отмечено, что в бурятской топонимии используются следующие способы образования: соположение, сложение, аффиксация и плюрализация. Поскольку нас интересует вопрос выявления формантов, то остановимся на анализе монголоязычных ойконимов Прибайкалья в плане использования аффиксального способа.

В ходе изучения монголоязычных ойконимов, образованных при помощи аффиксального способа образования, выясняется, что к топонимобразующим формантам в классе ойконимов следует отнести суффикс -та (-то, -тэ): Арангата, Баганта, Дархата, Сахюрта, Хулэртэ и т. д. Немногочисленны ойконимы, образованные при по-

мощи форманта -са (-со, -сэ), например: Бариса, Хадаса, Хараса и т. п.

Ойконимы же с суффиксами -ууд (-ууд), -гууд (-гууд), -нууд (-нууд), -таи (-тон, -тэн) к образованиям аффиксального характера относиться не следует, поскольку здесь речь идет о трансонимизации. Дело в том, что ойконимы типа Наймангууд, Сэгээнүүд, Табалангууд, Бажытан, Мурытан, Олзойтон и т. д. представляют собой собирательные названия бурятских родов. Эти названия и легли в исходную форму ойконимов, то есть выделяемые суффиксы входят в состав антропонима, а потому к формантам, образующим ойконимы, не относятся. В данном случае возможно говорить об отантропонимических ойконимах.

К числу формантов, образующих ойконимы, нельзя отнести и суффикс -хан (-хон, -хэн), поскольку данный уменьшительно-ласкательный суффикс входит в апеллятивную основу онима и уже в этой форме используется в качестве топонима. В Прибайкалье встречаются такие ойконимы, как Аюухан, Бадархаан, Ойхон, Хадаахан и т. д. Однако топоформант в данных названиях не выделяется.

Нельзя считать топоформантами и суффиксы -аан (-оон, -ээн), которые используются для образования апеллятивов от глагольных основ, а уже потом эти апеллятивные основы образуют имена собственные. Например: *нажаржаан* 'летник' — *Нажаржаан*, *намаржаан* 'осенник' — *Намаржаан*, *убэлжээн* 'зимник' — *Убэлжээн* и т. д.

Обзор монголоязычных ойконимов Прибайкалья свидетельствует о том, что бурятская ойконимия представлена резко ограниченным количеством формантов. К наиболее продуктивным из них следует отнести суффикс -та с его вариантами -то, -тэ. Изредка встречается в роли топоформанта суффикс -со (-со, -сэ).

Славяноязычная топонимия Прибайкалья представлена образованиями, которые отражают не только климатические условия и географическую зону в целом, но и указывают на сферы человеческой жизни и деятельности. Словообразование ойконимов отражает словообразовательную систему русского языка, приспособленную для топонимических целей.

Известно, что в русской топонимии из всех способов образования онимов (лексико-семантический, лексико-синтаксический, трансонимизация и т. д.) самым распространенным является аффик-

сальный. Продуктивность данного способа доказывают и русскоязычные ойконимы Прибайкалья.

Среди префиксов, участвующих в создании ойконимов, следует назвать прежде всего следующие: без-, за-, пере-, под-, по-. Например, Безносово, Безруково, Заборье, Загорье, Заречье, Заярск, Перевоз, Подвыездный, Подгорная, Подкаменка, Подковрижка, Поселье и т. д.

К числу наиболее продуктивных суффиксов, используемых для образования ойконимов, относятся такие: -ово (-ево), -ск-, -ив-, -к-, -овк- (-евк-). Суффиксы эти могут употребляться и в сочетании с префиксами или в комбинации между собой: Александровск, Александровский, Александровка, Алехино, Антоново, Аносово, Базаровск, Балаганово, Бараново, Береговая, Березкино, Березовка, Борисово, Бородинск, Васильевка, Вихоревка, Волгино, Заречное, Мостовка, Покровка, Покровск и др.

Значительно реже встречаются ойконимы, образованные при помощи антропонимического форманта -иха: Облепиха, Пеливаниха, Суетиха, Чеботариха, Шлюндиха, Шумиха и т. д.

Славяноязычная топонимия Прибайкалья в целом и ойконимия в частности в плане словообразовательном характеризуются типичными чертами восточнославянской топонимии вообще. Специфичным же в славяноязычной ойконимии Прибайкалья следует считать, очевидно, то, что в системе топонимии региона бытуют онимы, отражающие языковое взаимодействие народов, населявших территорию Прибайкалья в прошлом и населяющих побережье Байкала ныне.

Многочисленны ойконимы, в которых монголоязычная основа оформлена формантом русского языка; Загустайка от бур. *загаһатай* 'с рыбой, рыбный' + -ка; Шарагулка — *шарагол* 'желтая река' + -ка.

Анализ ойконимов Прибайкалья свидетельствует о том, что каждый стратиграфический пласт топонимии изучаемого региона характеризуется определенным набором формантов. Наши наблюдения показывают, что в онимической системе того или иного языка возможно выделение специальных служебных элементов, используемых для образования определенного разряда слов (онимов).

В данном случае позволительно говорить о топоформантах, при помощи которых образуется топонимическая подсистема, объединяющая ойконимы. Следовательно, ойконимия Прибайкалья под-

тверждает существование в топонимии понятия *формульность*. Анализ показывает, что словообразовательные элементы в составе собственных имен входят в такие сочетания с основами имен и друг с другом, какие свойственны при образовании имен нарицательных.

Словообразовательные элементы в ономастике образуют прочные соединения друг с другом — форманты, свойственные именам нарицательным в значительно меньшей степени. Ономастические системы оказывают серьезное влияние на словообразовательные процессы, происходящие в проприальной лексике. Они уподобляют более редкие и неясные элементы более частым и понятным, объединяя их в небольшое число активных форматов. Региональные ононимические системы видоизменяют элементы имен, которые им противоречат, а наименее соответствующие местному узусу просто отторгают как инородные, непригодные для данных условий.

3.2.4 Роль микропонимов в бурятской ономии

Названия мелких географических объектов, известность которых не выходит за пределы узкого круга живущих в одном месте людей, принято называть микропонимами. Микропонимия является составной частью топонимии. Известны десятки попыток дать дефиницию микропонимии и микропонимов. Микропонимия — «совокупность микропонимов» [Подольская, 1973, с. 86], «совокупность названий малых географических объектов» [Микропонимия, 1967, с. 3], «совокупность географических названий, известных только ограниченному кругу людей, живущих рядом с называемыми небольшими объектами — выгонами, пашнями, угодьями, болотами, балками, урочищами, оврагами, курганами, колдцами, излучинами небольших рек, зимовьями, ручьями и т. п.» [Мурзаев, 1974, с. 23].

Микропонимия, по мнению Р. И. Блинохватовой, включает названия лугов, сенокосов, полей, плес, лесных дач, полян, иногда отдельных деревьев, значительных камней, горок и тому подобных мелких объектов [1960, с. 222], а по Д. В. Цыганкину — названия частей полей, дорог, лесов, лугов, болот, оврагов, возвышенностей, мольбищ, различных урочищ и прочих мелких объектов [1971, с. 258]. Подобные определения находим у В. А. Никонова [1967, с. 5–14], В. Н. Поповой [1969, с. 149], А. Г. Митрошкиной [1974, с. 29] и многих других.

Не менее многочисленны дефиниции микропонима. Микропонимы — это «индивидуальные названия небольших природных и

искусственно созданных объектов. Обычно это первичные названия, соотносящиеся с видом или свойством называемого объекта» [Суперанская, 1967, с. 38], это первичные адъективные и субъективные имена (черная, белая, ель, клен, брод, болото) [Ванагас, 1969, с. 66], «названия мелких объектов, известных обычно небольшому кругу местных жителей» [Крюкова, 1969, с. 200]. Микротопонимы — это «названия, функционирующие в пределах лишь одной микросистемы» [Воробьева, 1972, с. 10]. «Микротопоним — собственное имя (чаще) природно-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее лишь в пределах микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта, в том числе микрогидроним, микроойконим, микроороним, микрохороним, названия урочищ, хозяйственных угодий, микросооружений (колодцев, мостов, будок, вышек, зимовий, кордонов, охотничьих домиков и т. п.)» [Подольская, 1978, с. 86].

Первичные микротопонимы восходят непосредственно к именам нарицательным и отличаются от них лишь своей тесной привязанностью к одному конкретному месту.

Естественно, сложившаяся микротопонимия предполагает длительное пребывание народа на определенной территории. Однако то, что обычно попадает на карты и в справочники, относится к собственно топонимии. Микротопонимия и собственно топонимия составляют два своеобразных уровня географических названий. Микротопонимы относятся к уровню первому, простейшему, и выступают в роли регистраторов географических объектов или констататоров. Замечено, что они существуют как бы сами по себе, тяготея в большей степени к местному говору, чем к топонимии как таковой.

Известно, что на базе микротопонимов складывается лишь часть местных топонимов, относящихся ко второму, более сложному уровню, представляющему собственно топонимию. Переход микротопонимов в топонимы обусловлен влиянием собственно топонимических закономерностей.

Связь микротопонимов и топонимов можно охарактеризовать как лексическую и историческую, но не системно-топонимическую, поскольку они системно организованы по-разному. Микротопонимы образуют наиболее подвижную часть топонимии. Это объясняется тем, что микротопонимы — факт одного языка и продукт твор-

чества одного народа (смена населения ведет к массовой смене микропонимов).

Как языковой факт микропонимы содержат три аспекта бытования: лингвистический, социальный и культурно-исторический. В этом смысле изучение микропонимии конкретного ареала имеет большее значение для установления закономерностей языкового развития, исторических фактов.

Для иллюстрации данного положения остановимся, к примеру, на анализе микропонимии расселения хонгодоровских родов в Аларском районе Иркутской области. Анализ топонимии интересующего нас региона свидетельствует о расселении в Алари различных этнических групп бурят. Доказательством того служат прежде всего ойконимы, происхождение которых основано на родоплеменных наименованиях (Бултараг, Бура, Готол, Улзет, Хонхорог и т. д.).

Обратим внимание на ойконимы, указывающие на принадлежность к хонгодоровским родам. К таковым, очевидно, следует отнести названия следующих населенных пунктов: Ашхай, Алзобей, Бадархан, Болдой, Бурутхан и др. В целом, по данным исследователей, к числу населенных пунктов, в которых проживают потомки хонгодоровских родов, относятся Аларь, Халгай, Ныгда, Куркат, Киркей, Кукунур, Куйта, Халта, Хандагай, Хига, Шалоты и др.

В научной литературе высказывалось мнение о том, что хонгодоры на территории Прибайкалья являются сравнительно недавними пришельцами. Причем многие исследователи полагали, что появление хонгодоров в Прибайкалье связано с войнами Галдан Бошукту-хана в конце XVII в. Предполагалось, что хонгодоры относятся к племенам, вышедшим из пределов современной Монголии. Однако подобная точка зрения корректируется материалами лингвистики и этнографии.

Исследования доктора филологических наук Ц. Б. Цыдендамбаева позволяют утверждать, что свидетельством бурятской сущности хонгодоров является их язык: будь хонгодоры монголами вплоть до 2-й половины XVII в., они не смогли бы так сильно обурятиться по языку; живя все это время более или менее компактной группой по Алари, Тунке и Закамне. В этом можно убедиться на примерах с цонголами и сартулами, проживающими по соседству или даже попеременно с бурятами в Западном Забайкалье, начиная с 1-й половины и середины XVII в., но все еще говорящими по-монгольски [Цыдендамбаев, 1979, с. 155–156].

На автохтонность происхождения хонгодоров в Прибайкалье и их генетическую общность с булагатскими родами указывает в своих исследованиях по традиционному народному верованию бурят доктор исторических наук К. М. Герасимова [1969, с. 106]. При этом следует обратить внимание на то, что состав хонгодоров не был этнически однородным.

По утверждению этнографа Д.Д. Нимаева, вопрос об этническом составе хонгодоров все еще остается практически неизученным [Нимаев, 1988, с. 106]. На основе данных этнографии им высказывается предположение о наличии тюркских компонентов в составе рассматриваемой группы. Доказательством данного предположения служат следующие факты: в качестве племенного тотема у хонгодоров в прошлом почитался лебедь [Балдаев, 1961, с. 79, 81]. В работе Л. П. Потапова подтверждаются, указывает Д. Д. Нимаев, сведения о том, что праmaterью двух аларских родов считается лебедь [Потапов, 1959].

Данное обстоятельство отмечено Ц. Б. Цыдендамбаевым как нехарактерное для монгольских народов. В частности, рассматривая вопросы происхождения и состава хоринских бурят, он, соотнося имена Будун-хатун и Хобоши-хатун с названиями на якутском лебеда — *куба* и народа — *будун* [Цыдендамбаев, 1972, с. 224–225], указывает на то, что вариант легенды о праматери-лебеди прозрачно намекает на тюркское происхождение тотема лебеда.

Кроме того, Д. Д. Нимаев обращает внимание на тюркский компонент в составе этнонима *хонготор* — наличие суффикса -дор (-дар, -дэр), который традиционно считается тюркским [1988, с. 106].

Доктор исторических наук, профессор Н. П. Егунов склонен остановиться на булагатском происхождении хонгодоров. В качестве доказательства своей точки зрения он приводит материалы о религиозных культах хонгодоров [1990, с. 155–158].

Этнограф Ж. А. Зимин высказал предположение, что хонгоры представляют собой конгломерат родов, объединенных не столько родством, сколько тяжелыми испытаниями в поисках спокойного житья во время смут, военных конфликтов в Халхе и Джунгарии [1983, с. 108].

Опираясь на особую ценность имен собственных как памятников истории, рассмотрим топонимическую лексику территории расселения хонгодоровских родов. В качестве предмета нашего исследо-

вания остановимся на анализе компактного ареала на уровне микротопонимии. Подобный подход позволит проследить бытование топонимической микросистемы с точки зрения соотношения с топонимической системой в целом и выявить общее и отличное.

Заметим, что исследование микротопонимов возможно лишь при наличии полевого сбора материала, поскольку микротопонимия представляет собой, как было отмечено выше, совокупность названий небольших территорий: названий частей населенных пунктов (улусов), мелких озер и речек, отдельных участков транзитной реки (плесы, перекаты, берега, поймы, террасы, протечи, заливчики, старицы, сухие русла и т. п.), названия микроформ рельефа, различных сельскохозяйственных угодий и др.

Подобные названия поддаются фиксации лишь на самых крупномасштабных картах. В данной работе мы воспользовались материалами профессора М. Н. Мельхеева, приведенными им в одной из монографий [1969, с. 82–85]. Анализу подверглись данные инвентаризации микротопонимов улуса Буркова на 1928 г. по топосъемке 1925 г.

Следуя положению о трех аспектах бытования топонимов, рассмотрим микротопонимию улуса Буркова в лингвистическом, социальном и культурно-историческом планах.

Лингвистический аспект бытования имен собственных подразумевает исследование названий с точки зрения их языковой принадлежности и других лингвистических характеристик (апеллятивная основа, лексико-семантическая и грамматическая структура, особенности функционирования в языке и речи и т. д.).

Определение языковой принадлежности исследуемых микротопонимов позволяет заключить, что бытуют наименования по преимуществу на бурятском языке и в незначительном количестве на русском. Причем названия на русском встречаются, как правило, в случаях, когда именуемый объект по времени появления относится к периоду нашей действительности, к примеру:

Коммуна — название части улуса; Школой нуур — урочище, озерко у школы (в данном случае название возникло у безымянного ранее озерка после того, как появилась школа).

Русскоязычный компонент встречается в качестве отантропонимических названий, например: Басилтан — название меньшей части улуса от адаптированного антропонима Василий; Петухан нуур —

мелкое озеро, обычно пересыхающее, также от адаптированного антропонима Петя — Петюха.

За исключением вышеприведенных примеров, остальные из 101 наименования представляют собой образования на бурятском языке. В качестве апеллятивной основы для образования топонимических названий послужили прежде всего географические термины, обозначающие реалии данной местности.

Зафиксированные микротопонимы составляют следующий перечень: название самого улуса на бурятском Ушөөһэн от *ушөөһэн* 'кустарник' (официальное же название селения «улус Буркова»); гидронимы: Горхон от *горхон* 'речка', Олом (брод на р. Голумети) от *олом* 'брод', Татуур от *татуур* 'затон, заводь; протока', Халаа (протока главной реки) от *Халаа* 'рукав у реки; приток'; урочища: Бута (кочкарник) от *бута* 'кочка', Жалга (ложбина на склоне горы) от *жалга* 'лощина, ложбина; овраг, балка, лог, падь, ров', Нархан (урочище, где имеется несколько сосен) от *нархан* 'сосна; сосняк', Хуһатай (березовый лес близ улуса) от *хуһан* 'береза', Хужар (местность, где встречается солончак в виде небольших островков черной земли, покрытой выцветами соли) от *хужар* 'солончак', Хулэртэ (урочище, на зеленом лугу которого имеется торфяник, который время от времени горит) от *хулэр* 'зеленая трава, выросшая после выжигания высохшей прошлогодней травы', Добуун (степное урочище с холмиком) от *дубуун//добиун* 'возвышенное место, холм, бугор, курган', Элһэн 'местность, на которой расположен холмик с развеваемым песком' от *элһэн* 'песок'.

Серия названий образована на основе лексем, обозначающих стороны горизонта, например, Барун айл (часть улуса) от *баруун* 'западный, правый' и *айл* 'аил, группа юрт (или домов), улус, сельская община; местность'; Зүүн айл (часть улуса) от *зүүн* 'восточный; левый'; Хойто түхэрээн (часть улуса) от *хойто* 'северный'; Урда Хамардай (часть улуса) от *урда* 'южный'.

Довольно продуктивно использованы апеллятивы имен прилагательных, обозначающих форму, размер: *түхэрээн* 'круглый', *бага* 'малый, небольшой', *ехэ* 'большой, крупный; взрослый'. В качестве примера приведем следующие названия: *Ехэ Ушээһэн* (местность с большим массивом кустарника), *Бага Ушөөһэн* (местность с малым массивом кустарника), *Ехэ Болдог* (урочище, где имеется большой бугор с редкими кустами яблони), *Бага Болдог* (урочище с малым бугром, где растёт шиповник).

Микротопонимия улуса Буркова складывалась и в результате трансонимизации. Например, в основе наименований многочисленных мелких озер лежат антропонимы: *Аюша*, *Жодобой*, *Петуха*, *Сойдон* и др. (*Аюшын нуур* 'озерко Аюши', *Жодобойн нуур* 'озерко Жодобэя', *Петухан нуур* 'озерко Петухая', *Сойдони нуур* 'озерко Сойдона').

Словообразовательная характеристика исследуемых микротопонимов свидетельствует об использовании типичных моделей топонимических названий в бурятском языке посредством соположения, сложения, аффиксации и плюрализации (Шулунова, 1987, 33–40). К атрибутивному типу относятся наименования: *Баруун ой* (небольшие лесные массивы с западной стороны улуса) 'западный лес' от *баруун* 'западный' и *ой* 'лес, бор, роща', *Зуун ой* 'восточный лес'; *Хадын Хормой* (подножие горы) от *хада* 'гора' и *хормой* 'основание, подошва, подножие'.

Здесь же относятся названия, образованные по модели: имя существительное в генитиве + имя существительное в им. пад. Например: Аларай харгы (Аларская дорога) от ойконима *Аларь* и апеллятива *харгы* 'дорога', Бадархани харгы (Бадарханская дорога), Ехэшүүлэй оймошо (участок реки, плес) 'купальня для взрослых' от *ехэшүүл* 'большие; взрослые' и *оймохо* 'купаться, плавать'.

Аппозитивный тип представляют названия: Онго-Модон (осинник), Нуур-Тохой (залив). В первом случае название образовано от апеллятива *онго(н)* 'дух-гений' и *модо(н)* 'дерево, лес', а во втором от *нуур* 'озеро' и *тохой* 'излучина, изгиб, лука (реки)'.

Встретилось нам название, правда лишь одно, относящееся к нумеративному типу — Ганса Хуһан (урочище Одинокая береза) от *ганса* 'только один' и *хуһан* 'береза'.

Послеложные конструкции в микротопонимии исследуемого ареала отсутствуют. Впрочем, вполне возможно, что подобные конструкции имели место в обиходе, но не были зафиксированы при составлении ведомости инвентаризации микротопонимов.

Лингвистическая характеристика микротопонимии улуса Буркова позволяет заключить, что система географических наименований исследуемого ареала складывалась в соответствии с аналогичными структурами других регионов, населенных бурятами. Заметим, что при этом использованы общебурятские лексемы, характеризующие географическую терминологию, и типичен сам процесс образования названий.

В плане социальном анализируемый материал характеризует инфраструктуру сельского поселения в сферах: природа — человек — общество.

Ряд названий характеризует деятельность жителей улуса. В частности, к таковым следит отнести названия летников, т. е. мест, куда выезжали буряты на лето, с тем чтобы использовать пастбища: *Үшөөһэн зуһалан* (летник Бурковский) от названия поселения *Үшөөһэн* и апеллятива *зуһалан(г)* 'летнее место жительства, летнее стойбище; летовка, летник'; *Түхэрээни зуһалан* (летник Тухэрэнский), *Бадархая зуһалан* (летник Бадархановский).

О преимущественном распространении в хозяйственной деятельности скотоводства свидетельствуют многочисленные названия пастбищ, к примеру: *Бага бута бэлиээри* (летнее пастбище «Большие кочки»). *Бадархани бэлиээри* (пастбище Бадарханское), *Нэгдын бэлиээри* (пастбище Ныгдинское), *Түхэрээнэй бэлиээри* (пастбище Тухэрэнское) и др.

Использовались и пойменные луга: *Һужаа* (пойма) от *һужааг* 'низина, впадина (где во время разлива бывает вода, а в засушливое время растет обильная трава)', *Жалгын-һужаа* (пойменный луг у Жалгана), *Ехэ-һужаа* (большая пойма), *Үбэлэй Харгын-һужаа* (пойменный луг у зимней дороги).

Специфику хозяйственной деятельности отражают и такие названия, как *Бадархани хадаса* (сенокосное угодье Бадарханское) от *хадаса* 'покос, сенокосный луг', *Жалгын хадаса* (покос в урочище Жалга), *Нэгдын хадаса* (сенокосное угодье Ныгдинское).

Наличие отантропонимических основ в микропонимии Буркова объясняется тем, что по установившейся издавна традиции скотоводы давали названия урочищам-пастбищам, местам водопоя, покосов в зависимости от того, в чьем пользовании находились данные угодья. Отсюда появление имен предводителей родоплеменных подразделений в составе географических наименований.

Данный принцип номинации географических объектов представлял собой своеобразный правовой акт, устанавливающий принадлежность объекта конкретному лицу (группе лиц) или определяющий право преимущественного пользования. Присваивание родового имени географическому объекту следовало понимать как провозглашение прав названного рода на данный объект. Явление это отмечается в ономастической литературе как типичное [Лезина, 1988, 144].

Жизнеспособность родоплеменных названий объясняется тем, что они свято хранились членами соответствующей этнической общности и передавались членами этой общности из поколения в поколение.

Однако наибольший интерес представляют названия, содержащие сведения о культурно-историческом прошлом. Известно, что в микротопонимии эти сведения обычно носят локальный ограниченный характер. Тем не менее историко-культурное своеобразие называемого объекта может быть полезным для определения общей картины, каким бы малым этот объект ни был.

Микротопонимия Буркова включает в себя названия частей улуса. В основном эти названия образованы от имен родоначальников. К их числу относятся следующие: *Тэсхэтэн аймаг* (меньшая, чем айл, часть улуса, названная по имени рода Тэсхэ) от *аймаг* уст. 'род; поколение; группа'; *Бориотхотон аймаг* (то же, по имени рода Боршотха), *Няхулатан аймаг* (то же, по имени рода Няхулай), *Шангитын аймаг* (то же, по имени рода Шанги), *Хамардай аймаг* (то же, по имени рода Хамардай), *Хойто-Хамардай аймаг*, *Урда-Хамардай аймаг*.

Наличие подобных наименований говорит о родоплеменных признаках организации поселений бурят. Представляют интерес названия, образование которых связано с традиционными верованиями. В микротопонимии улуса бытуют названия, свидетельствующие о религиозных воззрениях.

В частности, к числу таковых относятся следующие: *Обоо* (сопка, где устраивалась молельня) от *обоо* уст. 'сопка, где совершался религиозный обряд', *Ехэ Тайлганай Газар* (место большого тайлагана) от *тайлга(н)* уст. шам. 'жертвоприношение духам-покровителям' и *газар* 'земля, местность, территория'; *Бага Тайлганай Газар* (место малого тайлагана), *Намарай Тайлгани Газар* (место осеннего тайлагана).

Наличие в окрестностях улуса нескольких мест шаманского культового обряда свидетельствует, очевидно, о том, что в прошлом на данной территории проживали шаманисты. В целом анализ микротопонимии улуса Буркова подтверждает известные факты этнического прошлого бурят, сведения о духовной и материальной культуре народа.

К сожалению, топонимические свидетельства прошлого катастрофически исчезают на наших глазах. Материал большого исто-

рико-культурного значения уходит в небытие за период жизни одного поколения. Микротопонимия улуса Буркова, представленная 101 названием, зафиксированным инвентаризацией 1928 г., через 40 лет (в конце шестидесятых годов) оставила в своем составе лишь 48, а сегодня, через три десятилетия, вероятнее всего, эта цифра уменьшилась не менее чем в два раза. Налицо потеря целого топонимического пласта, представляющего собой ценное наследие духовной культуры народа.

В свете сказанного представляется уместным обозначить проблему экологии названий. Охрана равновесия и разнообразия топонимических памятников истории — одна из главных задач не только исторической науки или какой-либо другой из наук, но и всего общества.

Думается, обращение к анализу микротопонимии способно помочь в решении обозначенной проблемы, поскольку данный онимический пласт выявляет комплекс специфических показателей топонимов вообще, например: установить истоки способов и принципов топонимической номинации, визуальные процессы перехода нарицательных имен в собственные, являющиеся первичными описательными наименованиями, способными отражать сущность географической реалии, ее отличительные приметы, местонахождение, отношение к духовной и материальной культуре.

3.2.5 Языковые контакты в топонимии

Язык, как известно, является формой общения. Процесс взаимодействия и взаимопонимания людей на основе овладения ими разными языками на различном уровне в зависимости от конкретных потребностей общения определяется понятием «языковой контакт» [Якушина Н. Р., Якушин С. Б., 1984, с. 114], или, иначе, «взаимодействие языков».

Исследование языковых контактов в плане диахронии способно осветить определенные этапы исторического развития того или иного народа; результаты такого исследования могут быть использованы как исторические свидетельства. Языковые контакты отражают особенности восприятия хозяйственного уклада, быта, элементов духовной культуры соседствующих народов, следовательно, возможно говорить о том, что язык является средством закрепления этногенетического процесса [Убрятова, 1980, с. 18].

Посмотрим, как проявились языковые контакты монгольских и тюркских племен на материалах топонимии. Вопросами взаимодей-

ствия монгольских и тюркских языков занимались Н. К. Антонов, П. П. Барашков, В. И. Рассадин, С. Сыдыков, Б. И. Татаринцев, Ц. Б. Цыдендамбаев и др. Однако в основном ими использован материал апеллятивной лексики. Между тем ономастические данные представляют большой интерес в силу чрезвычайной стойкости и незначительной изменяемости собственных имен [Суперанская, 1970, с. 39]. Так, исследование топонимии Прибайкалья свидетельствует о наличии в ней нескольких пластов, в том числе монгольского и тюркского.

Бытование названий разнородного языкового происхождения (тюркского и монгольского) и в наши дни позволяет говорить о более или менее длительном совместном проживании и хозяйствовании монгольских и тюркских племен в прошлом, поскольку усвоение субстратной топонимической системы возможно только при постепенной ассимиляции одного народа другим, причем усвоение массового топонимического субстрата всегда предполагает промежуточный этап двуязычия ассимилируемого народа [Матвеев, 1972, с. 76].

Взаимодействие языков в топонимике отражает два ряда корреляций — синхронический, представляющий собой соотношение различных, но одновременных фактов субстратных языков (адстрат), и диахронический, фиксирующий взаимодействие компонентов бытующего языка с субстратными.

Анализ топонимии Прибайкалья с точки зрения диахронии позволяет выделить такие типы усвоения тюркских топонимов и географических терминов, как полное усвоение обеих частей названия, частичный перевод, осложнение иноязычными аффиксами. Установление названных типов топонимов свидетельствует о взаимодействии тюркского и монгольского языков, а значит и о контактировании их носителей, т. е. монгольских и тюркских племен.

Анализ тюркских топонимов Прибайкалья в функционально-синхроническом плане позволяет выделить несколько типов. К первому следует отнести, возможно, наиболее древние географические номенклатурные термины в топонимическом употреблении, например: Булэн (р. Белая в Иркутской обл.) от тюрк. *булун* 'залив, излучина реки'; Кули//Куль (реки в бассейне Уды и Селенги) от тюрк. *куль* 'озере'; Туран (ойконим, урочище в Тункинском районе Бурятии) от тюрк. *гуран* 'солончак'; Кай (ороним в Иркутской обл.) от тюрк. *кайа* 'скала, утес'.

Следует иметь в виду, что не любое собственное имя, являющееся географическим номенклатурным термином и функционирующее в качестве топонима можно считать относящимся к данному типу, а только то значение соответствующего апеллиатива которого отражает обозначаемую реалию. В топонимах подобного типа «дифференциация», уточнение при названии реалии оказывается как бы излишним, поскольку, как правило, возникновение топонимов на базе географических номенклатурных терминов связано в основном с различного рода исключительностью обозначаемых объектов.

Топонимы рассматриваемого типа могут быть выделены последовательно и без особых затруднений, например: Тулун (урочище в Иркутской области) от якут. *толоон* 'долина'; Ялга (речка на западном берегу Байкала) от якут. *алга* 'глубокая река с высокими и крутыми берегами'.

Отметим, что свойство быть именем собственным здесь предельно минимально и выражается исключительно в устойчивом соотношении нарицательного географического термина с конкретным географическим объектом при нулевом грамматическом оформлении этого соотношения и чисто апеллиативном указании на категориальность соответствующего объекта.

Ко второму типу мы отнесли топонимы, представленные атрибутивной синтагмой с отвечающим реалиям географическим номенклатурным термином в определяемой части. Например, Ташхай (ойконим в Ольхонском районе Иркутской обл.) происходит от *таш* 'камень' + *хай* (*кай*) 'скала, утес'; Алах-Юрах (гидроним в Иркутской обл.) от *алаха* 'пестрая' + *юрах* (урях) 'река'.

Немало можно привести примеров, где в определяющей части использованы основы монгольского (бурятского) языка: Шаракул (ойконим и гидроним в Тулунском районе Иркутской обл.) от *тала* 'степь, поле, равнина, открытое пространство' + *хай* (*кай*) 'скала, утес'; Хартаг (ороним в Иркутской обл.) от *хара* 'черный, темный' + *таг* 'гора'; Хайлом (гелоним в Иркутской обл.) от *хай* (см. выше) + *улам* 'брод'.

Обращает на себя внимание однообразие средств связи между определяемым и определяющим компонентами. Обычным является использование способа порядка следования (определение, затем определяемое) без какого-либо дополнительного оформления.

Главной качественной особенностью топонимов данного типа по сравнению с предыдущим является более высокая степень свойства «быть собственным именем», обусловленная более высокой степенью индивидуализации в результате наличия дополнительных дифференцирующих определений, грамматически оформляющих соотнесение имени с отдельным объектом. В то же время отметим, что свойства быть именем собственным здесь далеко не исчерпаны в связи с полным или частичным наличием соответствующих апеллятивов, понимаемых в широком лингвистическом смысле.

Заметим также, что приведенные двукомпонентные структуры представляют собой сращенные формы основ, что свидетельствует об их давнем происхождении. При этом можно указать, что определяющая часть каждой синтагмы выражается именем существительным, чаще всего географическим номенклатурным термином, Тогсуг (урочище в Иркутской обл.) от *тог (таг)* 'гора' + *суг* 'вода'. Любопытен топоним Хул нуур букв. 'озеро озеро' от тюрк. *хуль (куль)* 'озеро', бур., монг. *нуур* 'озеро' (в настоящее время данное озеро известно в Бурятии под названием Гусиное). Очевидно, тюркская основа названия предшествовала, так как вторую половину представляет терминированный компонент (ср.: Хухэ нуур, Нухэ нуур). Подобные случаи в топонимии нередки: народ-пришелец, усваивая местные географические реалии, может принять географический термин за имя собственное, добавляя к нему собственный географический номенклатурный термин (к примеру, название оз. Хул нуур букв. 'озеро озеро').

Определяющая часть синтагмы может быть выражена именем прилагательным; в основном используются при этом прилагательные, обозначающие цвет (монг. *шара* 'желтый', *хара* 'черный', *хухэ* 'синий'; тюрк. *алах* 'пестрый', *ах* 'белый').

Встречается в определяющей части названия и имя числительное. Биракуль (гидроним в Иркутской обл.) происходит от *бир* 'один' + *куль (куль)* 'озеро'.

Многочисленна группа названий, где тюркская основа топонима оформлена аффиксами монгольского: Юрохта (ойконим в Тайшетском р-не Иркутской обл.) от *юрок (урах)* 'река' + суфф. -та; Хайта (ороним, гидроним в Иркутской обл.) от *хай (кай)* 'скала', 'утес' + суфф. -та; Аргада (ойконим в Бурятии) от якут. *арга* 'западный' + -да; т. е. здесь возможно говорить о грамматическом оформлении

тюркских топонимических основ словообразовательными элементами монгольского языка.

Более всего воплощают свойство быть именем собственным топонимы, образующиеся путем эллиптирования определяемой части. К данному типу относим названия, возникшие на основе сокращения определяемого компонента (обязательно равного отвечающему реалиям географическому номенклатурному термину), напр. Орда (ойконим в Иркутской обл.) от *орда* 'стан, ставка', 'резиденция, центр', Туран (ойконим, урочище в Тункинском р-не Бурятии) от *туран* 'солончак'.

Перенесение имени с одного объекта на другой (как правило, соседний) в основном обнаруживается тогда, когда определяемая часть представляет собой номенклатурный термин, не соответствующий реалиям (Байтог — ойконим в Иркутской обл. происходит от названия — оронима).

Переосмысление старых топонимов в целях укрепления формальной и смысловой связи между определяемым и определением. Сюда можно отнести переосмысление топонима Тулун (урбаномим в Иркутской обл.). Народная этимология происхождения этого названия возводит к бур. *тулам* 'мешок', и географически это обосновывается довольно убедительно, но на самом деле истоки названия восходят к якут. *толоон* 'долина'.

Выделение типов топонимов облегчает установление качественного и количественного своеобразия топонимии региона, обязанной происхождением и функционированием тому или иному языку; попутно создаются условия для последовательного членении всего топонимического поля.

Исследование тюркских топонимов Прибайкалья с точки зрения структуры, наличия апеллятивов и соответствия их обозначаемым реалиям позволяет заключить, что в прошлом монгольские и тюркские племена тесно контактировали, свидетельством тому служат:

– существование общих географических терминов: *арал* 'остров'; *булак* и *булаг* 'родник, ключ, источник'; *тала* и *дала* 'степь'; *капсагай* и *хабсагай* 'ущелье'; *худах* и *худаг* 'колодец'; *котон* и *хотон* 'хлев, загон'; *мукыр* и *мухар* 'тупик, залив'; *салаа* и *халаа* 'развилка' и т. д. [Мельхеев, 1969, с. 39];

– наличие топонимов-синтагм, содержащих разноязычные языковые компоненты, где в качестве определения использованы апеллятивы монгольского языка: Шаракул, Талахай, Хартаг и др.

Можно утверждать, что тюркское население в Прибайкалье предшествовало монгольскому, поскольку мы наблюдаем бытование названий типа *Хул нуур* и оформление тюркских топооснов аффиксами монгольского языка.

Таким образом, если существует мнение о том, что «чисто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений» [Вайнрайх, 1979, с. 26], то возможно утверждать и обратное — при исследовании этногенетических, социокультурных процессов контактирующих народов вопросы их языкового взаимодействия должны изучаться тоже; результаты таких исследований могут быть использованы как исторические свидетельства.

3.2.6 Русская топонимия в Бурятии

Историческое прошлое южной окраины Восточной Сибири, на территории которой расположена Бурятия, отличается разнообразием, сложностью этнических процессов. Характерной особенностью Забайкалья, в частности Бурятии, является то, что, в отличие от многих других районов Сибири, здесь близко соседствовали многочисленные этнические группы, в течение веков находившиеся в тесных взаимоотношениях и сохранившие при этом свою национальную самобытность [Хомосов, Савельева, 1982, с. 3–14].

В настоящее время, как известно, в Бурятии проживает более 60 наций и народностей. Большое значение для этнографических характеристик различных этнических групп имеют, как справедливо отмечается учеными, лингвистические данные. Ярким тому примером может служить монография языковеда Ц. Б. Цыдендамбаева «Бурятские исторические хроники и родословные» [1972], показавшая существенную роль анализа языка для изучения генезиса бурятского народа.

Много сведений для освещения генезиса того или иного народа дают онимы. Обращение исследователей истории и культуры того или иного народа к данным ономастики вызвано свойством имен собственных к некоторой консервативности. Способность онимов многие столетия удерживать исконные элементы представляет собой ценный источник при сравнительно-историческом исследовании языков, этнографии, истории народа. Особенно интересны в этом отношении топонимы.

Исследование топонимов может помочь в решении таких вопросов языкознания, как историческая грамматика и диалектология.

В свете сказанного остановимся на анализе ойконимов (названий населенных пунктов) Бурятии, образованных на базе русского языка.

Как известно, заселение края русскими началось в XVII в. Несомненно, процесс заселения сопровождался образованием новых поселений, в результате чего в настоящее время около 300 населенных пунктов Бурятии имеют названия на русской языковой основе, что составляет более 30% общего количества ойконимов Бурятии. Отметим, что ряд названий образован под влиянием (все усиливающегося) процесса билингвизма (национально-русского двуязычия).

Предварительный анализ ойконимов Бурятии, образованных на русской языковой основе, позволяет выделить несколько лексико-семантических групп. Большую часть названий составляют отантропонимические ойконимы, в основе которых лежит личное имя или фамилия.

В качестве топооснов используются такие личные имена, как Адам, Агафон, Александр, Иван, Леон, Макар, Максим, Михаил, Нестор, Николай, Семен, Федор, Харитон. Почти не встречаются названия населенных пунктов, в основе которых лежат женские имена. На описываемой территории эти названия единичны: Варваринский (поселок в Баунтовском районе), Мишиха (деревня в Кабанском районе). Правда, во втором случае исходную форму следует отнести к бытовой форме женского прозвания от мужского имени Михаил — Миша. Использование подобных диалектных именовании женщин в качестве ойконимов явление довольно распространенное в топонимии. Аналогично последнему примеру название деревни в Баргузинском районе — Нестериха.

К отфамильным образованиям можно отнести такие ойконимы, как Арсентьево, Бурнашево, Быково, Тургенев, Катково, Карнино, Потанино, Францевский, Шерашево, Шергино и др.

В основе номинации приведения ойконимов лежит, как правило, имя или фамилия первого поселенца. Вместе с тем отмечается возникновение отантропонимических ойконимов и по иным причинам. Так, с целью увековечивания памяти выдающихся революционеров, борцов за советскую власть в Бурятии появились названия поселка Серово, улуса Ранжурово, города Бабушкин.

Следующую тематическую группу ойконимов составляют названия, отражающие духовную культуру народа. К таковым относим ойконимы, возникшие на базе религиозных воззрений: Безбожник, Вознесенка, Николаевский, Троицкий, Троицкое и т. д. Не могли

не сказаться на топонимии края и изменения в социальной жизни населения. Следствием социальных перемен в Бурятии явились названия топообъектов: Комсомольское, Майский, Молодежный, Октябрьский, Первомаевка, Первомайский, Первомайское, Пионерский, Целинный, Юбилейный.

Довольно многочисленна группа названий с использованием слов-ориентиров: береговая, верхний (встречается в 13 ойконимах), нижний (в 11), средний (в 3), поперечное, которые составляют почти 10% общего числа ойконимов.

В русской топонимии Бурятии широко используются терминологические элементы. Прежде всего к ним следует отнести лексемы, связанные с физико-географическими свойствами региона. В составе ойконимов можно выделить группу географических терминов: гор(ный), исток (3 ойконима), ключи, луг(овой), острог, поворот, поле(вой), (по)селье, ручей (2), слобода, топка, усть(е) — встречается в 21 названии, хутор (2), озеро, (за)речье.

Издrevле поселения располагались вблизи водных объектов, поэтому столь часты ойконимы, образованные на основе гидрологических терминов.

В топонимии Бурятии множество названий связано с флорой и фауной края. Ойконимы с русской языковой основой не составляют в этом смысле исключения. Характер растительности отражается в следующих именах собственных: Еловка (2 ойконима), Ельцево, Калиновка, Кедровая, Малиновка, Сосновка (2), Сосновый, Степной, Таежный, Черемушки, Черемушка, Ягодное. Места обитания животных запечатлены в таких названиях, как Выдрино (2), Журавлиха, Кабанск, Окунево, Соболиха, Соболка, Тарбагатай (5).

В ойконимах можно обнаружить указания на характер грунта, минеральных веществ, имеющих в данной местности. На исследуемой территории к подобным названиям относятся: (За)каменск, Каменск, Известковый, Колчеданный, Красноярово, Красный Яр (5), Посольское, Сульфат, Черноярово.

Возможно выделение ойконимов, сгруппированных по принципу большой — малый, старый — новый: Большая Кудара — Малая Кудара, Большой Куналей — Малый Куналей, Большое Колесово — Малое Колесово, Старая Брянь — Новая Брянь, Старая Курба — Новая Курба. Всего ойконимов, включающих элемент большой (-ая, -ое), на территории Бурятии насчитывается 6, малый (-ая, -ое) — 7, новый (-ая, -ое) — 11, старый (-ая, -ое) — 8.

Встречаются названия, соотносимые в пары, где один из компонентов не имеет качественной характеристики, например: Речка и Большая Речка, Жемчуг и Малый Жемчуг, Ильинка и Новоильинск, Селенгинск и Новоселенгинск, Бичура и Старая Бичура, Татаурово и Старое Татаурово, Ключи и Старые Ключи. Мотивация приведенных ойконимов вполне определена, и появление подобных названий объяснимо.

В целом же тематические группы ойконимов представляют собой два крупных объединения — *человек* и *природа* [Молчанова, 1982, с. 88]. Причем, в отличие от топонимов вообще и микротопонимов в частности, лексико-семантическое объединение ойконимов *человек* включает в себя за редким исключением преимущественно отантропонимические образования. Тематическая же группа ойконимов, относящихся к разделу *природа* довольно разнообразна.

В ходе лексико-семантического анализа было установлено, что основными принципами номинации в русской ойконимии в Бурятии были следующие:

– указание на физико-географические особенности местности (рельеф, характер почвы, речная система, флора, фауна). При этом помимо функции ориентиров (Баргузин, Выдрино, Гусиха, Журавлиха, Заречье, Елань, Исток, Кабанск, Камушки, Ключи, Малиновка, Окунево, Прибой, Селенга, Соболиха, Соболка, Солонцы, Сосновка, Сульфат, Таловка, Топка, Черемушка, Черемушки) ойконимы способны отражать и признаки объектов (Байкальское, Береговая, Большой Луг, Верхняя Заимка, Верхняя Иволга, Нижняя Иволга, Горный, Гусиное озеро, Забайкальский, Золотой Ключ, Известковый, Колчеданный, Краснояроро, Красный Яр, Лесовозный, Луговой, Маловский, Полевой, Посольское, Сосновый, Степной, Сухая, Таежный, Талая, Целинный, Черноярово, Ягодное);

– отражение социально-экономических условий края: существование частной собственности породило ряд отантропонимических ойконимов, образованных от имен и фамилий владельцев или первых поселенцев. Кроме того, часть названий населенных пунктов основана на характере именуемого объекта, например: Мельница, Острог, Хутор, Поселье, Новая Деревня. Свидетельством социальных преобразований края являются ойконимы, образованные на основе революционных праздников: Майский, Первомаевка, Первомайское, Первомайский, Октябрьский;

– использование свойств духовного и культурного развития народа. Взять, к примеру, отражение религиозных воззрений (Безбожник, Шаманка; ряд ойконимов, образованных от имен христианского пантеона) или появление серии ойконимов, связанных своим происхождением с именами и фамилиями выдающихся деятелей революции и Советского государства.

Таким образом, ойконимы Бурятии, образованные на русской языковой основе, отражают не только климатические условия и в целом географическую зону, но и, указывая на сферы человеческой жизни и деятельности, несут социальную и идеологическую нагрузку, которая определяется социальными, историческими и экономическими факторами.

Однако приведенные экстралингвистические данные, имея существенное значение для ономастических процессов, позволяют вести исследование онимов, в данном случае ойконимов, как языковых явлений, подобно прочим лексическим единицам.

Географические названия, к числу которых относятся и названия населенных пунктов, являются словами того или иного языка, в рассматриваемом случае русского. Ойконимы, входя в его общую систему, отражают фонетические, морфологические и другие особенности русского языка. Словообразование ойконимов также отражает словообразовательную систему русского языка, приспособленную для топонимических целей.

Уместно вспомнить высказывание известного топонимиста В. А. Никонова о том, что топонимия не изобретала собственных суффиксов, она брала имевшиеся в языке; точнее говоря, язык выделял средства для обозначения географических объектов, а эти средства могли «специализироваться» на топонимии [Никонов, 1962, с. 25].

С точки зрения структуры исследуемые ойконимы в основном относятся к однокомпонентным образованиям. В качестве двукомпонентных структур выступают названия, включающие в себя определения. Во всех случаях определяющая часть названия представлена именами прилагательными из уже известного нам перечня: малый — большой, верхний — нижний, новый — старый. В количественном отношении они составляют приблизительно 18% (56 названий).

Употребление иных лексем в качестве соэлементов двукомпонентного ойконима незначительно. К таковым относятся следующие

щие названия: Барыкино-Ключи, Золотой Ключ, Интигриновая Падь, Кодунский Станок, Красный Яр, Кульский Станок, Окино-Ключи, Речка Выдрино, Сахарный завод, Сосново-Озерское, Степной Дворец, Сухой Ручей, Татарский Ключ, Узкий Луг.

В однокомпонентных структурах в качестве названий выступают в большей части имена существительные в номинативе: исток, камушки, ключи, острог, перила, поворот, половинка, прибор, разезд, хутор, елань и т. д. Встречаются ойконимы, представленные именами существительными в генитиве: Тургенева.

Другие падежные формы имен существительных в ойконимах не зафиксированы. Следует отметить использование форм как единственного, так и множественного числа имен существительных: Камушки, Ключи, Колобки, Солонцы, Черемушки.

Значительная часть ойконимов, образованных в результате субстантивации имен прилагательных: Байкальское, Береговая, Боярский, Брянский, Забайкальский, Ивановский, Лесовозный, Лесозаводской, Луговой, Мостовой, Переемная, Поперечное, Солдатский, Сосновый, Степной, Сухая, Талая и т. д.

Родовая принадлежность ойконимов — адъектива, как правило, зависит от типа именуемого объекта, т. е. если речь идет о деревне, то согласование именной части по отношению к термину требует оформления в женском роде, о селе — в среднем, о городе, поселке — в мужском.

В нашем материале отсутствуют ойконимы, основа которых может быть отнесена к иным частям речи, кроме имен существительных и прилагательных.

Для образований ойконимов использованы такие способы, как лексико-семантический, лексико-синтаксический и аффиксальный.

К ойконимам, образованным лексико-семантическим способом, относятся одноосновные наименования безаффиксального типа. Причем топонимизация отапельлятивных основ производного характера рассматривается в группе названий, образованных лексико-семантическим способом, т. е. определение аффиксальности идет на уровне топонимии. Такие ойконимы, как Безбожник, Безымянка, Горный, Мостовой, Поселье, Холодная, следует отнести к безаффиксальным образованиям.

Лексико-синтаксический способ образования ойконимов включает в себя топонимизацию географических терминов в качестве стержневого слова плюс определение. Определяющая часть обычно

предшествует стержневому слову, например: Большой Луг, Верхняя Заимка, Гусиное озеро, Золотой Ключ и т. д. Как видно из примеров, определяемая часть представляет собой географический номен, обозначающий тип селения, водоем, рельеф местности.

Примером использования лексико-синтаксического способа образования могут служить и ойконимы, представляющие собой соединение двух разных апеллятивных основ в одно имя с сохранением относительной фонетической самостоятельности компонентов: Гусиноозерск, Красноярово, Лесовозный, Лесозаводской, Нижнеангарск, Новодесятниково, Новосретенка, Черноярово.

Наибольшее распространение имеет аффиксальный способ образования ойконимов. В русском языке это наиболее продуктивный способ образования топонимов. Если учесть источники возникновения топонимов, то можно выделить два основных процесса — топонимизацию апеллятива, когда источником географического имени служит имя нарицательное, и трансонимизацию, когда источником собственной имени, в данном случае географического, служит любой другой оним [Подольская, 1983, с. 5].

Рассматриваемые ойконимы позволяют проследить оба этих процесса. Причем при трансонимизации наблюдается переход не только антропонима в ойконим, но и других типов топонимов в ойконимы: Агафон — Агафоново, Арсентий — Арсентьево, Байкал — Байкальское, Георгий — Георгиевское, Забайкалье — Забайкальский, Иннокентий — Иннокентьевна, Макар — Макарино, Саратов — Саратовка, Селенга — Селенгинск.

Но как в первом случае (трансонимизация), так и во втором (топонимизация) используется способ аффиксации, представленный в нашем материале и префиксацией, и суффиксацией. Среди префиксов, участвующих в создании ойконимов, можно выделить следующие: без-, за-, пере-, под-, по-. Например, Безбожник, Закаменск, Заречный, Заречье, Зарубино, Переемная, Подлопатки, Поселье, Разъезд, Засухино и т. д. Семантика этих префиксов указывает в основном на расположение объекта именованного на местности (исключение составляет префикс без-).

К суффиксам, наиболее активно участвующим в образовании ойконимов, следует отнести: -аво, (-ево), -ск, -ин, -к, -овк- (-евк-). Названные суффиксы могут быть использованы в комбинации между собой и с префиксами: Арбузово, Белоозерск, Брянский, Варва-

ринский, Еловка, Ивановка, Михайловка, Никольск, Безымянка, За-сухино.

В целом же структурно-грамматическая характеристика ойконимов свидетельствует о наличии типичных черт в русской топонимии Бурятии, общих с восточнославянскими топонимами вообще. Дальнейшее изучение словообразования в ономастике (топонимике) способно осветить ряд вопросов в исследовании не только онимов, но и апеллятивов.

Предварительное описание лексико-семантических и грамматических свойств русских ойконимов Бурятии говорит о том, что в целом они представляют типичное топообразование, характерное для русской топонимии вообще. Возможно, более детальный анализ ойконимов, а также других разрядов топонимической лексики (гидронимы, оронимы, дримонимы, агроонимы, спелеонимы и т. д.), позволит выявить и специфичное в русской топонимии Бурятии.

Завершая раздел, посвященный обзору и анализу топонимии, заметим, что систематическое изучение бурятской топонимии ставит прежде всего задачу сбора фактического материала. Успешное решение этой задачи немыслимо без применения метода картографического исследования, который включает не только привлечение уже готовых общегеографических и тематических карт, но и создание новых — топонимических. Состояние изученности бурятской топонимии требует составления в первую очередь карт аналитического типа.

Состояние изученности бурятской топонимии ставит задачу определения принципов картографирования топонимического материала. Учитывая характер расселения бурят, диалектную раздробленность языка, представляется целесообразным при картографировании бурятских топонимов руководствоваться следующими принципами:

1. Установление пространственных границ должно основываться на ареальном методе исследования, поскольку зона распространения бурятской топонимии не может быть ограничена ни по административному, ни по физико-географическому признакам.

2. С целью большой доступности материала для широкого круга читателей-специалистов передачу названий на картах осуществлять на русском языке, опираясь на положения существующей «Инструкции по передаче бурятских географических названий на русский язык» [Раднаев, 1965]. При этом следует фиксировать и мест-

ный географический термин как структурный элемент названия, приравнивая его к общепринятому термину.

3. Содержание топонимических карт должно включать такие характеристики как: а) словообразовательные модели (структурные типы); б) грамматические признаки (формы именной части названия); в) семантика названий (лексико-семантические группы).

Важность высказанных положений разделяется рядом исследователей, в частности диалектолог Э. Д. Эрдынеева подчеркивает перспективность включения топонимического материала в лексикографическую работу, справедливо полагая, что топонимия Бурятии служит одним из надежных источников при изучении прошлого местных русских говоров [1995, с. 53]. В подтверждение Э. Д. Эрдынеева приводит слова академика Л. С. Берга, сказанные еще в 1915 г., о том, что «будучи результатом многовековых наблюдений постоянного местного населения и продуктом гениального коллектива, каким является народ, народные термины заслуживают самого внимательного отношения... филологов».

В целом же рассмотренный топонимический материал позволяет распределить известные географические имена по хронологически разным языковым пластам, выявляя последовательность во времени исторически сменяющих друг друга именных форм, определить возникновение аналогичных образований в разных языках, контактировавших с бурятским, а также обнаружить типологические черты бурятских топонимов и их специфику как онимических единиц.

Заметим также, что для этногенетических исследований наибольшее значение имеют лингвоисторический и ареальный методы, применяемые в ономастике и в языкознании в целом. Ономастические данные, как отмечал В. И. Абаев, сами по себе не являются этногенетическим показателем: лишь совпадение ономастических данных с ареальными лингвоизоглоссами имеет бесспорное этногенетическое значение, в дополнение к данным исторических наук.

Методика лингвоисторических и ареальных исследований включает ряд приемов, связанных между собой и взаимно друг друга дополняющих. Обычно картографированию топонимов с этнически определяющим языковым элементом должны предшествовать формальное описание большого массива топонимов, например по финалям; этимологический анализ топонимов; включение топонимов в определенный топонимический ряд.

3.3 Зоонимы

Образование кличек животных в каждом конкретном языке имеет свои особенности. Так, в казахском языке клички образуются путем субстантивации нарицательного названия животного. Например, у нарицательного названия *байшубарат* 'богатый пестротой конь' опускается родовой термин *ат*, затем осуществляется переход в имя собственное — кличку *Байшубар*. Точно так же *кулагерат* 'коричневая лошадь с черной полосой вдоль хребта' *кулагер* > *Кулагер* [Бурханов, 1971, с. 303].

Обзору собачьих кличек у каракалпаков посвятил свою работу исследователь Н. Л. Баскаков [1978, с. 206–209], который отмечает, что исследования по тюркской зоонимии начинаются статьей Н. К. Дмитриева, опубликовавшего статью «Собачьи клички у башкир» еще в 1928 г.

Сведения по зоонимии мы находим в диалектологических материалах ряда исследователей (Баскаков, Дмитриев, Суперанская, Фельдс и др.). Замечено, что в русском языке клички животных образуются от всевозможных апеллятивов, а не только от нарицательного названия животного: *Белка*, *Вербка*, *Терка* и т. д.

Любопытно, что домашние животные разных пород имеют свои, иногда очень глубокие традиции именования. Здесь большое значение приобретает момент специальной культивации и индивидуализации. Например, очень древняя традиция разведения верховых лошадей, специальные конные заводы, индивидуальное выхаживание и выездживание каждой особи привело, пишет А. В. Суперанская, к специальным канонам в их именованиях: стремление к звучным кличкам, содержащим к тому же (орфографически) букву из имени отца и букву из имени матери и нередко начинающимися на ту же букву, что имя матери [1973, с. 179].

Международные традиции собаководства, собачьи выставки, специализация собак в связи с различными службами (охотничьи, служебно-разыскные, комнатные и т. п.) создали своеобразные традиции именования собак различных пород с различной национальной ориентацией и со своими специфическими мотивировками [Сабанеев, 1904].

Исследования по бурятской зоонимии почти отсутствуют, хотя система кличек домашних животных в бурятском языке представ-

ляет определенный научный интерес, особенно в плане взаимодействия между бурятским и русским языками.

В бурятских улусах Прибайкалья до Октябрьской революции животным не давали кличек. Владельцы животных пользовались различными подзывными словами. Так, например, коров подзывали *о-о-о*, кошек — *пи-пи*, собак — *нох-нох* (от бур. *нохой* 'собака'). Исключение составляли охотничьи собаки: Хэрмэшэ от бур. *хэрмэ(н)* 'белка' + суфф. -шэ, Булгаша от бур. *булга(н)* 'соболь' + суфф. -ша.

После Октября появляется сектор общественного хозяйства, в котором разводится высокопородный скот. У племенного скота учитывается родословная по «отцу» и «матери». Поэтому значение кличек возрастает, и начиная с 1930-х гг. в бурятском языке интенсивно развивается система кличек домашних животных, складывающаяся на базе заимствований из русского языка.

Изучение кличек животных в отдельных конкретно взятых языках позволит, как нам думается, установлению зоонимических универсалий. В практическом отношении изучение кличек животных неоченимо. Например, в плане преподавания русского языка в школе, в частности, в разделе правописания имен собственных и нарицательных. На примере кличек животных и названий животных по видам намного проще объяснить различие правописания собственных и нарицательных имен. Выбор кличек заставляет работать над языком, отражает отношение человека к животному, помогая при этом разрешению проблемы воспитания любви в детях к природе (животным).

Теоретическое изучение зоонимов имеет значение в решении некоторых вопросов общей теории имени собственного, в частности в разделе функций собственных имен, освещает вопросы диалектной лексики, словообразования и словотворчества.

3.3.1 Зоонимика как раздел ономастики

Все типы собственных имен научно интересны и имеют одинаковую значимость в разрешении лингвистических проблем. В этом смысле зоонимика — особый раздел ономастики со своими традициями, которые варьируют в значительном диапазоне у разных народов и в разные эпохи [Суперанская, 1973, с. 178].

Однако следует ли определять зоонимы как имена животных в русском языке. С давних пор имена животных в русском языке

принято обозначать словом *кличка*, а потому не лучше ли определить зоонимы как клички животных.

Правда, в бурятском языке нет термина *кличка* и зооним будет определен как *нэрэ*, то есть «имя». Например, *нохойн нэрэ* 'имя собаки', *үнеэнэй нэрэ* 'имя коровы', *гахайн нэрэ* 'имя свиньи'. Но здесь мы видим неодинаковое употребление слова «имя» в бурятском и русском языках, а не подтверждение определения зоонима только как имени.

Сам термин «зооним» получил гражданство в науке о языке сравнительно недавно. Он образован от греческого 'животное' + 'имя' по модели терминов типа *антропоним*, *топоним* и т. д.

Существуют названия или термины животных (конь, корова, овца, свиньи и т. д.), функция которых сводится к обозначению отдельных видов животных, к выделению множества животных одного вида. Клички же животных — зоонимы — служат для индивидуализации животного внутри определенного вила (конь: Серко, Гнедко; корова: Буренка, Апрелька; собака: Бобик, Шарик; кот: Васька, Барсик и т. п.).

Функция зоонимов не только назывательно-различительная, но и призывательная, потому, учитывая эту вторую функцию зоонимов, лучше, вероятно, определить зооним как кличку, а не как имя. Но не следует относить к зоонимам подзывные слова (*цып-цып*, *кис-кис* и т. п.), поскольку они не относятся к разряду имен собственных.

По определению А. В. Суперанской, зоонимы составляют региональную ономастическую систему, и система эта известным образом влияет как на восприятие имен уже существующих, так и на создание новых. Система эта непрерывно меняется и преобразовывается, но в каждый исторический период система обладает внутренним равновесием и взаимно обусловленной «ценностью» составляющих ее компонентов.

Процессы изменения и преобразования усиливаются при сменах этнического и языкового состава населения данной территории, при смене идеологических и политических влияний и т. д. [Суперанская, 1973, с. 12]. Данный вывод подтверждается и на материале бурятского языка.

Наличие кличек отантропонимического, отэтнотонимического, откосмонимического происхождения (Анка, Петька, Васька, Байкал, Урал, Волга, Кама, Казбек, Татарка, Венера, Луна и т. д.) свидетельствует о взаимосвязи зоонимики с другими разделами ономастики.

Зоонимика относится к еще только рождающимся отраслям ономастики. В теоретическом отношении этот раздел ономастики мало изучен. Лишь в последнее время начаты исследования по зоонимии ряда языков. В этих работах обращено внимание на принципы классификации зоонимов по способу образования (Г. А. Архипов, В. И. Иванов), по лексико-семантическому признаку (А. А. Смирнов, К. Н. Бураханов, П. Т. Поротников); рассматривается структурно-грамматическая сторона зоонимов (К. Н. Бураханов, П. Т. Поротников); определяется место зоонимов среди других рядов имен собственных имен (К. Н. Бураханов, А. А. Смирнов, П. Т. Поротников).

Даже беглый анализ кличек в русском, казахском, удмуртском, мансийском и бурятском языках предполагает наличие семантических универсалий. Видимо, одинаково образование кличек от названий крупных домашних животных. Другие семантические поля аппеллятивов — кличек крупных животных в значительной степени связаны с названиями месяцев и времен года, частей суток. Эти клички даются по времени рождения.

Однако не встречается кличка Осень. Объясняется это тем, что в это время года появление телят, жеребят крайне нехарактерно в связи с природно-временными условиями. Рождение животного осенью отмечается как ненормальное явление (теленок, родившийся в сентябре, был назван Поздышком).

Из названий дней недели в качестве кличек употребляется только суббота (Субботка), что объяснено словообразовательной возможностью. Для системы кличек животных казахского языка нехарактерна дача кличек по времени рождения животного. Дело в том, что в казахском языке клички животных представляют вновь становящуюся систему, которая использует еще не все имеющиеся словообразовательные модели кличек животных.

В целом познание зоонимов как определенной ономастической системы может дать ценные сведения для различных отраслей знания (языкознания, истории, географии, этнографии и др.).

3.3.2 Заимствование кличек животных русского языка бурятами

Исконно бурятских кличек нами не обнаружено. В прошлом у бурят существовали лишь названия животных по масти (коровы: *сагаагшан* 'белуха' от *сагаан* 'белый' + суфф. -гшан; *эрезгшэн* 'пеструха' от *эрезн* 'пестрый' + суфф. -гшэн), по какому-нибудь физиче-

скому признаку (коровы: *эбэртэй* 'рогатая' от *эбэр* 'рога' + суфф. -той, *сарнагар* 'растрепанная') или по нраву (*мүргэдэг* 'бодливая').

Все эти названия не выполняли призывательной функции, животные никогда не отзывались на них. Названия эти служили для различения животных их хозяевами. Как указывалось выше, клички домашних животных (коров, свиней, овец, собак, кошек) у бурят — результат влияния русского языка.

Система кличек животных в бурятском языке сложилась на основе заимствования. Заимствованы клички как таковые (Манька, Зорька, Дозор, Бобик), кроме этого, они образуются бурятами из русских апеллятивов. Заимствование это обусловлено историческими факторами: «буряты в силу территориальных, экономических, политических и др. причин должны были все время соприкасаться с русскими» [Боржонова, 1926, с. 3].

Проникновение иноязычных кличек домашних животных в бурятский язык следует объяснить следующими причинами:

1) Отсутствие исконных кличек животных — призывательных именованных. В условиях отсутствия системы кличек животных у бурят и двуязычности их (бурят) удобнее использовать зоонимическую систему языка, имеющего большую традицию, таким языком и является русский.

2) Совместная трудовая деятельность бурят с русскими. Например, на МТФ (молочно-товарной ферме) улуса Куйта (Иркутская обл.) есть две коровы, носящие имя на бурятском языке и кличку на русском: Елтогор 'кривая, изворотливая' — имя, кличка — Вережка; Хумхай 'жадная' — имя, кличка — Маринка. Имена даны дояркой-буряткой, но, чтобы кличка была приемлема в произношении для всех (русских, бурят, татар, работающих на данном предприятии), дается она на русском языке. Имя в данном случае с точки зрения экспрессии очень выразительно.

Не везде бурятский язык подвергся влиянию русского одинаково. Наиболее сильному влиянию подвергся язык бурят Западного Прибайкалья (Усть-Ордынский бурятский национальный округ Иркутской области). А у бурят Забайкалья влияние русского языка в образовании кличек домашних животных выражено менее слабо.

В восточных районах Бурятии (Забайкалье) замечено появление кличек животных с бурятской языковой основой. К примеру, зафиксировано появление таких кличек в Тункинском районе Бурятии: Малаадай 'беломордая', Сагаадай 'белянка'. Объясняется это тем,

что в составе населения этих районов в процентном соотношении значительно преобладают буряты. Но все же влияние русского языка в области зоонимии ощутимо и здесь: исчезли клички охотничьих собак, даваемые на бурятском языке. Собакам теперь даются только русские клички.

3.3.3 Образование кличек животных в бурятском языке

Бурятские клички домашних животных построены по следующим моделям:

1) от русских апеллятивов чаще суффиксальным способом. Самый продуктивный суффикс -к- (Голубка, Зойка, Майка, Милка, Дамка, Розка).

Часто суффикс -к- встречается в кличках в сочетании с другими суффиксами в составе сложных формантов -ушк-, -ишк-, -анк-, -янк-, -инк-, -очк- и т. п. (Чернушка, Малышка, Пузанка, Бусинка и т. д.). Реже представлены суффиксы -ун-, -ут-, -ул-, -ак- (Крикун, Анюта, Красуля).

Однако этот способ образования кличек основан на использовании суффиксальных апеллятивов, и первичность основы у подобных кличек установить трудно. Более вероятно считать кличками суффиксального образования такие клички, как Веснушка, Пузанка, Красуля и т. п.

2) Распространен безаффиксный способ образования (Весна, Верба, Зима, Победа, Ракета, Борзя, Мальчик, Соболь, Маяк и т. д.).

3) Редки случаи образования кличек путем усечения слов (июнь — Июнька — Юнька — Юня, февраль — Февралька — Вралька — Вряля, т. е. усечены уже сами клички, образованные от соответствующих апеллятивов, но при этом наблюдаем образование новых кличек).

3.3.4 Семантическая характеристика кличек животных

Как и любое другое имя собственное, каждый зооним имеет свою мотивировку. Принципы номинации животных самые различные. По мотивированности в зависимости от семантики соответствующих апеллятивов клички домашних животных следует разделить на:

А. Зоонимы, мотивы дачи которых выражены по отношению к называемому объекту. Это такие зоонимы, соответствующий апеллятив которых обозначает тот или иной признак десигната, так или иначе связан с характеристикой самого животного. В этом смысле возможно выделение следующих семантических групп зоонимов:

– обозначающие масть животного (Белянка, Пеструшка, Рыжуха, Чернуля, Рыжик):

– указывающие на особые приметы и рост животного (Комолая — нет рогов, Лыска — имеется пролысина, Малютка — родилась слишком маленькой, Пузанка — раздутое брюхо, Великан — очень внушительных размеров);

– характеризующие нрав и темперамент животного (Ласка, Умница, Послушница, Буян, Глупыш, Хитрюля);

– свидетельствующие о времени рождения животного (время года: Весна, Зима, Лето; месяц года: Апрелька, Декабряна, Июнька, Июлька, Майка, Марта, Ноябрьна, Февралька, Январька, Январина; дни недели: Субботка, время суток: Зорька, Ночка).

Сюда же, к типам зоонимов, мотивы дачи которых выражены по отношению к называемому объекту, следует отнести клички, мотивированность которых объяснена обстоятельством, имеющим отношение к животному. Соответствующий апеллятив зоонима не содержит в себе понятия, определяющего тот или иной признак животного, но служит выражением связи животного с тем или иным обстоятельством. К таким зоонимам относятся:

– зоонимы, запечатлевшие различные ситуации, связанные с выращиванием животного или его появлением на свет (Первинка — первая телочка у коровы, бык Поляк — родился на поле; собаки Найда — щенка нашли случайно, Подарок — подарили щенком; Туман — теленок, родившийся в сильный туман);

– зоонимы, отражающие отношение владельца к животному (Жданка, Нежданка, Милка, Дружок, Забавка).

Б. Довольно многочисленны зоонимы, мотивированность которых не имеет непосредственного отношения к называемому объекту. Мотивами дачи таких кличек могут послужить:

– желание владельца животного запечатлеть то или иное событие, важное для него, но не имеющее никакого отношения к десигнату (Космос — бык назван в связи с совершившимся космическим полетом; Радий от радио, теленок так назван мальчиком, занимающимся радиотехникой; Победа — телочка, названная дояркой в честь победы в соревновании; Стройка — телочка названа в связи с тем, что в момент, когда она родилась, в деревне начали строительство нового клуба);

– клички животных, ставшие известными из художественной литературы и других печатных изданий, кино (Белка и Стрелка —

клички собак, ставшие известными после космического полета этих собак; Сивка — часть имени коня из сказки Ершова «Конек-Горбунок»; Мухтар — кличка собаки, ставшая популярной после кинофильма «Ко мне, Мухтар!», Тузик — кличка собаки, известная по названию конфет);

– от имен героев художественных произведений и произведений искусств, особенно популярных в определенный период (Енька — кличка коровы, полученная в период появления очень популярного массового танца «Летка-Енька», Лада — кличка коровы по названию тоже очень популярной в свое время песни «Лада»; Руслан — бык и даже корова Русланка по имени героя поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», Мурат — кличка быка по повести Л. Толстого «Хаджи-Мурат» и т. п.). Часто в функции кличек выступают имена исторические. Однако употребление таких исторических имен, как Аврора, Варяг, Жанна, Смольный, в роли кличек крайне нежелательно, между тем как эти имена довольно часто выступают в роли кличек.

Осудительна установленная мотивированность кличек барана Антон и овцы-ярочки Софья, названных, как оказалось, по именам известных педагогов Антона Макаренко и Софьи Ковалевской. Эти животные (баран Антон и ярочка Софья) родились *хошоо* — «двойней» в День учителя, в честь чего и получили свои имена-клички. Или, к примеру, кличка коня Лазо выглядит, на наш взгляд, оскорбительно по отношению к выдающемуся революционеру Сергею Лазо.

В. Мотивированность кличек может быть определена оттопони-мическими причинами. Животное получает кличку, указывающую на отношение географической характеристики (овца Лучинка названа так потому, что была привезена из деревни Лучинск, Ангара — корова, родившаяся на реке Ангаре, Байкал — собака, названная по озеру Байкал, находящемуся в относительной близости).

Г. Фонетические свойства апеллятивов, используемых в качестве зоонимов, легкость произношения и их звучность могут стать мотивом дачи кличек (Аккорд, Полет, Ракета, Рампа, Рокот, Салют, Сирена, Айна и т. д.). Нет надобности определять, от какого именно апеллятива образована кличка. Независимо от того, что обозначает кличка-апеллятив: род занятий человека (Директор, Моряк, Пират), название различных животных, птиц, рыб (Зебра, Змейка, Галка, Килька, Чайка), название растений, цветов, ягод, фруктов, овощей

(Ромашка, Пальма, Клюква, Ранетка, Капуста, Груша), название природных явлений (Гроза, Гром, Прибой, Ураган), название орудий труда и различных предметов (Гайка, Тяпка, Линза, Магнит), музыкальные инструменты и термины (Гитара, Баян, Нота, Соната, Квартет) и т. д. — для всех подобных примеров использование апеллятивов в качестве кличек домашних животных мотивировано их звучностью в произношении.

Д. Следует выделить зоонимы, мотивированность которых метафорична. Сюда входят клички домашних животных, непосредственно характеризующие десигнат, но характеристика эта основана на сравнении (собака Бусинка — малой величины, конь Ветерок — быстро бегают, корова Липа — названа так не потому, что имеет что-то общее с деревом липа, а потому, что родилась раньше предполагаемого срока, отчего и получилась вроде липовой, Снежок — пес с белой пушистой шерстью, Кнопка — необычно маленький теленок).

В основу метафоры при номинации животного может быть положено, как видно, и физическая особенность, и особенность темперамента, и необычные обстоятельства рождения животного. Но метафора может и не содержать характеристики животного. В основу метафоры может быть положено другое обстоятельство (корова Опешка — названа по имени дояра, принимавшего теленка. Дояра звали Апрелом, но в деревне он известен как Опээ, Опээшка, отсюда и кличка коровы Опэшка).

Е. Порой невозможно определить мотивы дачи тех или иных кличек, и в связи с этим выделяется группа зоонимов с неясными мотивами:

– от случайных слов, чаще непонятных (Омра, Кутияня, Культыпка, Зозуля и т. п.);

– множество зоонимов отантропонимического происхождения (Борька, Васька, Валя, Катя, Дуська, Нинка, Фенька).

В отдельных случаях мотивированность отантропонимических зоонимов определить удается (Анюта — телочка, родившаяся в день смерти бабушки Анны; Славка — телочка, названная мальчиком в честь друга; Санька — бычок назван в честь пастуха), но чаще всего мотивы подобных кличек не ясны;

– зоонимы, апеллятивы которых недостаточно звучны, чтобы их можно было отнести к мотивированным кличкам домашних животных (Пешка, Шашка).

3.3.5 Клички животных индивидуального и общественного хозяйств

Клички животных индивидуального и общественного хозяйств отличны. В индивидуальном хозяйстве установить мотивы дачи кличек намного проще. В основном мотивированность кличек животных индивидуального хозяйства всегда понятна, объяснима. Этого же нельзя сказать о мотивированности кличек животных общественного хозяйства. В общественном хозяйстве существуют клички, мотивированность которых невозможно объяснить.

Различие кличек животных общественного и индивидуального хозяйств наблюдается не только в определении мотивов выбора кличек. Различие заключено и в назывании отдельных видов скота. Так, в хозяйстве общественном овцы не имеют никаких кличек, а в индивидуальном хозяйстве овцы не только имеют клички, но и сам процесс номинации этого вида имеет особенности. У одной семьи овцы, независимо от их количества, зовутся одной кличкой. Так, например, у Е. В. Даргеевой (Иркутская обл.) в хозяйстве 5 овец (самцы и самки) имеют одну кличку Маня, у В. М. Бажеева 8 овец под одной кличкой Валя, а у К. Б. Башкуева 12 овец кличутся одинаково — Катя.

Для хозяина совсем неважно выделять каждую овцу, так как овцы одного хозяина всегда вместе, и стоит дать одну кличку, на которую будут отзываться все. В данном случае мы наблюдаем явление функционирования клички в качестве своеобразной «фамилии».

Каждая корова в индивидуальном и общественном хозяйствах имеет кличку, при этом коровы общественные помимо клички имеют еще и инвентарный номер (бирка и клеймо).

Лошадей в индивидуальном хозяйстве, как правило, нет. В хозяйстве общественном каждая лошадь имеет и кличку (Серко, Васька, Алмаз), и инвентарный номер.

Свиньи в индивидуальном хозяйстве различаются по кличкам. Причем клички эти повторяющиеся многократно, почти все — Машки, Васьки, Борьки.

У кур ни в индивидуальном хозяйстве, ни в общественном кличек нет, в этом нет никакой необходимости: хозяева используют обычно лишь подзывные слова.

В целом различие в процессе номинации отдельных видов скота (животных) обусловлено способом ведения хозяйства в секторе общественном и индивидуальном.

3.3.6 Взаимодействие бурятского и русского языков на материале зоонимии

Система кличек животных представляет большой научный интерес при исследовании взаимодействия между бурятским и русским языками. Влияние русского языка на бурятский особенно сильно, что объяснимо многовековой традицией русского языка как одного из самых развитых языков мира. Лексика русского языка оказывает глубокое воздействие на фонетическую и морфологическую структуру бурятского слова, но вместе с тем заимствованные бурятским языком слова русского языка подверглись сильной фонетической модификации. Воздействие же бурятского языка на слова русского отмечено в области морфологии.

В словообразовательном плане клички домашних животных в зоонимической системе бурятского языка представляют однокомпонентные образования. Причем в состав клички входит только один корень (Волна, Гроза, Вулкан, Муза, Туман). Нет кличек — сложных слов, которые представлены в зоонимической системе русского языка.

Относительно слогового состава заметно преобладание двусложных кличек (Берти, Волга, Данька, Кама, Майка, Симка, Сливка, Фенька). Процент таких кличек в исследованном и проанализированном материале составляет 71.

Менее представлены клички трехсложные (Малютка, Первинка, Снежинка, Куколка, Хитрая) — их 27%. Случаи четырехсложных зоонимов единичны (Чародейка, Рекордистка, Ноябрьна, Декабрина, Февралина).

Двуслойных кличек домашних животных в бурятском языке нами не обнаружено, в отличие от имеющихся подобных в русском языке [Поротников, 1972, с. 244].

подавляющее большинство кличек домашних животных — имена существительные (Верба, Зорька, Колба, Марта). Очень редко зоонимы происходят от прилагательных (Веселый, Грозный, Камолая, Шальный). Чаще прилагательные в роде зоонимов, субстантивирясь, изменяют форму (нежная — Нежна, важная — Важна).

Существуют зоонимы, образованные от глагольных аппеллятивов (собаки Карай, Узнай).

Распределение по родам соответственно половым признакам животных не всегда соблюдается. Но преимущественно клички самцов — существительные мужского рода.

Познание второго языка, в данном случае русского, — это длительный процесс. Продолжительность этого периода усвоения зависит от конкретных условий и обстоятельств. В процессе усвоения русских слов бурятами наблюдается приспособление иноязычных слов к фонетической системе родного языка. В частности, ударный гласный реализуется как долгий (русск. Хитрая — бур. Хиигэр, Находка — Нахоотха).

Безударный гласный реализуется как краткий (рус. Туман — бур. Тумаан). Это явление объясняется тем, что долгота и краткость выступает как фонологический признак в бурятском языке (*хана* 'стена', *хаана* 'где').

Для бурятского языка, как известно, не характерен начальный плавный, дрожащий и сочетание согласных. В случаях, когда это имеет место в заимствованиях, возникает звуковой процесс — протезирование (русск. Ласка — бур. Алаасха, Рябушка — Альбууша, Жданка — Аждаанха). Причем такое начальное приращение происходит с учетом закона сингармонизма гласных по ряду.

Наблюдается переход взрывного заднеязычного *К* в фрикативный *Х* в начале и в середине слова (Катька — Хаатьха, Кнопка — Хноопха, Гайка — Гайха).

Бурятский язык не знает фрикативного *Ф*, он переходит во взрывной *П* (русск. Февралька — бур. Пибраальха, Факел — Паакил).

Все эти фонетические особенности адаптации русских слов в бурятском языке были отмечены исследователями А. Н. Боржоновой, Ц. Б. Цыдендамбаевым, Р. Х. Харташкиной и др. Выявленные ими особенности фонетической адаптации русских слов в бурятском языке подтверждаются на материале зоонимов. Конечно же, следует заметить, что влияние родного языка сказывается в большей мере в речи старшего поколения, в речи же молодого поколения эти особенности наблюдаются редко.

Адаптация русских слов в бурятском языке в области зоонимии не ограничивается только фонетической стороной. Морфологический анализ кличек домашних животных показал, что заимствование бурятами русских слов в роли кличек имеет свои особенности.

В бурятском языке отсутствует грамматическая категория рода. Вероятно, поэтому слова, которые могли стать кличками самцов в русском языке, в бурятском функционируют как клички самок (коровы Бык, Жемчуг, Пулемет), а у кличек самцов род соответствующий

шего исходного апеллятива женский (бык Дункан — по имени танцовщицы Айседоры Дункан, пес Разведка). Отсутствие грамматической категории рода в бурятском языке повлекло за собой явление нейтрализации родовых различий при заимствовании бурятским языком некоторых русских кличек.

В бурятском языке не бывает слов с окончанием на -ый, -ой, -ий, потому клички русского языка в бурятском произносятся следующим образом: русск. Шалый — бур. Шаала, Смелый — Асмеела.

Не обнаружено в зоонимической системе бурятского языка кличек — сложных слов, имеющих в системе русского языка (Белолобый, Белоножка, Черноглазка). Заимствовано то, что проще усваивается, удобно в произношении.

Однако дальнейшее сближение наций, овладение бурятами вторым языком (русским), развитие процесса двуязычия в бурятско-русской среде предполагает исчезновение фонетико-морфологических особенностей заимствования из русского языка бурятским, поскольку уже сейчас в речи молодого поколения в заимствованных словах влияние родного (бурятского) незначительно.

Анализ системы кличек домашних животных в бурятском языке позволяет установить следующее: клички домашних животных у бурят возникли в результате социально-экономических перемен в жизни; заимствование бурятами русских кличек животных — следствие совместной трудовой деятельности бурят с русскими; бурятские клички домашних животных образуются от апеллянтов русского языка аффиксальным и безаффиксным способами; классификация зоонимов по семантике соответствующих апеллятивов предусматривает выделение таких типов зоонимов, как зоонимы с мотивами, выраженными по отношению к десигнатам, зоонимы с мотивами, не имеющими отношения к называемому объекту, зоонимы, мотивированность которых заключается в фонетической особенности исходных апеллятивов, зоонимы с метафорическими мотивами и зоонимы с неясными мотивами; структурно-морфологическая сторона зоонимов бурятского языка во многом сходна с зоонимической системой русского языка, но имеет и отличия; различие в процессе номинации отдельных видов скота обусловлено способом ведения хозяйства в секторе общественном и индивидуальном.

Лингвистический анализ зоонимической системы бурятского языка свидетельствует о том, что процесс номинации животных отражает культурно-образовательный уровень народа. Как и все име-

на собственные, зоонимы — та часть лексики, которая поддается регулированию. Порою регулирование просто необходимо. Возможно, для этой цели требуется создание или составление словника апеллятивов, рекомендуемых для образования новых кличек животных. Дальнейшее изучение зоонимии должно поставить эту задачу, решение которой будет иметь, на наш взгляд, немаловажное практическое значение.

Представляется весьма интересным исследование зоонимов в плане глобальном. Результаты зоонимических исследований на территории Урала, Поволжья, Удмуртии, Казахстана и др. предполагают существование лингвистических универсалий зоонимов, установление которых — задача ближайшего будущего. Результаты таких исследований, как установление принципов номинации животных, определение функций зоонимов, имеют важное значение для ономастической науки.

3.4 Космонимы

Космические объекты (звезды, созвездия, планеты) обратили на себя внимание еще в глубокой древности, и уже тогда человечество наделило их названиями. Разумеется, названия получали лишь те объекты, которые выделялись чем-то существенным. Поскольку космические объекты служили пространственными ориентирами, а иногда и временными, то изучать их стали очень рано. Изучение небесных тел было продиктовано практической необходимостью повседневной жизни людей, их борьбы с силами природы. Наука о звездах астрономия появилась раньше многих наук, чего нельзя сказать об астрономике (космонимике) — науке, которая изучает названия небесных тел.

Этот раздел ономастики пока что мало разработан; нет и достаточно четкой терминологии. Она только оформляется. Одни авторы называют этот раздел ономастики космонимикой, другие — астрономикой. В «Словаре русской ономастической терминологии» П. В. Подольской даны два термина для названия объектов этой науки: космоним и астроном, а для обозначения самой науки автор дает одно определение — астрономика [1988, с. 41]. Представляется, указывает А. В. Суперанская, что конкурирующие термины *космонимия* и *астрономия* должны поделить между собой «сферы влияния» [1973, с. 188].

По мнению Л. В. Суперанской, космические дали необозримы и бесконечны, в связи с чем термин *космонимия* может быть принят как более общий, включающий названия галактик, звездных скоплений, туманностей, созвездий. Термин *астронимия* может быть закреплен за названиями отдельных небесных тел: звезд, планет, астероидов, комет [Там же, с. 188]. Любопытно предложение ученого о необходимости введения более частного термина *астротопонимия* по аналогии с существующими терминами — *астроботаника*, *астрофизика*.

Наметившуюся тенденцию разграничения указанных выше терминов (астрономия и космонимия) фиксирует в своей работе Н. В. Подольская: астроним — вид онима. Собственное имя отдельного небесного тела, в том числе звезды, планеты, кометы, астероида (планетоида), примеры: Солнце, Луна, Земля, Меркурий, Полярная звезда, Венера, Марс, Вега, Эрос, Цицера; кометы: Энке, Фая, Галлея; происходит от греч. астер — «звезда», ср. астрономия, астрология [1988, с. 41]. Космоним — вид онима. Собственное имя зоны космического пространства, галактики, звездной системы (созвездия), части созвездия. Примеры: Большое Магелланово Облако, Большая Медведица, созвездие Орел, созвездие Волопас, созвездие Дева, созвездие Орион. Происходит от греч. космос «упорядоченность, порядок; мировой порядок; мироздание, мир; небесный свод» [Там же, с. 68].

Закрепление разграничения терминов *астроним* и *космоним* (соответственно астронимия, топонимия и астронимика и космонимика) представляется достаточно обоснованным, и, возможно, в дальнейшем дифференциация этих общих (родовых) понятий будет необходима, но на сегодня большинство исследователей такого деления не придерживается, употребляя либо тот, либо другой термин для обозначения науки о названиях небесных тел.

Вслед за В. Д. Бондалетовым, Ю. А. Карпенко, В. А. Никоновым, М. Э. Рут мы используем термины *космоним*, *космонимия*, *космонимика*. Замечено, что космонимы больше похожи на топонимы, они так же «привязаны» к пространству, представляя своеобразную «небесную топонимию». Главным отличием космонимов от топонимов является то, что их объекты в принципе одни для всех народов. Они межнациональны, интернациональны. Отсюда и коэффициент интернационального в космонимии значительно выше, чем в топонимии и других областях ономастики.

Интересны наблюдения Ю. А. Карпенко, который, анализируя названия Большой Медведицы в разных языках и регионах мира, пришел к выводу о том, что «100 тыс. лет назад люди уже разговаривали, и в языке их уже было название медведя. Это важный вывод, поскольку споры о времени возникновения языка дают очень пеструю хронологическую картину. И созвездие Большая Медведица подсказывает: говорить о том, что человеческий язык возник 20 тыс. или 50 тыс. лет назад, уже нельзя. В то время созвездие свою схожесть с медведем утратило, и поэтому такое название возникнуть не могло бы. Названия звезд не только раскрывают свои секреты при языковом их анализе, но и сообщают кое-какие сведения о языке» [1981, с. 31–32].

Отнесение названия к столь далекому периоду основывается на том, что теперь созвездие ничем не похоже на «медведя (медведицу)» — оно похоже на ковш, на повозку, на некоторые другие предметы, а в прошлом его конфигурация, как установили астрономы, напоминала медведя. «Именование созвездия «Медведем» появилось, можно полагать, в нескольких местах северного полушария независимо друг от друга. Конфигурация семи ярких звезд созвездия в отдаленной древности напоминало фигуру медведя, отчего и возникло название. Данная схожесть в связи с относительным перемещением звезд исчезла около 80 тыс. лет назад. Название, таким образом, могло возникнуть лишь до этого времени» [Карпенко, 1978, с. 191].

Развитие астрономии и космонавтики приводит к тому, что возрастает и весомость, значимость космических названий. Если для человека XIX в. имя Венера по преимуществу обозначало богиню любви (А. С. Пушкин 23 раза употребил в своих произведениях слово *Венера* с этим значением, а о планете Венере упомянул лишь однажды), то в наше время название Венера прежде всего ассоциируется с планетой Солнечной системы, а уж затем — с античной богиней [Карпенко, 1985, с. 4].

Космонимы — не просто знаки для различения космических объектов. Это названия, дающие нам представление о том, как в древности понимали небесные тела, о старинных космогонических концепциях и о практическом использовании звездного неба для ориентации во времени и пространстве.

Названия космических объектов можно изучать в семиотическом плане с точки зрения теории номинации, в плане отражения в них

хозяйственного уклада народов, их мировоззрения, мифологических или иных представлений; исследование истории и географии космонимов способно дать материал для суждения о взаимосвязях между народами в ходе длительного исторического развития.

Остановимся на лингвистической характеристике бурятских космонимов. Бурятская космонимия представлена эквивалентами общеизвестных названий звезд, созвездий и планет. К числу таковых относятся:

– **названия планет**

Венера — в бурятском ей соответствуют варианты: *Баасан* от тиб. *баасан(г)* 'пятница', *Сугар* от санскритск. *Сугар*, *Солбон(г)* // *Солбон Одон* // *Солбоной Туяа* букв. 'планета Венера' // 'Утренняя Звезда' // 'Утреннее Сияние', *Уүрэй Солбон* 'Утренняя Заря';

Марс — *Мигмар*//*Мягмар* от тиб. *мягмар* 'вторник';

Меркурий — *Пагба* от тиб. *лхагва* 'среда';

Юпитер — *Пүрбэ* от тиб. *пүрэв* 'четверг'

Сатурн — *Бимба* от тиб. *бямба* 'суббота'.

– **названия звезд и созвездий**

Млечный Путь — *Тэнгирийн Оёдол* 'небесный шов' от бур. *тэнгэри* 'небо, небеса' и *оёдол* 'шов'; *Тэнгэрийн Зүйдэл* от тэнгэри (см. выше) и *зүйдэл* 'шов' (в хор., сел. диалектах);

Полярная звезда — *Алтан Гадахан* от бур. *алтан* 'золото' и *гадахан* 'кол, колышек; свая'

Большая Медведица — *Долоон Үбгэн* 'семь старцев' от бур. *долоон* 'семь' и *үбгэ(н)* 'старик'; *Долоон Бурхан* 'семь божеств' от бур. *долоон* (см. выше) и *бурха(н)* 'бог; божество';

Созвездие Плеяды — *Суг Мүшэн* 'созвездие' от бур. *суг* 'вместе' и *мүшэ(н)* 'звезда'; *Ялагар Одонууд* 'сверкающие звезды' от бур. *ялагар* 'сверкающий, блестящий' и *одо(н)* 'звезда', *Одонууд* 'звезды'; *Боон* 'связка' от бур. *бөөн* 'связка, пачка, кипа'; *Бөөн Мэшэн* 'кипа звезд';

Созвездие Орион — *Гурбан Марал* 'три марала' от бур. *гурбан* 'три' + *марал*; *Гурбан Бараа* 'трое сопровождающих' от бур. *гурбан* (см. выше) и *бараа болохо* 'состоять в свите; сопровождать'.

В плане определения мотивов номинации звезд и созвездий возможно выделение следующих признаков: время появления на небе, цвет, изменчивость блеска, особенности движения, количество звезд в созвездии и некоторые другие. Обращает на себя внимание

метафорические сближения с различными предметами земной реальности.

К сожалению, бурятская космонимия, как и космонимия других языков, собрана пока еще в очень скромном объеме. Между тем изучение космонимов способно осветить многие вопросы общетеоретических вопросов ономастики и лингвистики в целом. В частности, «объективный» характер космических тел и «субъективное» отражение космических объектов в языке представляют большой интерес как часть духовной, культурной и мировоззренческой жизни народа.

В этой связи уместно, на наш взгляд, привести высказывание В. А. Звегинцева о том, что «факторы, обуславливающие образование созвездий, можно, очевидно, свести к следующим: человек, во-первых, познает их посредством органов зрения (он способен их видеть) и, во-вторых, он видит их под тем углом зрения, который обеспечивает человеку его пребывание на Земле... В действительности звезды, объединяемые в созвездия, обычно не имеют между собой ничего общего... Но то обстоятельство, как их видит человек, позволяет ему группировать звезды в вышеназванные созвездия. Следовательно, между действительным бытием звездного неба и осознанием этого бытия человеком включается предпосылка, которую можно назвать “земным видением”» [1962, с. 306].

Человеческий путь познания всегда сопровождался словом. Все свои открытия и победы человек обозначал средствами языка — именовал. Без таких именовании трудно думать о накоплении знаний, представить передачу этих знаний последующим поколениям.

Поэтому, живя в реальном мире, мы вместе с тем живем в мире слов, обозначающих этот реальный мир и все его компоненты. Человеческая мысль одарила названиями ночной небосклон, всю Солнечную систему. Названия эти помогают нам разобраться в непростой картине мироздания. Более того, в названиях небесных тел, в их историческом развитии мы находим отражение очень древних взглядов на строение мира.

Исследователи отмечают, что космические названия, известные с древнейших времен, шли в своей семантике одним путем, который может быть условно обозначен так: «земля — небо — земля». Сначала это были названия земных предметов и явлений, социально существенных реалий. Затем они получили мифологическое истол-

кование. Позже космические названия стали порывать с мифологией [Карпенко, 1983, с. 169].

Говоря об историзме ономастической номинании, В. А. Никонов указывает: «Космонимия как раз особенно ярко убеждает, что для всей ономастики верен тезис: название, каждое название, не присуще называемому объекту, а прикреплено к нему человеческим обществом и характеризует не столько сам объект, сколько называющих. Все названия космических объектов даны с земли и отражали земное. Охотничьи племена дали созвездию название Стрелец, скотоводческие заселили небо табунами коней. На небо перенесены сани, коромысло, даже старый лапоть: у южной части удмуртов созвездие Корона (оно же Северный венец) называлось Исьникут-кизили; *кизили* — 'звезда', *исьникут* — 'изношенный лапоть' [1973, с. 373].

В своей работе «География названий Млечного Пути» исследователь с сожалением замечает, что во всей обширной мировой литературе по космонимии до сих пор нет ни одного глобального исследования хотя бы даже по крупнейшим космическим объектам, не говоря уж о системах космонимов [Никонов, 1980, с. 242–243]. К таковым, по всей вероятности, возможно отнести монографию Ю. Л. Карпенко «Названия звездного неба» [1981], посвященную собственным именам космических объектов — от Млечного Пути и созвездий до астероидов и спутников планет.

Автор монографии вполне справедливо считает, что названия небесных тел свидетельствуют о прошлом времени и месте своего возникновения. Выявить и расшифровать их, прочесть смысл названий — интересная, хотя и трудная задача. Она как будто облегчается тем, что многие космические названия — обычные, понятные нам слова: созвездия Лебедь, Лев, Близнецы, галактика Водоворот. А другие непонятны лишь потому, что взяты без перевода из арабского, греческого или латинского языка. Названия звезд Денеб и Ригель в переводе с арабского означают 'хвост' и 'нога', а звезды Капелла и Мира — по-латыни 'козочка' и 'удивительная'.

Но это кажущееся облегчение. После расшифровки смысла названия всегда остается трудный вопрос: почему. И суть этого вопроса не в том лишь, каким образом, скажем, созвездие получило название Лев. Ведь его можно сформулировать и так: почему именно Лев, почему данный объект назван так, а не иначе? [Карпенко, 1981, с. 5].

Почти все космические названия ныне «молчат». Их исторический смысл либо вообще скрыт от современному человека, либо открыт лишь своей поверхностной стороной. Однако если разобраться в языковых связях и условиях появления этих названий, то они расскажут нам много интересного, любопытного и поучительного.

Появившийся в 1883 г. заключительный том «Очерков северо-западной Монголии» выдающегося русского исследователя Г. П. Потанина ввел в научный оборот необычно широкие для того времени космонимические параллели [Потанин, IV, 138, с. 740–742]. В 1899 г. появляется работа Р. Аллена, включающая космонимы вавилонские, античные, арабские, китайские, европейские и другие, известные по публикациям.

В бурятском языкознании сведения о космонимах содержатся в публикациях, посвященных исследованию говоров бурятского языка, в частности тункинского [Абашеев, 1965, с. 30], эхирит-булагатского [Матхеев, 1968, с. 39–40], качугского [Митрошкина, 1968, с. 69] и др. Следует заметить, что перечень космических объектов в приведенных работах идентичен и аналогичны сами названия.

Общность семантики космонимов замечена в монгольских языках в целом. К примеру, анализируя названия созвездия Млечный Путь в разных языках, В. А. Никонов указывает на то, что различие названий не означает различия представлений, так же как и тождество названий не означает тождества представлений. Это не совсем одно и то же. Слово, став именем собственным, приобретает значение «вот этот объект». При этом он может сохранить и свое прежнее значение, а может и полностью утратить его. Название «Млечный Путь» в сознании русского обозначает сам космический объект и одновременно может вызывать ассоциации с дорогой молока, а для иностранца, читающего русскую книгу со словарем, название Млечный Путь обозначает определенный космический объект, но совсем не связано ни с молоком, ни с дорогой; так и русский может знать, что монг. *Тэнгэриин оёдол* — это Млечный Путь, зная, что этимологически это 'небесный шов'.

Заметим, что в плане семантических типов названия созвездия Млечный Путь в разных языках существуют следующие значения: «Путь похитителей соломы» (иранск., славянск., финно-угор., тюркск.), «Путь птиц» (славян., финно-угор., тюркск.), «Лыжный след» (финно-угор., тунг.-манч.), «Река» (санскр., кит., корейск.,

чукотск., корякск.), «Дорога животных» (осетинск., груз., абхаз., чеченск., нанайск.), «Небесный шов» (монг., бур., калм., сибирск., тюрк.).

По мнению В. А. Никонова, каждый из очерченных огромных семантических ареалов названий Млечного Пути отражает былую общность населения. В одних случаях общность обусловлена развитием из единого источника. Идея «небесный шов» (или «небесная трещина»), безусловно, существовала в той монгольской общности, из которой развились халха-монгольский, бурятский, калмыцкий языки. Это единство — генетическое.

В других случаях, считает В.А. Никонов, единство возникает в результате длительных контактов одного народа с другим. Так произошло с якутами, народом тюркоязычным, но воспринявшим от монголоязычных народов идею «небесный шов». Это общность не генетическая, а контактная. (Займствования, в свою очередь, тоже различны: усвоение не названия, а самого мифа, из которого рождается название; займствование идеи названия, но выражаемое словами родного языка, особенно частый случай в наименованиях Млечного Пути; займствование готового чужого названия, даже с полностью погашенной этимологией, только как знака.)

Кроме того, исследователь поясняет случаи семантического сходства в ситуациях отсутствия родства по происхождению и общения. Следует согласиться с выводом о том, что при заметной близости в семантике всей массы названий с идеей «путь» в самых разных местах планеты едва ли это можно объяснить происхождением от одного народа или контактами. Вероятно, здесь мы имеем дело с типологическим сходством: названия возникли в нескольких местах независимо одно от другого — сходные условия рождали сходные результаты [Никонов, 1980, с. 258].

Общность в космонимии разных народов (языков) проявляется не только в том, что существует научная астрономическая терминология, во многом сходная во всех литературных языках (так, астрономы всего мира пользуются латинскими названиями созвездий и др.), но и в том, что у довольно значительного числа космических объектов при их разноязычном оформлении нередко имеется общий (тождественный) «внутренний образ», подсказанный самим объектом. Сходство могли породить и контакты народов, говоривших на разных языках. Могло оно быть и просто унаследованным от языкоосновы (в языках одной генетической семьи, группы, ветви). Дан-

ную точку зрения разделяет ряд исследователей ономастической лексики (Бондалетов, Карпенко, Никонов, Рут, Суперанская и др.).

В свете изложенного выше, думается, лингвистическое описание космонимов бурятского языка крайне желательно и оправдано, поскольку всякая космонимия способна служить дополнительным и весьма драгоценным источником данных о происхождении народов и их языков, их представлениях о мироздании, их взаимосвязях и миграциях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятая попытка дать лингвистическое описание системы имен собственных бурятского языка свидетельствует об эволюции бурятской онимии, позволяет определить место онимов в лексическом составе бурятского языка, а также выявить их специфику как онимической единицы.

Для теории имени собственного характерна кажущаяся простота задач, при решении которых возникают нередко весьма сложные методологические проблемы. Некоторые вопросы теории имени собственного представляются обманчиво простыми, например «Каков критерий того, что данное слово или словосочетание есть имя собственное?» или «На чем основывается уверенность в том, что в любом вновь описываемом языке мы обнаружим наличие онима?», «Почему онимы это непременно лишь существительные, а не другие части речи? Почему не может существовать собственный глагол или наречие?».

Анализ подобных вопросов, установление природы имени собственного требует рассмотрения комплекса вопросов, относящихся к разным языковым уровням, причем не только в абстрактно-логическом, но и в сравнительно-историческом плане.

Имя собственное как никакая другая лексема способно дать информацию о первоначальном состоянии и характере объекта, о человеческих и общественных отношениях, в которые объект был включен. Диалектика жизни трансформирует идеологию и вкусы людей, и это находит опосредованное отражение в онимии.

Экстралингвистичность имен собственных определила и диапазон исследования, который явно шире общелингвистического. Синхронический и диахронический аспекты исследования ономастического материала, в отличие от лексики апеллятивной, представлены особым образом. Всякая онимическая система включает не только и не столько имена, созданные недавно, сколько имена, унаследованные от глубокой древности. Вместе с тем они удовлетворяют нор-

мам и моделям, принятым и понятным в настоящее время, хотя слагаемые этих моделей уходят своими корнями в далекое прошлое.

Наличие разновременных элементов в единой онимической системе требует необходимости изучения их в исторической последовательности, т. е. ставит вопросы стратиграфического анализа имен. А особая формульность имени, повторение в разные времена у разных народов одних и тех же структурных и семантических особенностей имени, обращение к тем же самым реалиям при создании имени, однотипность мотивировок позволяют говорить о наличии ономастической типологии.

Сходство типов собственных имен у разных народов объясняется в первую очередь психологическими особенностями именуемых. Можно выделить ряд ономастических универсалий, которые также связаны с психологией именуемых. Последовательность актов первичной номинации, трансонимизации и онимической деривации в бурятском языке совпадает с подобными процессами в других языках, что позволяет говорить о наличии определенной ономастической типологии.

В связи с тем, что история становления и развития собственных имен любого языка во многом определяется культурой народа, создавшего эти имена или заимствовавшего их, в зонах с близкими культурными традициями складываются сходные типы имен. Типология наблюдается в отражении реалий в основах собственных имен, включении их в состав обозначений профессий, предметов материальной и духовной культуры, названии растений и животных и т. д.

Анализ этих явлений может дать интересные сведения о психологии человека, создающего, употребляющего и воспринимающего имена. Анализ именника конкретно взятого народа и сравнение его с ономастической системой другого народа подтверждает единство процесса номинации и обнаруживает сходство процесса словообразования, мотивировок имен.

Основная же ценность имени собственного заключается в его информативности. Информация заключена во всех элементах имени собственного: в его лексической и словообразовательной основе, формантах, в составе и последовательности его фонем и морфем. Естественно, что вся эта информация выявляется с помощью лингвистических методов.

Системный подход к изучению ономастической лексики особым образом формирует и сам объект ономастических изысканий. В данном случае не столь важны этимологические связи отдельных имен, сколько их онимическое окружение, принципиальная возможность вхождения их в определенные онимические ряды, системная организация этих рядов, хронологическая последовательность актов деривации.

Современная наука исключает изолированное рассмотрение отдельных имен и выдвигает в качестве предварительного условия для их изучения учет разнообразных факторов, так или иначе влияющих на формирование именных систем, учет лингвистических и экстралингвистических связей отдельных типов имен, связей онимических типов друг с другом и с апеллятивной лексикой.

В результате сопоставительного анализа топонимических и антропонимических систем разных народов и функционирования собственных имен в различных речевых ситуациях возможно получить дополнительные сведения о национальной специфике каждого языка и народа. К примеру, антропонимические процессы, живые у одного народа, у другого оказываются давно пройденным этапом, результаты которого превратились в застывшие официальные формы (ср. образование фамилий в бурятском и русском языках).

Подобно тому как собственные имена составляют неотъемлемую часть любого языка, изучение их должно быть органической частью каждого лингвистического исследования. Более того, в изучении имен собственных заинтересованы специалисты разных отраслей знания: географы, историки, этнографы, литературоведы и др.

Конечно же, необходимость анализа культурно-исторического фона, на котором создавались имена и на который они проецировались, требует обращения ономастов к географическим, историческим, этнографическим и прочим экстралингвистическим материалам. Однако лингвист должен смотреть на имена совершенно иначе, нежели географ или историк, и никакое слияние их подходов к ономастическим исследованиям принципиально невозможно.

В то же время историей и географией не исчерпывается тот комплекс экстралингвистических знаний, который необходим лингвисту, занимающемуся ономастическими исследованиями. Его интересует и психология человека, дающего имя, и социология коллектива, воспринимающего имя или не принимающего какого-либо ономастического новообразования, и логика, дающая основание для

различного рода ономастических классификаций, и духовная и материальная культура, в отрыве от которой имена лишаются тех корней, которыми они связаны с коллективом.

Ономастические исследования свидетельствуют о том, что у различных народов степень взаимосвязанности национальной культуры и проприальной лексики в различных временных срезах находятся в различных соотношениях. Однако здесь мы наблюдаем и некоторую общую закономерность, зависящую от степени этногенетических, географических, социальных, конфессиональных, экономических и др. контактов близкородственных (или неродственных) племен, народностей, наций. Чем глубже исторический срез, тем степень взаимовлияния тесней, прочней, она ощутимо снижается по мере приближения к настоящему времени, что четко отражается, соответственно, и в проприальной лексике современных этнических консолидаций [Подольская, Шайхулов, 1985, 142–143; Шайхулов, 1987; Шайхулов, 1993].

Степень подверженности воздействию онимической лексики в области духовной культуры (а также материальной) зависит, по всей вероятности, как от сочетания и состояния общественно-экономической формации, социального строя, особенностей конфессиональных систем (добровольное принятие или насильственное внедрение той или иной религии), так и от соотношения степени развитости общественного строя страны (народа) — завоевателя и завоеванной страны, принявшей религию завоевателя. Например, антропонимикон западных и восточных бурят по-разному отражает влияние буддизма (ламаизма) и христианства: в именнике западных бурят наблюдается более высокий уровень проникновения славянских (русских) имен, а в именнике восточных бурят — тибетских.

Сравнение ономастических систем разных эпох, территорий, языков свидетельствует о том, что наряду со многими специфическими чертами для любых или почти любых имен собственных может быть выделен ряд общих признаков. Это, безусловно, ономастические универсалии. Универсальность эта основана, прежде всего, на общности человеческого мышления, на единых принципах номинации, а также на единых путях эволюции именных систем.

Параллельность развития культур, в том числе и духовной культуры, и языка приводит к параллельности развития ономастиконов у народов разных стран. Так возникают ономастические универсалии. Они лишь частично совпадают с общеязыковыми универсалиями.

ями, потому что относятся к специальной лексике, тесно связанной с экстралингвистическими факторами. Влияние последних на ономастическую лексику проявляется в каждом языке по-своему, в зависимости от его особенностей, благодаря чему состав онимической лексики в каждом языке оказывается особым, неповторимым, и это также, в свою очередь, составляет одну из ономастических универсалий [Теория и методика ономастических исследований, 1986, с. 212], что подтверждается и на материале ономастической системы бурятского языка.

ЛИТЕРАТУРА

АБАЙ ГЭСЭР / вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарии А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960.

АЛДАРОВА Н. Б. Об описательных именах в бурятском языке // Вопросы бурятской филологии. Улан-Удэ, 1973. Вып. 2.

АЛДАРОВА Н. Б. О некоторых исконно бурятских личных именах // Вопросы бурятской филологии. Улан-Удэ, 1975. Вып. 2.

АЛДАРОВА Н. Б. Из охранных имен бурят // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

АЛДАРОВА Н. Б. Бурятская антропонимическая лексика. Исконные личные имена: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1979.

АЛДАРОВА Н. П. О зоофорных антропонимах в монгольских языках // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976.

АЛДАРОВА Н. Б. Бурятские личные имена тибетского происхождения // Происхождении аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1976.

АЛДАРОВА Н. Б. Дифференциация исконных личных имен бурят // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978.

АПХАНОВА Э. М. Фамилии ольхонских бурят // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

АСАЛХАНОВ И. А. О бурятских родах в XIX веке // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.

БАБУЕВ С. Д. Заметки о топонимии Закамны // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990.

БАБУЕВА Ц. Ц. Русские имена Александр и Алексей в бурятской языковой среде // Исследования по ономастике Бурятии. 1987.

БАГДАРЫЫН СЮЛБЭ. Из якутской антропонимии и топонимии // Исследования по ономастике Бурятии. 1987.

БАДМАЕВА Л. В. Топонимические названия в летописи Вандана Юмсунова // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

БАДМАЕВА Л. Б. Антропонимы в бурятской летописи Вагдана Юмсунова // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990.

НАЗАРОВА Г. Э., ГУРУЛЕВ С. А. К истории названия Байкал // Ономастики Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

БАИРОВА Л. В. Клички домашних животных в бурятском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. № 10.

БАЛАБАНОВ В. Ф. Об изучении топонимики Забайкалья // Проблемы краеведения: материалы I Забайкальской краеведческой конференции. Чита, 1966. Вып. 1.

БАЛАБАНОВ В. Ф. Русская топонимика на карте Читинской области // Проблемы краеведения. 1966. Вып. 2.

БАЛАБАНОВ В. Ф. Некоторые вопросы топонимики Забайкалья в XVIII веке // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1969. № 3.

БАЛАБАНОВ В. Ф. Материалы по топонимике Забайкалья XIX века // Записки Забайкальск. фил. геогр. о-ва СССР (Проблемы краеведения, вып. 4). Чита, 1970. Вып. 39.

БАЛДАЕВ С. П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Зап. БМ НИИК, 1958.

БАЛДАЕВ С. П. Материалы о бурятских племенах и родах // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2.

БАЛДАЕВ С. П. Некоторые вопросы топонимики Восточной Сибири // Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1961.

БАЛДАПЖАПОВ П. Б. Заметки о топонимике Забайкалья // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. С. 1899. Вып. II.

БАЛЬЖИНИМАЕВА Ц. Ц. Составные топонимы-словосочетания в бурятском языке // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

БАЛЬЖИРОВА Г. Буряад нэрэнууд тухай хэдэн угэ // Усть-Ордын унэн. 1962. июниин 19.

БАСАЕВА К. Д. Современные тенденции в употреблении личных имен у бурят // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

БАШКУЕВ В. В. О географических названиях Предбайкалья и Забайкалья // Известия Всесоюзного географического общества. Ленинград, 1965. Вып. 4, т. 97.

БАШКУЕВ В. В. Система географических названий // Предбайкалье и Забайкалье. Москва: Наука, 1965.

БАШКУЕВ В. В. Своеобразие личных имен предбайкальских бурят // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

БЕРТАГАЕВ Т. А. Влияние русского языка на развитие фонетической системы литературного бурятского языка // Ученые записки БМПИ. Улан-Удэ, 1947. Вып. 1.

БЕРТАГАЕВ Т. А. Влияние русского языка на развитие смысловой системы литературного бурятского языка // Труд по филологии БМ НИИК. Улан-Удэ, 1948. Вып. 1.

БЕРТАГАЕВ Т. А., ЛЬВОВ А. Баргузин (о происхождении слова «баргузин») // Огонек. 1955. № 24.

БЕРТАГАЕВ Т. А. Об этимологии слов «баргуджия», «баргут» и «тукум» // Филология и история монгольских народов. Памяти Б. Я. Владимирцова. Москва: Изд-во вост. лит., 1958.

БЕРТАГАЕВ Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. Улан-Удэ, 1961.

БЕРТАГАЕВ Т. А. К вопросу о взаимовлиянии языков (О монголизмах и двуязычии) // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. Москва: Наука, 1969.

БЕРТАГАЕВ Т. А. Об этнонимах бурят и курикан // Этнонимы. Москва: Наука, 1970.

БЕРТАГАЕВ Т. А. Об этнонимах Керумчин и Курамчин // Этнонимы. Москва: Наука, 1970.

БЕРТАГАЕВ Т. Л. Сочетания слов и современная терминология. На материале монгольского и бурятского литературного языка. Москва: Наука, 1971.

БЕРТАГАЕВ Т. А. О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока. Москва: Наука, 1980.

БИТКЕЕВА Г. С. Социальные аспекты некоторых имен у калмыков // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983.

БИЧУРИН (ИАКИНФ) Н. Я. Собрание сведений о народах Средней Азии в древние времена // Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1.

БОЛОТОВ В. И. Значение слова. термина и энциклопедическое значение имени собственного // Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973.

БОЛОТОВ В. И. Назывная сила имени и классификация существительных и языке и речи // Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы. Москва: Наука, 1979.

БУДАЕВ Ц. Б. О некоторых топонимах Ноехона // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

БУДАЕВ Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978.

БУРАЕВ И. Д., ДУГАРОВ П. Б., БАДМАЕВ А. Р. Бурятские имена // Справочник личных имен народов РСФСР. Москва: Советская энциклопедия, 1965.

БУРАЕВ И. Д. О бурятских личных именах // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Улан-Удэ, 1969. Вып. 2.

БУРАЕВ И. Д., ШАГДАРОВ Л. Д. О бурятских личных именах // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969.

БУРАЕВ И. Д. Эвенкийские топонимы в бурятском языке // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990.

БУРХАНОВ К. Н. Казахская зоонимия // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2.

БУЯНТУЕВ Б. Р. К вопросу о происхождении названия «Байкал» // Изв. АН СССР. сер. Геогр. 1951. № 5.

ВАЙНРАЙХ У. Языковые контакты. Киев, 1979.

ВАСИЛЕВИЧ Г. М. Топонимика Восточной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. Ленинград, 1958. Вып. 4. т. 90.

ВИНОГРАДОВ Г. Географическая народная номенклатура // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1930. Т. 1.

ВОРОБЬЕВА И. А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977.

ГАК В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). Москва: Наука, 1977.

ГЕРАСИМОВА К. М. Культ обо как дополнительный материал для изучения этнических процессов в Бурятии // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1969. Вып. 5.

ГУРИЕВ Т. А. Топонимы монгольского происхождения в Северной Осетии // Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию проф. Р. Д. Санжиева. Москва, 1974.

ГУРУЛЕВ О. А. О древних и средневековых названиях Байкала // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск, 1974. Сер. общественные науки. Вып. 3, № 11.

ГУРУЛЕВ С. А. Что в имени твоём, Байкал? Новосибирск, 1982.

ДАМДИНОВ Д. Г. О топонимике бассейна р. Ояон // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

ДАНЧИНОВА И. А. Социологические основы наименования // Вопросы бурятской филологии. Иркутск, 1975. Вып. IV.

ДАРБЕЕВА А. А. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках // Ономастика. Москва: Наука, 1969.

ДАРБЕЕВА А. А. Развитие общественных функций монгольских языков. Москва, 1969.

ДАРБЕЕВА Л. А. Параллельные формы личных имен бурят // Антропонимика. Москва: Наука, 1970.

ДИНГАНОРБОЕВА Ц. Т., МИТРОШКИНА А. Г. Варианты-эвфемизмы в бурятской антропонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.

ДОНИДЗЕ Г. И. О грамматической характеристике тюркских топонимов // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.

ДОРЖИЕВ Д. Д. О топониме Кондуй // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ДУГАРОВ Н. Б. Библиография литературы по бурятской ономастике // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

ДУГАРОВ Н. Б. Некоторые вопросы микротопонимии города Улан-Удэ // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1973.

ДУГАРОВ Н. Б. Ойконимы-словосочетания в географических названиях Бурятии // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ДУГАРОВ Р. П. Этноним «хор» в тибетской историографии // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

ДУЛЬЗОН А. П. Этнический состав древнего населения Сибири по данным топонимии. Москва, 1960.

ЕГОРОВ В. Л. Русско-бурятский словарь географических терминов и названий с кратким толкованием. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1934.

ЕГУНОВ Н. П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990.

ЖАМСАРАНОВА Ц. Б. Географические термины в бурятском языке // Топонимика и историческая география. Москва, 1976.

ЖУКОВСКАЯ Н. Л. Заметки о монгольской антропонимии // Ономастика Востока. Москва: Наука, 1980.

ЗИМИН Ж. Л. Имена и фамилии аларских бурят // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ЗИМИН Ж. А. К вопросу о выходе хонгодоровских родов из Монголии и их расселение в Алари // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983.

ЗИНИН С. И. Из истории антропонимической терминологии // Антропонимика. Москва: Наука, 1970.

ЗОЛХОЕВ В. И. Ударение в бурятском и русском языках // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1962. Вып. 2.

ЗОЛОТАРЕВА И. М. Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья // Записки БМ НИИК. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1957. Вып. XXIV.

КАЗАКЕВИЧ В. А. Современная монгольская топонимика // Труды Монгольской комиссии. Ленинград, 1934. № 13.

КАРАЕВ С. К. К этимологии топонимов «Шибер» и «Сибирь» // Общественные пауки в Узбекистане. Ташкент, 1966. № 7.

КАРПЕНКО Ю. А. Названия звездного неба. Москва, 1981.

КОПЫЛОВА В. И. О некоторых фонетических и словообразовательных особенностях бытовых имен семейских Забайкалья // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

КОРСУНКИЕВ Ц. К. Русские фамилии монгольского происхождения // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

КУДРЯВЦЕВ Ф. А. О происхождении слова «Сибирь» // Восточно-Сибирская правда. 1943. 11 янв.

КУЗЬМИНА Г. Г. Словарь географических терминов и других слов в бурятских географических названиях. Москва, 1969.

КУЛИКОВ Б. С., БАЛАБАНОВ В. Ф. О происхождении названий и времени основания городов и поселков Читинской области // Забайкальский краеведческий ежегодник. Чита, 1957. № 1.

КУРИЛОВИЧ Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. Москва, 1962.

ЛИНХОБОЕВ Г. Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят // Записки БМ НИИК. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1956. Вып. XXI.

ЛИНХОВОИН ЛОДОН. Буряад нэрэ, фамилинууд тухай // Буряад унэн. 1962, юниин 23.

МАНЖИГЕЕВ И. М. Янгутский бурятский род. (Опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960.

МАНЖИГЕЕВ И. А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. Москва: Наука, 1978.

МАРТЫНОВ П. И. Эвенкийские названия в районе озера Байкал на географической карте // Краеведческий сборник. Улан-Удэ, 1960. Вып. 5.

МАТВЕЕВ А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики // Вопросы языкознания. 1965. № 6.

МАТВЕЕВ А. К. Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // Вопросы языкознания. 1972. № 3.

МАТВЕЕВ А. К. Этимологизация субстратных топонимов к апеллятивным заимствованиям // Этимология. Москва, 1971, 1973.

МАТВЕЕВ А. К. Ареальные исследования и этимологизация субстратных топонимов // Проблемы картографирования в языковедении и этнографии. Ленинград, 1974.

МАТХЕЕВ Б.В. Очерки эхирит-булагатского говора // Исследования бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Местные географические термины Восточной Сибири // Труды Иркутского государственного университета. 1958. Вып. 1. Сер. География, т. 24.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Некоторые закономерные черты формирования и развития топонимики Восточной Сибири // Краткие сообщения Иркутского государственного университета о научно-исследовательских работах за 1959 г. Иркутск, 1961.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Топонимия и задачи топонимических исследований // Материалы 1-го научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1959.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Географические имена. Топонимический словарь: пособие для учителей. Москва: Учпедгиз, 1961.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Языковые ареалы топонимии Иркутской области // Сборник кратких научных сообщений географического факультета Иркутского университета. Иркутск, 1962.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Историко-этнографическое значение топонимики Восточной Сибири // Материалы 2-го научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Владивосток, 1962. Вып. 5.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. О топонимике побережья Байкала // Краткие сообщения о научно-исследовательских работах. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1962.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Происхождение географических названий Иркутской области: словарь. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Материалы по вопросу о названии «Байкал» // Краткие сообщения и доклады о научно-исследовательских работах за 1962 г. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1964.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Топонимические свидетельства географических условий прошлого (на примерах топонимики юга Восточной Сибири) // Всесоюзная конференция по топонимике СССР: тезисы докладов и сообщений. Ленинград, 1965.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Географические названия Восточной Сибири, Иркутской и Читинской областей. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1969.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969.

МЕЛЬХЕЕВ М. Н. Топо-, этно- и антропонимические связи в ономастике // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

МИТРОШКИНА А. Г. Явления фонетической адаптации монгольской (бурятской) топонимии в русском языке // Республиканская ономастична (гидронимична) конференция. 3-я. (Тез). Киев: Наукова думка, 1965.

МИТРОШКИНА А. Г. О значении суффикса -гшан (-гшон, -гшэн), -гша (-гшо, -гшэ) // Труды Иркутского университета. 1969. Т. 65. Сер. Языкознание. Вып. 4.

МИТРОШКИНА А. Г. Методика собирания ономастического материала в Западном и Восточном Прибайкалье. Иркутск, 1971.

МИТРОШКИНА А. Г. Из опыта изучения бурятской топонимии // Исследования по топонимике. Москва, 1974.

МИТРОШКИНА А. Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

МИТРОШКИНА А. Г. Бурятские антропонимы как источник в историко-лингвистических исследованиях // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. Иркутск, 1980.

МИТРОШКИНА А. Г. К этимологии гидронима Лена // Ономастика Востока. Москва: Наука, 1980.

МИТРОШКИНА А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987.

МИТРОШКИНА А. Г. Вопросы методологии изучения бурятской антропонимии // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

МИХАЙЛОВ Г. М. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

МИХАЙЛОВ Н. И. К истории появления и распространения названия «Сибирь» // Ученые записки МГУ. Москва, 1954. Вып. 170.

МОЛЧАНОВА О. Т. Опыт сравнительно-исторического исследования тюркской топонимии Горно-Алтайской области: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1983.

МОНРАЕВ М. У. Некоторые вопросы калмыцкой антропони-
мии // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. № 2.

МОНРАЕВ М. У. Динамика личных имен г. Элисты // Онома-
стика Калмыкии. Элиста, 1983.

МУРЗАЕВ Э. М. Монгольские топонимы в Курдистане // Топо-
нимика Востока. Москва: Наука, 1964.

МУРЗАЕВ Э. М. Основные направления топонимических иссле-
дований // Принципы топонимики. Москва, 1964.

МУРЗАЕВ Э. М. Очерки топонимики. Москва: Мысль, 1974.

МУРЗАЕВ Э. М. География в названиях. Москва: Наука, 1979.

НАМСАРАЕВ В. Б. Гуримшуулхаар болоо (буряад нэрэ, фами-
лиинууд тухай) // Бур.-Монг. үнэн. 1956.

НАМСАРАЕВ Г.-Д. Н. Топонимика Аги // Исследования по
ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990.

НИКОНОВ В. А. Введение в топонимику. Москва: Наука, 1965.

НИКОНОВ В. А. Задачи и методы антропониимики // Личные
имена в прошлом, настоящем и будущем. Москва: Наука, 1970.

НИКОНОВ В. А. Этнография имен. Москва: Наука, 1971.

НИКОНОВ В. А. География космонимов и этнические связи //
Проблемы этногеографии Востока. Москва, 1973.

НИКОНОВ В. А. Имя и общество. Очерки по ономастике.
Москва: Наука, 1974.

НИКОНОВ В. А. География названий Млечного Пути // Онома-
стика Востока. Москва: Наука, 1980.

НИМАЕВ Д. Д. Микротопонимия села Ташир Селенгинского
района Бурятской АССР // Исследования по топонимике. Москва,
1974.

НИМАЕВ Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск, 1988.

НИМАЕВ Д. Д. О вопросах тюрко-монгольской этнонимии //
Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

НОМИНХАНОВ Ц. Д. Монгольские элементы в этнонимике и
топонимике Узбекской ССР // Записки Калмыцк. НИИ яз., лит. и
истории, 1962. Вып. 2.

ОКЛАДНИКОВ А. П. Очерки из истории западных бурят-
монголов (XVII–XVIII вв.). Ленинград: Соцэкгиз, 1937.

ОКЛАДНИКОВ А. П. История и культура Бурятии. Улан-Удэ:
Бурят. кн. изд-во, 1976.

ОЛОХТОНОВА А. Г. Русские личные имена, заимствованные
бурятами // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ОЧИР-ГАРЯЕВ В. Э. Географические термины в наречиях монгольских языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Элиста, 1983.

ОЧИР-ГАРЯЕВ В. Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983.

ПОДОЛЬСКАЯ Н. В., СУПЕРАНСКАЯ А. В. Терминология ономастики // Вопросы языкознания. 1969. № 4.

ПОДОЛЬСКАЯ Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. Москва: Наука, 1983.

ПОДОЛЬСКАЯ Н. В., ШАЙХУЛОВ А. Г. Методологические аспекты составления «Атласа тюркских топонимов Волго-Камско-Уральского лингвоонимического региона» // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы. Уфа, 1985.

ПОДОЛЬСКАЯ Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988.

ПОСПЕЛОВ Е. М. Картографирование как метод исследования субстратной топонимики // Вопросы языкознания. 1967. № 1.

ПЛАСТИНИН Л. А. Географические названия юга Восточной Сибири // Геодезия и картография. 1963. № 10.

ПЛАТОНОВ Л. Географические названия Сибири // В помощь учителю. Иркутск, 1940. № 4.

ПОРОТНИКОВ П. Т. Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика. Москва: Наука, 1972.

ПОСПЕЛОВ Е. М. Топонимика и картография. Москва, 1971.

ПОТАНИН Г. Н. О происхождении географического имени «Сибирь» // Сибирский сборник. Иркутск. 1890. Вып. 1.

ПЮРБЕЕВ Г. Ц. Дифференциальные признаки женских и мужских личных имен калмыков // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.

ПЮРБЕЕВ Г. Ц. О характере оппозиции имя собственное — имя нарицательное в монгольских языках // XIII Международный конгресс по ономастике, август 21–25. Краков, 1978.

РАССАДИН В. И. О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969.

РАССАДИН В. И. Тюркизмы в халха-монгольском языке // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1970. Вып. 5.

РАССАДИН В. И. Антропонимы у тофаларов // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

РАССАДИН В. И., МИХАЙЛОВ Т. М. Исследования по топонимике Восточной Сибири // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.

РАССАДИН В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. Москва: Наука, 1982.

РАССАДИН В. И. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983.

РАССАДИН В. И. Система гидронимов бассейна р. Оки // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

РУМЯНЦЕВ Г. Н. К вопросу о происхождении хори-бурят // Записки БМ НИИКЭ. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1948. Вып. VIII.

РУМЯНЦЕВ Г. Н. Аларская летопись // Записки БМ НИИКЭ. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. Вып. IX.

РУМЯНЦЕВ Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят // Записки БМ НИИК. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. Вып. XII.

РУМЯНЦЕВ Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят. (Продолжение) // Записки БМ НИИК. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1952. Вып. XV.

РУМЯНЦЕВ Г. Н. Предания о происхождении аларских бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2.

РУМЯНЦЕВ Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1962.

РЫГДЫЛОН Э. Р. О названиях «Байкал» и «Ангара» // Известия АН СССР. Москва, 1953. Сер. геогр., № 5.

РЫГДЫЛОН Э. Р. Топонимические этюды. I // Записки БМ НИИК. Улан-Удэ, 1955. Вып. 20.

РЫГДЫЛОН Э. Р. Топонимические этюды. II // Записки БМ НИИК. Улан-Удэ, 1956. Вып. 22.

РЫГДЫЛОН Э. Р. Что значат слова: Байкал, Ангара, Братск // Вост.-Сиб. правда. 1957. 2 февр.

САНЖЕЕВ Г. Д. Песнопения аларских бурят // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. 1928. Т. 3, вып. 2.

САНЖЕЕВ Г. Д. Маньчжуро-монгольские языковые параллели // Изд. АН СССР. Сер. гуманитар. наук, 1930. № 9.

САНЖЕЕВ Г. Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. Улан-Удэ, 1983.

САНЖЕЕВ Г. Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983.

САНЖИНА Д. Д. Характеристика личных имен персонажей бурятских исторических романов // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

СВИНИН В. В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 2.

СЕЛЬВИНА Р. Л. Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимии // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983.

СЕЛЬВИНА Р. Л. Калмыцкие личные имена // Этническая ономастика. Москва: Наука, 1984.

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. № 6.

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А. О лингвистических универсалиях // Вопросы языкознания. 1972. № 2.

СЕРЕБРЕННИКОВ Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация (Общие вопросы). Москва: Наука, 1977.

СОБОЛЕВ Н. П. К топонимике Забайкалья // Проблемы краеведения: материалы I Забайкальской краеведческой конференции. Чита, 1956. Вып. 1.

СОДНОМОВ А. Н. Топонимы в аналитических жанрах газеты «Бурят унэн» // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

СУПЕРАНСКАЯ А. Б. Типы и структура географических названий (на материале топонимии СССР) // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. Москва, 1964.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Микротопонимия, макротопонимия и их отличия от собственно топонимии // Микротопонимия: материалы совещания. Москва, 1967.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. Москва, 1969.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Эволюция взглядов на имя собственное в науке о языке // Развитие методов топонимических исследований. Москва, 1970.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Общие вопросы ономастики в условиях двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва, 1972.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Ономастические универсалии // Восточнославянская ономастика. Москва: Наука, 1972.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Аpellятив — онома // Имя нарицательное и собственное. Москва, 1978.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Имя и эпоха (К постановке проблемы) // Историческая ономастика. Москва: Наука, 1977.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Ономастическая стандартизация, допустимость. Возможность. Ограничения // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. Москва: Наука, 1979.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Что такое топонимика. Москва, 1985.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. К проблеме типологии антропонимических основ // Ономастика. Типология. Стратиграфия. Москва: Наука, 1988.

СУПЕРАНСКАЯ А. В. Имя собственное как разряд специальной лексики // Народы и культуры: материалы к серии. Вып. XXV. Ономастика. Кн. 1, ч. 1. Имя и культура. Москва, 1993.

Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, П. В. Подольская, А. Х. Султанов. Москва, 1986.

ТОПОРОВ В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. 1960. № 3.

ТОПОРОВ В. Н. Из области теоретической топономастики // Вопросы языкознания. 1962. № 6.

ТОПОРОВ В. Н. К проблеме классификации в топонимии // Исследования по структурной типологии. Москва, 1963.

ТОПОРОВ В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической ономастики // Принципы топонимики. Москва, 1964.

ТОПОРОВ В. Н. О палийской топономастике // Ономастика Востока. Исследования и материалы. Москва, 1969.

ХАМАЕВА А. А. К семантике антропооснов бурятских личных имен // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ХАПТАЕВ П. Т. Предания о бурятских родах эхиритского племени // Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1930. Вып. 6.

ЦЫБИКОВ Г. Ц. Шаманизм у бурят-монголов // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды. Новосибирск: Наука, 1981. Т. 2.

ЦЫБИКОВА В. М. Имена персонажей сатирических рассказов бурятских писателей // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц. Б. Влияние русского языка на развитие бурятского // Труды БМ НИИК СО АН СССР. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1.

ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972.

ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц. Б. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц. Б. К взаимовлиянию русского и бурятского языков // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.

ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц. Б. Этническое прошлое закаменских бурят по данным исторических легенд // Краеведение Бурятии. Улан-Удэ, 1979.

ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц. Б. Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ЦЫРЕНДОРЖИЕВА Ц. Ш. Современная антропонимия бурят города Улан-Удэ // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ШАГДАРОВ Л. Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.

ШАГДАРОВ Л. Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Тезисы докладов 1-й Алтаистической конференции. Ленинград, 1969.

ШАГДАРОВ Л. Д. К принципам унификации слов и названий из восточных языков при передаче их на русском языке // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ, 1976.

ШАГДАРОВ Л. Д. О возрастании роли русского языка и развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1978.

ШАГДАРОВ Л. Д. Сближение бурятского языка с другими языками народов СССР // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978.

ШАЙХУЛОВ А. Г. Аспекты системного исследования апеллятивов ономастических единиц в языках // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990.

ШИРИБАЗАРОВА В. Б. Процесс топонимизации названий колхозов в бурятском языке // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1931.

ШМЕЛЕВ Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1969.

ШУЛУНОВА Л. В. Классификация бурятских прозвищ и их лексическая вариативность // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: тезисы докладов к региональной конференции. Иркутск, 1980.

ШУЛУНОВА Л. В. Прозвища бурят улуса Куйта-Аларского района Иркутской области // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ШУЛУНОВА Л. В. О работах последних лет по бурятской ономастике // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.

ШУЛУНОВА Л. В. О лексической и грамматической структуре бурятских прозвищ // ИНИОН АН СССР N 6676 от 29/XII–1980.

ШУЛУНОВА Л. В. Вариантность бурятских прозвищ // ИНИОН АП СССР. N 6677 от 30/XII–1980.

ШУЛУНОВА Л. В. Прозвища в разговорном бурятском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 1981.

ШУЛУНОВА Л. В. Отражение этнографических особенностей в топонимии Предбайкалья // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983.

ШУЛУНОВА Л. В. Лексическая и грамматическая структура бурятских топонимов Предбайкалья // Всесоюзная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика В. Я. Владимирцова: тезисы докладов Москва, 1984.

ШУЛУНОВА Л. В. Топонимия Предбайкалья как источник по этнической истории бурят // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984.

ШУЛУНОВА Л. В. Принципы картографирования бурятских топонимов // Тезисы докладов XV Международного конгресса по ономастике. Лейпциг, 1984.

ШУЛУНОВА Л. В. Прозвища в антропонимии бурят. Улан-Удэ, 1985.

ШУЛУНОВА Л. В. Топонимические свидетельства контактов тюркских и монгольских народов (на материале топонимии Прибайкалья) // Историко-культурные контакты народов алтайской

языковой общности: тезисы докладов XIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Ташкент; Москва, 1986.

ШУЛУНОВА Л. В. Русская топонимия Прибайкалья // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ, 1985.

ШУЛУНОВА Л. В. Диалектная лексика в составе бурятской топонимии // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987.

ШУЛУНОВА Л. В. Презентация топонимической лексики в учебном материале // Перестройка высшего и среднего специального образования: опыт, проблемы, пути их решения (на материалах вузов культуры и культурнопросветительных училищ Восточной Сибири). Улан-Удэ, 1988.

ШУЛУНОВА Л. В. Типовые модели бурятских топонимов (словообразовательный анализ) // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

ШУЛУНОВА Л. В. Тюркоязычные топонимы Прибайкалья // Ономастика юга Восточной Сибири и Монголии: тезисы докладов к региональной конференции. Иркутск, 1989.

ШУЛУНОВА Л. В. Номинация населенных пунктов Прибайкалья // Ономастика Юго-Восточной Сибири и Монголии: тезисы докладов к региональной конференции. Иркутск, 1989.

ШУЛУНОВА Л. В. Бурятские топонимы в социолингвистическом аспекте // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989.

ШУЛУНОВА Л. В. Языковые контакты монгольских и тюркских племен Прибайкалья (на материале топонимии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989.

ШУЛУНОВА Л. В. Монгольязычная топонимия Прибайкалья // Цыбиковские чтения: тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989.

ШУЛУНОВА Л. В. Взаимодействие русского и бурятского языков в топонимии Предбайкалья // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988.

ШУЛУНОВА Л. В. Онимические форманты ойконимов Прибайкалья // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990.

ШУЛУНОВА Л. В. Роль коннотативных свойств топонимической лексики в обучении русскому языку как иностранному // Пути интеграции обучения с практикой культпросветучреждений в условиях перестройки высшего образования в стране. Улан-Удэ, 1990.

ШУЛУНОВА Л. В. Имена собственные в эпических произведениях // «Джангар» и проблемы эпического творчества: тезисы международной конференции. Элиста, 1990.

ШУЛУНОВА Л. В. Лексико-семантическая структура бурятских топонимов // XVII Международный конгресс по ономастике: тезисы докладов. Хельсинки, 1990.

ШУЛУНОВА Л. В. Синтаксические функции бурятских собственных имен // Исследования по синтаксису монгольских языков. Улан-Удэ, 1990.

ШУЛУНОВА Л. В. Онимические форманты ойконимов Прибайкалья // Исследования по ономастике Прибайкалья. Улан-Удэ, 1990.

ШУЛУНОВА Л. В. Лингвистическое краеведение и вопросы наследия духовной культуры народа // Банзаровские чтения, посвященные 70-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1990.

ШУЛУНОВА Л. В. Отражение шаманизма в топонимии Прибайкалья // Базар Барадин: жизнь и деятельность: доклады и тезисы научной конференции. Улан-Удэ, 1993.

ШУЛУНОВА Л. В. Изучение имен собственных в неязыковом вузе // Проблемы возрождения национальной культуры: тезисы научно-практической конференции. Улан-Удэ, 1993.

ШУЛУНОВА Л. В. Бурятские географические термины Прибайкалья // Российский этнограф. Этнологический альманах. Антропология. Культурология. Социология. Москва, 1993.

ШУЛУНОВА Н. П. Микротопонимия верховьев реки Лена // Теория и практика топонимических исследований. Москва, 1975.

ШУБАЕВА Б. К. Казахские прозвища // Ономастика Поволжья — 2: материалы II Поволжской конференции по ономастике. Горький, 1971.

ЭРДЫНЕЕВА Э. Д., КОЗИНА О. М. Об антропонимах русских старожилов Бурятии // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ, 1987.

ЭРДЫНЕЕВА Э. Д. К лексикографическому описанию топонимов Бурятии // Русские народные говоры Забайкалья. Улан-Удэ, 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БУРЯТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ.....	5
1.1 Из истории изучения бурятских имен собственных.....	5
1.2 Объем и содержание ономастического пространства.....	11
1.3 Системные связи в ономастическом пространстве.....	15
Глава II ТИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ БУРЯТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ.....	21
2.1 Лингвистическая классификация.....	27
2.1.1 Структурная характеристика онимической лексики... ..	27
2.1.2 Стилистическая характеристика имен собственных.....	32
2.1.3 Семантическая характеристика онимической лексики.....	43
2.2 Историческая классификация.....	55
2.2.1 Топонимическая стратиграфия как свидетельство истории заселения края.....	58
2.2.2 Топонимия как источник по этнической истории бурят.....	62
2.3 Социальная классификация.....	71
2.3.1 Имя собственное и общество.....	74
2.3.2 Социолингвистический аспект бурятской топонимии.....	78
2.4 Психологическая классификация.....	83
2.4.1 Языковая деятельность.....	84
2.4.2 Мотивация имен собственных.....	85
Глава III СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ БУРЯТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ.....	90
3.1 Антропонимы.....	91
3.1.1 Общая характеристика.....	91
3.1.2 Лексико-семантическая характеристика.....	93
3.1.3 Структурно-словообразовательная характеристика... ..	109
3.2 Топонимы.....	118
3.2.1 Диалектная лексика в составе бурятской топонимии.. ..	121
3.2.2 Типовые модели бурятских топонимов.....	131
3.2.3 Онимические форманты.....	138
3.2.4 Роль микропонимов в бурятской онимии.....	148
3.2.5 Языковые контакты в топонимии.....	157
3.2.6 Русская топонимия в Бурятии.....	162

3.3	Зоонимы.....	171
3.3.1	Зоонимика как раздел ономастики.....	172
3.3.2	Заемствование кличек животных русского языка бурятами.....	174
3.3.3	Образование кличек животных в бурятском языке.....	176
3.3.4	Семантическая характеристика кличек животных.....	176
3.3.5	Клички животных индивидуального и общественного хозяйств.....	180
3.3.6	Взаимодействие бурятского и русского языков на материале зоонимии.....	181
3.4	Космонимы.....	184
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	193
	ЛИТЕРАТУРА.....	198

Научное издание

Людмила Владимировна Шулунова

ОНОМАСТИКА ПРИБАЙКАЛЬЯ

Монография

Дизайн обложки С. А. Орлова

Редактор Е. П. Евдокимова

Компьютерная верстка Н. Ц. Тахинаевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 05.07.2021. Формат 70x108 1/16
Уч.-изд. л. 12,55. Усл. печ. л. 11,22. Тираж 500. Заказ 107.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail.ru: riobsu@gmail.com

Отпечатано в ООО «ПРИНТ»
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5